

Владимир Ступишин

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

1992—1994

Москва
1998

92
C-88

U. Nachbarschafts Sitz

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

1992-1994

Москва
1998

Ответственный редактор *Самвел С. Григорян*

ISBN 5-7820-0052-X

Отпечатано в «Христианском издательстве»

117192 Москва, Мичуринский пр-т, 1

© В. Ступишин и Армянская община Москвы, 1998

Содержание

От автора	5
Анализ ситуации	6
Карабах	11
«Считаю своим долгом...»	17
Что-то зреет в Карабахе	25
Кельбаджарская операция	31
Переговоры в Москве	36
Трехсторонняя инициатива	44
Нажим на Карабах	58
Освобождение Мардакерта	67
Алиев и Рафаэлли	72
Падение Агдама. Прямые переговоры	78
Срыв переговоров	87
Бросок к Араксу	92
Казус Казимирова	105
Грачевский Протокол	120
Бишкек навязывает перемирие	129
Вместо эпилога	133

От автора

Карабахская тема не сходит со страниц российских и армянских газет. Ее актуальность подогревается очередными планами сопредседателей Минской группы, принятие которых угрожает самому существованию Карабаха, а по большому счету и всего армянства, ибо выдача Карабаха азербайджанским тюркам означала бы его неминуемую гибель, а с ним утратила бы перспективы на безопасное будущее и Республика Армения. Беда в том, что на такое предательство способны те, кто в России так или иначе причастен к переговорам о карабахском урегулировании. Это довольно влиятельные силы в высших органах власти и в дипломатическом аппарате России, которые либо действительно не понимают, либо не хотят понимать, что в лице тандема Карабах — Армения Россия имеет в Закавказье единственного верного союзника. Связанные с компрадорской олигархией, они смотрят в рот американцам и азеро-турецким клиентам США и готовы продать и предать все и вся ради собственных корыстных сиюминутных интересов. А между тем Карабах уже убедительно доказал свою способность и к самостоятельному государственному строительству, и к умелой дипломатической работе с самыми прожженными мастерами политической демагогии из ОБСЕ и других международных инстанций. Позиция Карабаха сильна и тем, что он имеет за своими плечами многовековую историю выживания в борьбе с самыми разнообразными завоевателями и опыт сохранения важных элементов армянской государственности, погибшей везде, но только не в Карабахе, где до самого включения его в состав Российской империи существовали Меликства Хамсы, которые, собственно, и были инициаторами объединения с Россией. Позиция Карабаха сильна и тем, что она опирается на международное право, на его фундаментальные положения о праве народов на самоопределение, а сама Нагорно-Карабахская Республика родилась куда более легитимным образом, нежели многие бывшие союзные республики и особенно стремящаяся проглотить Карабах самопровозглашенная Азербайджанская Республика (вот уж кому действительно подходит этот эпитет, придуманный противниками самоопределения малых наций).

Мне кажется, в условиях ожесточающейся борьбы за выживание Нагорного Карабаха читателям будет интересно узнать о перипетиях карабахского кризиса с точки зрения такого наблюдателя, как первый посол России в Армении, никогда не скрывавший своих симпатий к карабахцам, но всегда стремившийся к оценкам ситуации на основании высоконравственных критериев естественного права и вытекающих из него действующих норм права международного, обязательных для всех без исключения и без произвольно выборочного подхода.

Готовясь к вручению верительных грамот президенту Армении (оно состоялось 20 июня 1992 года), я представил начальству следующий предварительный анализ ситуации.

Анализ ситуации

Надо сказать, что к этому этапному моменту российско-армянские отношения подошли далеко не в безоблачной атмосфере, как могло бы показаться при виде искренне дружеского приема, оказанного российским дипломатам на всех уровнях. Отношения между новоиспеченными независимыми государствами, появившимися на месте РСФСР и Армянской ССР, были отягощены не только воспоминаниями о семидесяти с лишним годах пребывания в составе тоталитарной империи, но и относительно недавним соучастием еще того, советского, Кремля в геноциде армян в Сумгаите (февраль 1988 года), Гяндже (ноябрь 1988), Баку (декабрь 1989 и январь 1990 годов) и прямыми преступлениями советских вооруженных сил против армянского народа буквально накануне распада СССР. В 1990 и 1991 годах под руководством поляничек и макашовых в тесном взаимодействии с азербайджанским ОМОНОм и при активной пропагандистской поддержке большинства московских СМИ советские войска, независимо от того, будь то МО или МВД, в открытую занимались насильственной депортацией армянского населения из Геташена, Мартунашена и других сел вокруг Карабаха и в самом Карабахе. Вспомним хотя бы печально знаменитую операцию «Кольцо», прерванную только провалом ГКЧП. Эти же войска вооружали азербайджанскую армию таким образом, что ее оснащенность по сравнению с армянской армией в апреле 1992 года была, в зависимости от вида вооружений, в два, в десять, в сто, в двести раз больше, а самолетов у Армении тогда вообще не оказалось. Летчики были, а самолетов

не было, у азербайджанцев около сотни истребителей и бомбардировщиков было, но своих пилотов не было, и они прибегли к русским и украинским наемникам, а сами вопили, что на стороне карабахцев мифические «белые колготки» и негры воюют. Кстати, таких бойцов там никто так и не обнаружил, зато в азербайджанской армии были и русские снайперши и афганские моджахеда, о чем писала даже американская пресса.

Ничего не сделал Горбачев для преодоления блокады, установленной бакинскими правителями уже в 1989 году, когда в зону Спитакского землетрясения начали поступать вагоны с цементом, залитым водой при прохождении составов по территории «братского Азибарджана», как говорил бесподобный Михаил Сергеевич. Блокада поддерживалась независимо от партийно-политической принадлежности тех, кто хозяйничал в Баку. Дерьмократы Эльчибея зверствовали в армянских погромах и в приграничных стычках не хуже «коммунистов» и «националистов» Муталибова и Алиева. Все они и блокаду использовали как средство удушения Армении и Карабаха. А Москва и пальцем не пошевелила, чтобы с такой абсолютно противоправной политикой покончить. В результате в самых широких слоях армянского населения законное возмущение пакостями советского режима трансформировалось в антирусские настроения, которые еще и подогревались доморощенными националистами, попытавшимися придать внешнеполитическому курсу Армении проамериканскую и даже протурецкую ориентацию. Некоторые депутаты из правящего Армянского освободительного движения — АОД затеяли позорную возню против русского языка — в школах и вузах, в учреждениях и печати. Какие-то хулиганы свалили и украли бюст А. П. Чехова во дворе школы, носящей, слава Богу, и до сих пор имя великого русского писателя, очень уважаемого армянами. Началось снижение уровня изучения русской литературы студентами знаменитого Брюсовского института, не говоря уже о прекращении преподавания на русском языке почти всех предметов в университетах и других вузах. Чиновников заставили вести документацию исключительно на армянском языке, а устный перевод во время публичных манифестаций стали нередко ориентировать на англоязычных иностранцев, хотя первые руководители дипломатических представительств Франции, Китая, США, Германии подобрались в Ереване с неплохим знанием русского языка. Дело доходило до курьезов, когда русскому послу шептали перевод на

ухо, а на публику шел английский текст, хотя, случалось, слушать его было некому. И открыть в Ереване русский университет оказалось куда труднее, чем американский или германский.

Основу политическим отношениям положил подписанный двумя президентами 29 декабря 1991 года Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности. Но когда встал вопрос о его ратификации, нашлись армянские депутаты, выставившие ряд возражений по отдельным статьям, прежде всего военного характера. Те же самые депутаты в последующем торпедировали и договор о статусе российских войск в Армении, подписанный тоже президентами 21 августа 1992 года. Скажем прямо, такому отношению к договорам способствовала и российская сторона. Депутаты Верховного Совета РФ не захотели ратифицировать договор 1991 года под надуманным предлогом необходимости одновременной ратификации аналогичного договора с Азербайджаном, хотя весной 1992 года этого договора не было и в помине, и Баку не желал брать на себя никаких обязательств в СНГ, а Армения стала одной из стран-учредительниц Ташкентского договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года.

Становление нормальных отношений затруднялось и позицией МИД РФ, буквально срывававшегося с цепи, когда появлялся предлог лягнуть Армению, но принимавшего стойку «равноудаленности» и «беспристастия» всякий раз, когда очевидной была вина Азербайджана.

Москву очень обозлило освобождение карабахцами 9 мая Шуши, исконно армянского города Нагорного Карабаха, отуреченного за годы Советской власти и превращенного в цитадель, систематически обстреливавшую столицу Нагорно-Карабахской Республики город Степанакерт. Не понравилось козырьской дипломатии и последовавшее затем восстановление Лачинского коридора между Арменией и Нагорным Карабахом, уничтоженного посредством хитроумных интриг с «Красным Курдистаном» в 1930 году. Теперь Карабах получил вновь наземную связь с Арменией. Дорогой жизни стало разбитое старое шоссе Горис — Степанакерт. Москва сочувственно отнеслась к ламентациям Баку по поводу утраты столь важных стратегических позиций, а заодно выразила свое несогласие с «нападением вооруженных формирований на пограничные с Арменией районы Нахичевана», правда, с оговоркой — «если это действительно имело место». Ничего себе позиция! Да и «если» тут употреблено всуе, ибо даже азербайджанские и независимые иностранные

источники нападений со стороны Армении не подтвердили, а вот уничтожение сельскохозяйственных угодий армянских крестьян азербайджанской артиллерией из района Садарака (Нахичеван) ими наблюдалось.

В июне азербайджанцы собрались с силами и при поддержке русских наемников захватили армянский анклав Арцвашен, с ходу переименовав его в Башкент. Они это проделывали и с другими армянскими и русскими селами: Корягино у них давно носило название Физули, Мардакерт у них стал Агдере и так далее. Тогда же они оккупировали и северную треть территории НКР. Десятки тысяч новых беженцев хлынули в Армению, куда до того переместилось более трехсот тысяч армян из Баку и Гянджи. Остальные двести тысяч нашли приют в России. На азербайджанское наступление в июне МИД РФ откликнулся заявлением, в котором ни единым словом не обмолвился об инициаторах новой эскалации конфликта, поставив обе «противоборствующие стороны» на одну доску. Зато сколько крокодиловых слез будет пролито позже, когда беженцами окажутся азербайджанцы!

Вот в таких условиях предстояло начинать свою работу нашему посольству. Готовясь к встрече с президентом Армении, я занимался не только технической стороной этой поездки, выпрашивая деньги на первые шаги посольства, но и попытался проанализировать состояние и перспективы наших отношений с Арменией, о чем и доложил г-ну Шелову-Коведяеву, выразив надежду быть принятым президентом и министром иностранных дел России с целью получения устного послания руководству Армении, как это делается обычно в таких случаях.

Моя оценка ситуации в мае—июне 1992 года выглядела следующим образом.

Армения находится в исключительно сложном положении из-за конфликта между Нагорным Карабахом и Азербайджаном, но она не может не помогать Карабаху, ибо за уничтожением этого исторического ядра армянской нации всю Армению ожидала бы судьба тех ее частей, которые оказывались под властью турок и подвергались геноциду. На законное сопротивление попыткам подавления национальных чаяний карабахских армян со стороны Баку азербайджанские власти ответили блокадой Армении со всеми вытекающими отсюда последствиями. Связь с внешним миром осуществляется только по воздуху, что усложняет все виды экспорта—импорта и сажает население на голодный паек. Блокада парализовала значительную часть промышленности, наносит ущерб

сельскому хозяйству, усиливает напряженность на потребительском рынке. Дефицитны практически все промышленные товары. Цены растут катастрофически. Крайне ухудшились условия и качество жизни населения. Углубляется кризис финансовой системы. Нарушено денежное обращение. Растет социальная напряженность. Экономическая реформа идет со скрипом.

У Армении достаточно квалифицированной рабочей силы, талантливых ученых и способных предпринимателей, чтобы превратить свою страну в оживленный экономический центр и своего рода торговый перекресток на стыке Европы и Азии. Но реформы могут потерпеть крах, если блокада будет продолжаться.

Это тем более вероятно, что осложняется внутривосточная обстановка, а противостояние с Азербайджаном может перерасти в полномасштабную войну, чреватую большой кровью и разрушениями.

В этих условиях Россия должна тщательно продумать свои приоритеты в свете своих возможностей и перспектив.

Общая принципиальная цель — развитие хороших отношений с государствами Закавказья и содействие стабилизации обстановки в регионе. Но при этом необходимо учитывать, к чему тяготеют эти государства, чтобы не оттолкнуть от себя друзей, идя на поводу у тех, кто уже давно смотрит в чужой лес.

Протурецкая ориентация азербайджанских тюрков — явление, по всей видимости, не новое, естественное и понятное. Такая ориентация явно не способствует сохранению тесных уз между Баку и Москвой. Но ее можно употребить на пользу миру в Закавказье, попытавшись побудить Анкару, претендующую на место среди западных демократий, оказать сдерживающее влияние на Баку, а не поджуживать его в стремлении покончить силой с Нагорным Карабахом.

Россия могла бы занять, если не жесткую, то достаточно определенную позицию по отношению к турецкой политике в Закавказье (да и в Средней Азии), дав понять туркам, что мы не потерпим посягательств на наши интересы в этих традиционно российских зонах влияния.

Это нужно делать, исходя из того, что Армения — естественный и верный союзник России в Закавказье, ибо у нее нет иного пути выживания в качестве самостоятельной нации, кроме ориентации на Россию. Армяне — русофилы и русофоны. Они — хранители наследия древнейшей индоевропейской цивилизации и одной из самых ранних ветвей

христианства (с 301 года от Р. Х.). Армения — форпост европеизма в Азии. Президент Армении и ее правительство делают ставку на самое тесное сотрудничество с Россией и на СНГ.

Размытая, если не проазербайджанская, позиция России в карабахском вопросе в эту логику никак не укладывается. Почему бы нам, наконец, не заявить во всеуслышание, что никакому народу не дано право господства над другим народом, что право на свободу выбора есть естественное право любого народа и уж тем более такого, который тысячелетия живет на своей земле и выжил, несмотря на многочисленные попытки пришельцев истребить его. Это относится как к народу Нагорного Карабаха, так и ко всем армянам.

Помочь в нахождении компромисса, способного дать прочные гарантии безопасности Нагорному Карабаху, — главная задача российской дипломатии в армяно-азербайджанском регионе на ближайшее время. Положение дел с карабахским урегулированием будет неминуемо влиять на все другие дела между Россией и Арменией, но отсутствие прогресса на пути к нему не должно стать непреодолимым препятствием для двусторонних переговоров по конкретным вопросам российско-армянских отношений.

И, конечно же, мы должны вести себя и в публичной дипломатии как настоящие союзники и не выступать с официальными заявлениями осуждающего свойства, даже когда что-то не нравится нам в действиях армянского правительства, если эти действия не наносят прямого ущерба России. И, разумеется, не делать это вместе с противниками Армении, иначе какие же мы союзники?

Все это именно так и было сказано мною мидовскому начальству в самом начале лета 1992 года.

Карабах

Поскольку в канун вручения мною верительных грамот (оно состоялось 20 июня 1992 года) началось наступление Азербайджана в горах Арцаха и провокации на границе с Арменией участились, я счел своим долгом сформулировать для начальства свои соображения о возможной и желательной позиции России в карабахском вопросе, что и сделал в письменном виде в день своего отлета в Ереван.

В своей докладной я писал:

Новый виток вооруженного конфликта в Нагорном Карабахе вызвал просьбы Армении о вмешательстве международного сообщества и отправке в район боевых действий сил по поддержанию мира, а до того — военных наблюдателей, поскольку ни от СНГ, ни от России, несмотря на, казалось бы, союзнические отношения, Армении помощи ждать не приходится.

Армения не заинтересована в разжигании конфликта, ибо находится в неравном положении относительно наступающего вновь Азербайджана. Вопреки ранее делавшимся заверениям, она не получила такого же и в тех же количествах оружия, какое передано «законно» или захвачено противной стороной. Азербайджан открыто использует это оружие и наемников из числа военнослужащих бывшей советской армии против гражданских лиц, которых сам же считает своими гражданами, совершая тем самым преступление геноцида, ибо речь идет об иноверческой и инонациональной части населения.

Прикрываясь заявлениями о стремлении к мирному разрешению конфликта, азербайджанская администрация пытается навязать силовое «урегулирование», суть которого в полном игнорировании национальных прав армянского населения Карабаха.

Может ли Россия безучастно наблюдать за расправой над своим наиболее верным союзником в Закавказье? Даже если отвлечься от высоких моральных принципов, неплохо было бы задуматься хотя бы о государственных интересах. Потакая Азербайджану, мы его с открыто протурецкой и исламистской ориентации не свернем, а вот Армению потерять можем, и рискуем оказаться без каких-либо вообще средств влияния на положение в регионе.

(Именно в это время Эльчибей декларировал свое кредо: тюркизм, исламизм, демократия, а потом трансформировал это в тюркизацию, модернизацию, исламизацию. Через несколько лет его пресс-секретарь Лейла Юнусова, оказавшаяся после его свержения тандемом Гусейнов—Алиев в оппозиции, публично признает, что в Азербайджане нет политических сил, ориентирующихся на Россию, ибо в Азербайджане кровными братьями считают турок и очень сильно тянутся к Турции.)

Пора показать Баку, писал я в своей докладной, что мы серьезно относимся к заключенным нами договорам и не допустим переноса военных действий на территорию союзной Армении. Тем самым мы могли

бы оказать отрезвляющее воздействие на дальнейший ход событий и способствовать деэскалации конфликта.

Было бы правильно, в том числе с точки зрения интересов российской армии, потребовать прекращения беспредела, творимого в Азербайджане против российских военных городков, баз, военнослужащих и членов их семей, и обеспечения нормальной их эвакуации.

Необходимо объявить вне закона дезертиров и воров, торгующих незаконно присвоенным оружием, и потребовать выдачи российским властям нарушителей присяги и закона.

Необходимо также категорически опротестовать вовлечение российских граждан в военные действия в качестве наемников и потребовать удаления их из зоны боев.

И главное — пора выработать принципиальную базу российского подхода ко всем межнациональным конфликтам, признав право каждого компактно проживающего этноса на политическую самостоятельность, предполагающую, прежде всего, свободу от чьего-либо внешнего, инонационального диктата. Почему, говоря о территориальной целостности и нерушимости искусственно установленных советской властью границ, мы при этом имеем в виду одни только бывшие союзные республики, сохраняя тем самым юридическое и фактическое неравноправие, внедренное в межнациональные отношения большевиками? Но ведь даже в советском государственном праве все автономии, как бы они ни отличались друг от друга степенью ущемления суверенитета, признавались национально-государственными образованиями. Так почему же их целостность и границы не должны уважаться, тем более, во времена устранения всякого рода исторических несправедливостей? В России автономии уже встали на путь конституирования в республики, ставшие непосредственными членами Федерации. Их целостность и границы должны так же уважаться, как целостность и границы бывших союзных республик. Сделав такой (в сущности неотвратимый) шаг у себя дома, Россия вправе потребовать уважения политической самостоятельности и неприкосновенности заявляющих о своем суверенитете автономий, включенных некогда в состав других республик с ее ведома и согласия, но, как правило, без консультаций, а то и откровенно вопреки воле основного населения этих автономий.

Народ Нагорного Карабаха не спрашивали, когда включили эту армянскую область в состав Азербайджана. Армяне Нагорного Карабаха —

не община нацменьшинства, а основное население, подавляющее большинство, таковым и оставались даже после десятилетий попыток отуречивания. В советские времена Нагорный Карабах был национально-государственным образованием и как таковое должен быть признан равноправным участником переговоров об урегулировании. В противном случае переговоры приобретают характер колониальных и с точки зрения современного международного права перестают быть правомерными и правомочными.

Суть российской посреднической инициативы могла бы заключаться в следующем:

- потребовать немедленного прекращения огня и направления международных наблюдателей;

- начать в рамках СБСЕ переговоры о всеобъемлющем карабахском урегулировании с участием представителей избранных народом Нагорного Карабаха органов власти с тем, чтобы стимулировать переход к прямым переговорам между ними и азербайджанской администрацией;

- вывести переговоры об урегулировании отношений между Арменией и Азербайджаном на какой-то параллельный уровень и на этих переговорах решить все двусторонние проблемы, включая проблему беженцев и статуса армянских деревень в Азербайджане и азербайджанских деревень в Армении;

- предложить для переговоров о судьбе Нагорного Карабаха обоюдоприемлемый компромисс, который мог бы не выглядеть как односторонние уступки Азербайджана и в то же время гарантировал бы спокойную и свободную жизнь населению Нагорного Карабаха; таким компромиссом (как один из вариантов) могло бы стать установление особых административно-политических и экономических связей НКР с Азербайджаном, может быть, конфедеративных или даже федеративных (это последнее соответствовало бы юридическому статус-кво на начало конфликта), при том, однако, условии, что эти связи исключали бы какой бы то ни было диктат Баку и позволяли бы демократически избранным государственным институтам НКР управлять делами внутри ее границ на основе полной самостоятельности.

Нужно кончать с никого не трогающими выражениями «озабоченности» и общим фразам о желательности прекращения огня и выдвинуть

идеи, показывающие действительно мирную перспективу и достойный цивилизованных политиков выход из тупика для всех.

Все это и еще более подробно и резко я не раз говорил в департаменте СНГ, но в лучшем случае встречал скептическое молчание, а обычной реакцией стало обвинение в том, что я чуть ли не продался армянам. Надо сказать, что и в дальнейшем слушали меня здесь очень неохотно. Иногда приходилось навязывать разговор директору департамента Вадиму Кузнецову, получившему через пару лет пост посла в Турции, и его замам, вечно сверхзанятым чем угодно, только не Арменией. Канули в Лету времена, когда в МИДе интерес проявлялся не только к устным сообщениям послов, но в отделах внимательно расспрашивали о положении дел в курируемых странах и подопечных посольствах и советников, и первых секретарей, и других дипломатов. Может быть, в каких-то отделах эта традиция и выжила, но в новоиспеченном Департаменте СНГ ею явно пренебрегали. Пренебрегал ею министр. Пренебрегали и те его замы, которым приходилось заниматься делами СНГ.

И смех и грех: меня не только никто не инструктировал перед вручением верительных грамот, но очень редко снабжали ориентировками по тем или иным параметрам или позициям российской внешней политики и тогда, когда я уже работал в Ереване. Да и была ли она, эта политика?

В МИДе с интересом и пониманием реагировал на меня, пожалуй, только Федор Шелов-Коведяев. Может быть, именно в силу своей интеллигентности, совестливости и хорошей осведомленности о событиях в Армении во время ее становления как независимого государства этот непрофессиональный дипломат мог бы принести больше пользы формированию российской политики в Закавказье, чем карьерные мидовские чиновники. Но, к сожалению, он явно не пришелся ко двору этим чиновникам, взявшим верх под чутким руководством порхающего министра, и после ухода Шелова-Коведяева из МИДа отношения с тремя республиками Закавказья были отданы под надзор Виталия Чуркина, который очень скоро увяз в югославских делах и от армянских, по крайней мере, проблем открещивался, как монах от сатаны.

Ну а российское начальство более высоких уровней питалось, как водится, лапидарными справочками, при сочинении которых мидовскому чиновнику не до серьезных оценок и выводов: главная забота — чтоб без помарок и опечаток и чтоб все гладко, главное — чтоб не

информировало, а выглядело информацией, главное — чтоб непосредственное начальство не трухало, а поскорей завизировало — и с плеч долой! А в результате — примитивный текст вместо анализа, что-то вроде «Волга впадает в Каспийское море, а в Армении есть озеро Севан». Да и о каком анализе могла идти речь, если нужда в этих бумажонках возникала в авральном режиме, а потом они могли лежать и лежать у начальника в сейфе, дожидаясь окрика сверху, чтобы надо было продемонстрировать оперативность. В департаменте СНГ явно обрадовались, когда из его ведения фактически изъяли карабахскую проблему, отданную на откуп послу по особым поручениям Владимиру Казимирову, назначенному для выполнения посреднических функций накануне вручения мною верительных грамот. Впрочем ни этой проблемой, ни другими в департаменте по существу и заниматься-то было некому.

Вот почему, оказавшись в Ереване, я воспользовался уникальной возможностью обращаться со своими оценками и предложениями во властные структуры России, не оглядываясь на МИД, но, естественно, информируя его об этих обращениях. Я считал себя вправе делать это, ибо думал, что посол новой России не должен быть простым продолжением мидовского чиновника, а представляет все российское государство в его совокупности. Так оно и должно быть — и не только с чисто формальной точки зрения, нравится это или не нравится мидовскому начальству. Что явно не нравится, я почувствовал довольно скоро, но сознательно проигнорировал завуалированные «втыки», поскольку, не обращаясь на самый верх, полноценно работать было просто невозможно, учитывая личность министра и его профессиональную неполноценность, не говоря уже об отсутствии совести и гражданственности.

А в Ереван я прилетел с верой в то, что представляю демократическую Россию и работать надо в соответствии с ее государственными интересами на свой страх и риск, опираясь на собственный опыт и не дожидаясь ценных указаний, которых, как я уже отмечал, практически и не поступало, если не считать отдельные, довольно редкие поручения, преимущественно протокольного характера: подарите букет жене такого-то деятеля от имени..., вручите книгу, поздравьте и т. п. Даже информацию о тех или иных договоренностях между правительствами России и Армении посол был вынужден добывать на месте. И дело тут, конечно, не только в нерасторопности моих мидовских коллег, а в некомпетентности внешнеполитических служб всех подразделений верховной

власти и правительственных структур, не без доли самоуверенного и глупого высокомерия игнорировавших не только посольства, но и сам МИД, координирующая роль которого, зафиксированная в нескольких указах президента еще в 1992 году, так и оставалась благим пожеланием, фикцией.

После вручения грамот я прилетал в Ереван с государственной делегацией, занимавшейся подготовкой проектов договоров и соглашений, и с и. о. премьер-министра России Гайдаром, а «на постоянное местожительство» в Ереван передовая группа посольства и мы с женой в том числе прибыли 6 ноября 1992 года. Через два месяца во время моей первой командировки в Москву я написал и разослал по нескольким важным правительственным адресам свою записку о том, как надо защищать интересы России, опираясь на нашего армянского союзника. Об этом следующая глава из воспоминаний.

«Считаю своим долгом...»

«Место Армении в политике России». Так называлась моя записка, которая начиналась словами: «Считаю своим долгом доложить о следующем». Дальше шел такой текст:

«Армения и Нагорный Карабах имеют ключевое значение для России. Это каменная преграда для пантюркизма, почти не скрывающего свои притязания на распространение своего влияния на все Закавказье, опираясь на протурецкие круги Азербайджана (кавказские татары в лице Эльчибея открыто провозглашают свой курс на «тюркизацию» всего, что поддается этой политике), а отсюда — на Северный Кавказ, в Поволжье, в Среднюю Азию, на Алтай и далее. Даже китайцы уже поняли, что исчезновение армяно-карабахской преграды чревато угрозой для тюркоязычных районов Китая.

Азербайджанский президент Эльчибей ставит целью захват Нагорного Карабаха, который был армянской землей задолго до того, как в Закавказье появились турки, который был инициатором воссоединения с Россией в конце XVIII — начале XIX века, который никогда не покорялся туркам и не давал себя полностью оттуречить. Захват азербайджанскими турками Нагорного Карабаха возможен только путем подавления сопро-

тивления его защитников, выдавливания с его территории коренного населения (оно началось «мирным» путем еще в 20-х годах, оно осуществлялось в открытую при поддержке советской армии в 1990—91 годах, оно продолжается с помощью захваченного азербайджанцами оружия и славянских наемников в настоящее время). Если план Эльчибея удастся, из Армении уйдут все, кто может уйти, а те, кто останется, будут вынуждены стать на колени перед турками и американцами. И с позициями России в Закавказье будет покончено. Под ударом окажутся и наши позиции на Северном Кавказе и далее.

Наши интересы в Закавказье не совпадают с интересами ни Турции, ни США.

Наши интересы в Закавказье зависят от того, останется там или нет армяно-карабахский христианский островок, связавший свою судьбу с Россией и неоднократно терпевший за это от турок (вплоть до геноцида конца XIX века и особенно 1915—1920 годов).

В настоящий момент практически все слои армянского населения и все общественно-политические силы, включая оппозицию, не мыслят будущего Армении без союза и совместной жизни с Россией. Весь научный и интеллектуальный потенциал Армении (а он не так уж мал, если присмотреться к реальному вкладу армян в науку и культуру России и СССР) готов служить этому союзу, служить своему народу и народу России, как народам с вековыми традициями духовных и человеческих связей. Сохранить этот капитал общности судеб и интересов — долг каждого сознательного русского, пекущегося о судьбе России. Армяне — наш самый верный союзник в сохранении и приумножении фундаментальных основ, благодаря которым возрождение России пока еще возможно.

Пренебречь этим союзом значит пренебречь будущим России. Помочь Армении значит показать всем, что союз с Россией отвечает самым фундаментальным национальным интересам ее союзника, ибо создает ему привилегированное положение в системе международных связей России. Только так можно привлечь на сторону России других, а не путем заигрывания с ними в ущерб союзникам».

В подробном приложении я нарисовал картину бедственного экономического положения Армении, которая завершила 1992 год в состоянии глубочайшего кризиса, вызванного в первую очередь транспортно-энергетической блокадой. Я отметил и тот интересный факт, что от голода республику спасла радикальная земельная реформа, суть которой —

перевод на частнособственнические рельсы, а результат — увеличение производства зерна, картофеля и овощей, главным образом, благодаря частным крестьянским хозяйствам, давшим 80 процентов всей продукции земледелия. Но плохо с животноводством: сократилось поголовье. Плохо в промышленности, на транспорте, в научных учреждениях. Ожидался рост числа безработных до 200 тысяч человек, в основном людей с высшим образованием. Цены полезли вверх. Особенно на бензин. Люди живут на хлебе, картошке и... запасах.

Далее я рассказал о межпартийной борьбе, но основное внимание уделил внешней и военной политике Армении в свете карабахского конфликта и с учетом политики Азербайджана, чтобы строить нашу политику в Закавказье со знанием дела. В записке довольно подробно была изложена моя оценка ситуации и мое отношение к ней. В последующем я в основном лишь развивал и уточнял свою позицию. Вот некоторые извлечения из того, что я писал тогда в Совет безопасности при российском президенте, куратору закавказского направления в правительстве и руководству МИДа в январе 1993 года.

«На протяжении года Азербайджан продолжал предпринимать попытки решить карабахскую проблему военным путем. Армения помогала силам самообороны и населению Нагорно-Карабахской Республики, независимость которой была провозглашена 7 января 1992 года на основании убедительных результатов референдума, проведенного на ее территории 10 декабря 1991 года. Не признавая официально НКР (...), армянское руководство оказывало политическую поддержку законным властям НКР в СНГ и на международной арене. В конце года и. о. министра иностранных дел Армении А. Киракосян подтвердил официальную позицию: «Армения всегда будет поддерживать интересы народа Нагорного Карабаха. Мы не можем бросить соотечественников на произвол судьбы». (...) Он напомнил, что для урегулирования карабахской проблемы за стол переговоров должны сесть представители Нагорного Карабаха и Азербайджана, (...) а Армения может участвовать в переговорном процессе только в качестве заинтересованной стороны».

«Со стороны Азербайджана наблюдалось только одно: стремясь подавить сопротивление Нагорного Карабаха, он затеял серию пограничных конфликтов с Арменией (...) с целью втянуть Армению в открытый военный конфликт и дать повод для прямого массированного вмешательства Турции. Против естественного права карабахского народа на освобождение

от колониального по своей сути азербайджанского протектората и на реализацию политического самоопределения у азербайджанских властителей никаких серьезных аргументов никогда не было и не может быть. Есть лишь откровенное пантюркистское стремление к отуречиванию всех народов, которые по преступной воле большевиков оказались в пределах появившейся в Закавказье в 1918 году Азербайджанской Республики».

Я напомнил, как эта республика «освобождалась» от армян при советской власти, полностью отуречив Нахичеван и начав аналогичный процесс в Карабахе и вокруг него, и как этот процесс был доведен до своего пароксизма армянскими погромами в Азербайджане в 1988—90 годах, гнусной операцией «Кольцо» и войной против НКР.

«Несмотря на превосходство азеров в вооружениях, они потеряли 9 мая 1992 года г. Шуши, а через несколько дней Лачинский коридор. Новое «впрыскивание» оружия (...) позволило им вытеснить армян из Шаумянского и Мардакертского районов НКР. Причем действовали азербайджанцы с присущей им исключительной жестокостью в отношении гражданского населения, вырезая, сжигая заживо, увеча, беря в заложники мирных жителей, в том числе женщин и детей. Если в Ходжалы в марте 1992 года они не пожалели своих соотечественников ради антиармянской и антимуталибовской провокации, то жителям армянских сел ждать пощады не приходилось, и летнее наступление азербайджанцев вытеснило на территорию Армении и России еще 80 тыс. беженцев — в полном соответствии с установкой «Народного фронта Азербайджана» и его вдохновителя «демократа» Эльчибея: решить проблему Карабаха за два месяца путем уничтожения или изгнания граждан (армян), не выполняющих требования конституции Азербайджана, а в действительности — оказывающих сопротивление пантюркистским устремлениям президента Азербайджана. Установку эту азербайджанцам выполнить не удалось: защитники НКР устояли и продолжали сопротивляться, несмотря на испытания: азербайджанцы потеряли убитыми 10 тысяч солдат (по их официальным, как правило, заниженным данным — 5 тыс.), их армия переживает моральный упадок».

«...армянское правительство продолжает считать, что СБСЕ «далеко не исчерпала себя» в деле разрешения карабахской проблемы. Армянской делегацией на Стокгольмской конференции СБСЕ в декабре 1992 года было предложено внести в итоговый документ положение о том,

что «продолжение военных действий и военное решение проблемы стороны считают бесперспективными и не видят альтернативы мирным переговорам». Турция и Азербайджан отвергли это предложение. Но им не удалось навязать конференции осуждение Армении как агрессора...»

«Вместе с тем, в Ереване считают, что единственной гарантией жизни в Нагорном Карабахе продолжает оставаться самооборона, ибо никто, включая СБСЕ, другую гарантию не предлагает.»

«Программа завоевания Азербайджаном Нагорного Карабаха, а также Зангезура и восточного берега озера Севан имеет нескрываемую пантюркистскую цель соединения Азербайджана с Нахичеваном, а через него с Турцией, и открытия возможности для реализации идеи Великого Турана, предполагающей для начала усиление турецкого влияния в сторону Северного Кавказа и Волги, а через Среднюю Азию — в сторону Алтая и Китая.»

«Завоевание Азербайджаном Нагорного Карабаха поставит под угрозу независимость и пророссийскую ориентацию Армении, которая будет вынуждена просить протекции у США и считаться с притязаниями Турции. Сопротивляться этой тенденции она может, только опираясь на Россию — главным образом, а также на Иран. Без России эту тенденцию не преодолеть, а в случае торжества этой тенденции Россия утратит свои позиции во всем Закавказье. И не только там.»

«Г. В. Чичерин видел азербайджанско-турецкую опасность в 1920 году, когда возражал против лишения армян «тех областей, на которые Азербайджану вздумалось заявить претензию» (это его собственные слова). «Если дело идет о потворствовании аннексионистским стремлениям мусульман-националистов, — говорил Г. В. Чичерин, — это плохая политика, на этом пути мы будем содействовать лишь развитию националистических инстинктов». Г. В. Чичерин был прав. Более того, пресловутая традиция российской дипломатии — считаться с турецким фактором даже в ущерб российским интересам, унаследованная советской дипломатией, которая не понимала, что турки не могут не считаться с Россией, привела к потере Советской Россией в 1918—1921 годах старой российской границы с Турцией, уступив ей Карс и Ардаган, и умудрилась не возратить эти земли в 1945-ом, когда турки были вынуждены уступить без боя. Неужели мы повторим и сейчас эти грубейшие ошибки тоталитарной власти и отдадим на поругание азербайджанским туркам карабахских армян, которые хотят выполнения Гюлистанского договора,

выгодного России, и не хотят покидать родную землю, на которую зарятся бакинские «демократы»? Неужели нам не понятно, что за Карабахом следует Армения, и от российских интересов в Закавказье не останется ничего?»

«Кстати, по Гюлистанскому 1813 года и Туркманчайскому 1828 года договорам Россия получила Закавказье от Персии, а не от Турции. Зачем же отдавать туркам то, что им не принадлежало в момент присоединения к России?»

«У всех бывших национально-государственных образований бывшего СССР один правовой источник — советское государственное право. Поэтому неправомерно гарантировать территориальную целостность одного такого образования (Азербайджана) в ущерб другому (НКАО) только потому, что у них был разный статус, искусственно навязанный неправовым государством в ущерб национальным правам, признанным даже таким государством. Если территориальная целостность возводится в абсолют, то она должна быть абсолютной и относительно территорий автономных областей и округов и даже упраздненных, но могущих возродиться национальных районов.»

«Относительно же современного международного права абсолютизация территориальной целостности и нерушимости границ, а тем более попытки установления верховенства этих принципов над правом народов на самоопределение — юридический и политический нонсенс, призванный оправдать малое имперское мышление, развитие националистических инстинктов, о которых говорил Г. В. Чичерин. Это нонсенс хотя бы потому, что упомянутые принципы суть не что иное, как варианты формулировок для обязательства ненападения одного государства-участника СБСЕ на другое государство, и никак с правом народов на самоопределение не пересекаются, ибо самоопределение народа, живущего в пределах одного государства, целостности и границам другого государства никакого ущерба нанести не может. И это — не говоря уже о том, что все принципы Хельсинкского акта равноценны и действительны в совокупности, и ни один из них не выше других. Кстати, (...) нерушимость границ оказалась среди принципов Хельсинкского акта только в сочетании с признанием возможности изменения границ (...). И еще одно: не может декларация намерений, каковой является Хельсинкский акт, отменить международный договор — Устав ООН, пакты о правах и т. п., а именно там зафиксировано право народов на самоопределение и

отсутствует даже намек на какую-либо абсолютизацию принципа территориальной целостности.»

«Нагорный Карабах имеет такое же право на самоопределение, как и все другие страны, компактно заселенные одним народом, к тому же населяющим свою землю с незапамятных времен. Утверждать, что нет конфликта между Нагорным Карабахом и Азербайджаном, значит грешить против элементарной истины: народ Нагорного Карабаха никогда не мирился с господством азербайджанских тюрок, и вопрос об освобождении от этого господства ставился во времена и Н. С. Хрущева, и Л. И. Брежнева, и М. С. Горбачева. А с 1990 года, будучи подвергнутым насилию, народ Нагорного Карабаха осуществляет вооруженную самооборону, не оставляя надежды на освобождение от азербайджанского колониализма.»

«Здесь, в Закавказье, вокруг Карабаха и других «горячих точек», которые появились как следствие малого имперского мышления, попирающего национальные права народов, не поддающихся насильственной ассимиляции, решается судьба не только России, но общих человеческих ценностей. Европа кровно заинтересована в том, чтобы заставить турок уважать эти ценности, уважать международное право, уважать нравственные основы международного сообщества, иначе пантюркистская чума снова начнет распространяться по миру и не поздоровится ни Европе, ни России, ни Украине (...).»

После этого я вкратце обрисовал российско-армянские отношения и сформулировал некоторые выводы. Я, в частности, утверждал:

«Армения нужна России не меньше, чем Россия — Армении. Армения и Нагорный Карабах имеют ключевое значение для позиций России в Закавказье. Уход оттуда неминуемо приведет к потере Северного Кавказа и продвижению турок (и стоящих за ними США) по всем направлениям...»

«Назрела острая необходимость выработки концепции российской внешней политики на закавказском направлении. При этом, видимо, надо исходить из того, что здесь у России — особые интересы, это — ее зона влияния, а не США и Турции, российские интересы не обязательно совпадают с американскими, ибо США поддерживают Турцию с ее пантюркистскими устремлениями в сторону Азербайджана, Средней Азии и многих других районов бывшего СССР и нынешней Российской Федерации, а для России этот самый пантюркизм — серьезная угроза.»

«Значит, надо подумать, как противиться ему, дав понять американцам, туркам и их азербайджанским друзьям, что с российскими интересами здесь придется считаться, если они хотят иметь хорошие отношения с Россией.»

Интересно, что примерно через месяц один армянский депутат-дашнак, рассказал о своей встрече с небезызвестным Полом Гоблом, американским разведчиком, подвизающимся на ниве политологии, автором идеи соединения Карабаха с Арменией в обмен на соединение Азербайджана с Нахичеваном, в результате чего Армения лишилась бы выхода во внешний мир через Иран и очутилась бы в почти полностью завязанном турецком мешке. Американец сообщил своему армянскому собеседнику, что, по его мнению, Россию скоро попрут не только из Закавказья, но и с Волги. Вот так-то!

А в той записке я пытался втолковать своему начальству, что «не может и не должно быть идентичных, «паритетных» отношений со всеми странами, хотя бы в силу того, что у всех у них своя политика, своя степень заинтересованности в добрых отношениях с Россией. Не должно складываться такое положение, при котором оказывается более выгодным оставаться вне СНГ и игнорировать интересы России, чем хотеть быть ее союзником, ибо союзника мы в лучшем случае ставим на одну доску с довольно бесцеремонным соседом, а то еще и устроим именно союзнику публичную выволочку, в то время как грубейшие агрессивные акции соседа проходят без какой-либо серьезной реакции с нашей стороны.»

«Если нам не нужны комплектующие изделия и готовая продукция армянской промышленности, если нам не нужны научные и научно-технические достижения армянских астрофизиков и других ученых, если нам безразлично совместное духовное наследие взаимопереплетавшихся еще в совсем недавнем прошлом культур, то пусть нам хотя бы не будут безразличны интересы национальной безопасности России, которые могут и должны быть защищены на армянской территории и в сотрудничестве с армянскими союзниками.»

Тогда же я предложил:

«Взять под протекцию России народ Нагорно-Карабахской Республики, имея в виду перспективу его воссоединения с Россией на основе никем и никогда не отменявшегося Гюлистанского договора 1813 года. Такой шаг с нашей стороны дал бы сильный импульс центростреми-

тельным тенденциям, которые среди народов Кавказа и Закавказья, слава Богу, не только не умерли, но ждут своего часа.»

Мне казалось, что любые ходы хороши, лишь бы вывести Карабах из-под азеро-турецкой угрозы.

Были и другие предложения. Некоторые начали работать и давать плоды. Пусть не сразу, а через какое-то время, как, например, идея укрепления системы ПВО или проекты создания русских учебных заведений, соглашения по миграционным вопросам, кредитование строительных работ в зоне бедствия. К сожалению, ничего не вышло с ратификацией договора о дружбе, хотя в принципе он и без этого работал: он состоял в основном из декларативных статей, ставивших цели заключения конкретных соглашений, а они как раз разрабатывались и подписывались. Затянулось дело и с ратификацией договора о статусе российских войск. Ничего не сделала Москва для прекращения бомбардировок и обстрелов гражданского населения. Не захотела она и публично демонстрировать, что берет под свое крыло НКР. Все перед турками заискивала. Хорошо хоть чуть-чуть помогли русским в Красносельске. Правда, и тут без подталкиваний со стороны посольства не обошлось.

Что-то зреет в Карабахе

Надо сказать, мне совсем не по душе были демонстративные шаги руководства Армении, стремившегося показать всем, что оно — полный хозяин в Карабахе. Во-первых, это не совсем так, даже совсем не так: полевые командиры действовали, как правило, без оглядки на Ереван, особенно те, что были связаны с дашнаками. Не симпатизировали АОДу и его министрам и некоторые политики Карабаха, особенно когда из среды правящей партии начали появляться деятели типа Ашота Бляяна, не стеснявшиеся открыто ратовать за такой компромисс с Азербайджаном, ценой которого могла стать судьба Карабаха. Ереван, конечно, имел серьезное влияние в Степанакерте: жизнеобеспечение НКР целиком зависит от Армении. Но — и это во-вторых — демонстрация якобы полной зависимости НКР подрывала международно-правовую основу национально-освободительной по своей реальной сути борьбы карабахского народа, который 10 декабря 1991 года массированно проголосовал на референдуме за независимость НКР, законно используя свое право на самоопределение. Такая демонстрация помогала азербайджанской пропаганде, начисто отрицавшей реальность карабахского конфликта и

сводившей все к конфликту между Азербайджаном и Арменией, выставя последнюю в качестве агрессора, оккупанта, аннексиониста, одним словом, изверга рода человеческого. Свое отношение к этим демонстрациям я не скрывал от армянских друзей, но, естественно, не говорил об этом публично и высказывался максимально деликатно, не желая вмешиваться в их внутренние дела.

Но эта моя позиция несколько не мешала мне испытывать самые добрые чувства к карабахцам независимо от того, находятся ли они в данный момент в НКР или временно «откомандированы» в Ереван. В конце концов, на своих постах в столице Армении они могли эффективно служить и служили все тому же карабахскому делу.

Мне было очень приятно познакомиться с Сержиком Саркисяном, который руководил силами самообороны в момент успешной для карабахцев кельбаджарской операции, и я поспешил нанести ему визит вежливости. 28 сентября я приехал в то самое здание Минобороны, где когда-то, в далеком уже 1992 году, меня принимали сначала Вазген Саркисян, а потом Вазген Манукян. Сержик встретил меня приветливо, и мы долго беседовали с ним о разных делах, которыми занималось тогда военное ведомство Армении, включая проблему фланговых ограничений обычных вооружений России на территории Армении.

Министр пожаловался, что молодая армянская армия испытывает серьезные трудности, тормозящие ее становление. Не хватает вооружения. От 7-й армии кое-что получили после расформирования двух ее дивизий, но в недокомплекте. Народ отвык от воинской повинности и призывники уклоняются от явки в военкоматы. Есть и случаи дезертирства. Армии приходится по совместительству еще и охранять границу с Азербайджаном. Наиболее угрожаемый участок — нахичеванская граница. Особенно та ее часть, где орудуют турки. Вместе с эльчибеевцами, не подчиняющимися бакинской администрации, они устраивают перестрелки. О том, что турки в этом участвуют, знаем по радиоперехвату. Их цель — сорвать переговоры по Карабаху, а главное — подорвать российское посредничество.

Больше всего на протяжении этой первой нашей беседы мы обсуждали с Сержиком положение вокруг Карабаха и состояние переговоров. Год 1993-й был очень насыщен событиями на этом направлении. Поэтому стоит вернуться к его началу и посмотреть на эти события глазами российского посла.

Уже в 1992 году в беседах с Георгием Петросяном, Зорием Балаяном, Леонардом Петросяном я прикоснулся к карабахской проблеме не умозрительно, не через печатную информацию, а, что называется, живьем, ибо это было общение с непосредственными участниками событий. В декабре меня интервьюировала как корреспондент армянской «Литгазеты» Ида Арсентьевна Бабаян, театровед, научный сотрудник Института востоковедения. Оказалось, что ее брат Семён Бабаян — мэр Шуши после ее освобождения карабахцами. Никаких поручений от своего брата моя посетительница не имела, но мой подход к карабахской проблеме ее очень интересовал, а меня интересовали ее личные впечатления о том, что происходит в Карабахе, и мы в основном об этом и беседовали.

15 февраля 1993 года ко мне пришла Лариса Асатуровна Алавердян, эксперт парламентов Армении и НКР по карабахским делам, а с нею два карабахца. Они сочли необходимым просветить меня на тот предмет, что реальная власть в НКР находится в руках Комитета самообороны, который тогда возглавлял Сержик Саркисян, а его заместителем был Самвел Бабаян. Оба они входили в состав Государственного комитета обороны НКР, где председательствовал Роберт Кочарян. Силы самообороны — это по существу уже армия, говорили они. Небольшая, всего несколько тысяч бойцов, но — армия, а не партизанское соединение. Она уже департизирована, защищает не чьи-то узкопартийные, а государственные интересы НКР. Сумела навести порядок и в Степанакерте, где здорово прижала мафию и снизила уровень преступности. И вообще, несмотря на военную обстановку, в столице НКР есть свет, работают школы, на улицах чисто, идет строительство. Это было приятно услышать.

Однако, по словам моих собеседников, долго круговую оборону держать не удастся, поэтому пора менять конфигурацию фронта. Наверное, надо расширять Лачинский коридор к югу. Населения там нет: курды все куда-то испарились после того как Эльчибей объявил тотальную мобилизацию в этом районе. Об этом я и сам уже знал от армянских курдов, которые еще в декабре 1992 года проложили трассу в кабинет российского посла.

Укрепив военную диспозицию таким образом, продолжали карабахцы, мы намерены вступить в переговоры с Россией, Арменией, Грузией, Азербайджаном, Ираном. Наш политический выбор — независимость —

имеет правовое обоснование. Нагорный Карабах из состава СССР вслед за Азербайджанской ССР не выходил, но оказался вынужденным провести референдум о собственной независимости, что было сделано, однако, в полном соответствии с законом о выходе из СССР 1990 года. В этой связи, какую позицию может занять Россия?

При всем моем сочувствии карабахскому делу, я не мог прямо вот так сказать им: давайте, ребята, наступайте! К тому же и их никто не уполномочивал ставить такие вопросы передо мной. Все это была явная самодеятельность. Но и без ответа их вопрос я оставить не мог. Поэтому заявил следующее.

В России идет процесс становления государственности и уяснения ее собственных национальных интересов. Официальная позиция Москвы состоит в том, чтобы способствовать урегулированию конфликтов, прекращению кровопролития, восстановлению мирной жизни. Поиск формулы политического статуса — дело самих конфликтующих сторон (позднее я уточнил свою позицию: это — дело исключительно самого борющегося народа, а с другими он должен лишь отлаживать свои отношения). При этом я предупредил: никто в Москве не одобрит планов расширения Лачинского коридора, это должно быть ясно, лучше об этом и не заикайтесь. Я высказал сомнение и в том, что кто-либо в Москве готов вступить в официальный контакт с НКР. Что же касается переговорного процесса, то в него надо обязательно идти, проявлять там выдержку и конструктивность, не хлопать дверьми, а использовать любые возможности для разъяснения своей правовой позиции.

Об этом разговоре я вспомнил через полтора месяца. Правда, в конце марта карабахцы ударили не в южном направлении, а на Запад, по Кельбаджару, расширив Лачинский коридор аж до хребта Муровдаг.

В начале марта у меня был депутат Верховных Советов Армении и НКР Аркадий Манучаров, один из основателей комитета «Крунк» («Журавль» — символ тоски по родине), выступившего в свое время за воссоединение Карабаха с Арменией. Это был арцахский аналог армянского комитета «Карабах». По ложному обвинению «в воровстве», а по сути дела за создание «Крунка» инженер-строитель Аркадий Манучаров просидел в советских тюрьмах полтора года и лишь в мае 1990-го его выпустили из Бутырки. Еще в январе 1993 года он написал открытое письмо послу России, в котором изложил некоторые перипетии борьбы карабахского народа за свое политическое самоопределение и потребовал

признания НКР Россией. Но не отослал его по адресу, а ждал личной встречи со мной. Во время нашей с ним беседы он выдвигал разные варианты решения карабахской проблемы и среди них — НКР в составе России и НКР — независимое государство, но опять-таки в связке с Россией, ибо больше не на кого надеяться и уж меньше всего — на США и Турцию. Вариант Карабаха в составе Азербайджана, пропагандируемый депутатом из АОД Ашотом Бляном, — абсолютно неприемлемый, ибо равноценен «мягкому» геноциду: азербайджанцы отуречат Арцах в два счета, им и года не понадобится, чтобы достичь большинства в 51 процент, и даже от культурной автономии ничего не останется. К счастью, нынешние руководители Армении вынуждены отмежевываться от бляновщины, хотя было время, когда и они признавали «неотъемлемость» Нагорного Карабаха от Азербайджана.

Аркадий Манвелович очень сожалел о том, что в 1988—89 годах была упущена возможность воссоединения Арцаха с Россией по вине самих армян. Но и Горбачев тоже руку приложил к тому, чтобы этого тогда не произошло. О возвращении Нагорного Карабаха в состав России Манучаров, по его словам, говорил и Ельцину с Назарбаевым в сентябре 1991-го, когда они попытались наскоком погасить карабахский конфликт, не имея четкого представления о нем. Назарбаев-то ладно, Аллах с ним! А вот Россия почему-то не понимает, что потеря Карабаха приведет к потере Армении, а за этим последует потеря для России всего Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Алтая и т. д. Пантюркизм уже созрел, он готов к прыжку, ждет только подходящего момента.

Но пока до разрешения конфликта далеко, важно хотя бы заморозить перемием нынешнее положение на линиях соприкосновения карабахцев с азербайджанцами. По мнению Манучарова, те вполне могут начать новое наступление, как только купят достаточно наемников, особенно летчиков и танкистов.

Аркадий Манучаров спросил, не буду ли я возражать против публикации его «открытого письма». Я сказал, что не буду, и оно появилось в «Голосе Армении» через месяц, когда карабахцы уже захватили Кельбаджарский район Азербайджана.

22 марта я принимал Манвела Саркисяна, официального представителя НКР в Ереване, связанного с Верховным Советом Нагорного Карабаха и его председателем Георгием Петросяном. С ним вместе он приходил ко мне еще в июне 1992-го, после вручения мною веритель-

ных грамот президенту Армении. На этот раз он принес заявление комиссии Верховного Совета НКР по внешним сношениям по поводу очередных переговоров по Карабаху в рамках СБСЕ, а заодно информировал меня о том, что налаживаются отношения между Верховным Советом и ГКО, которому до недавнего времени в упрек ставилась слишком большая зависимость от Еревана. Нам сейчас не до межпартийных игр, подчеркнул Манвел.

Я поддержал такой настрой и вновь повторил свой традиционный совет карабахцам: не покидайте переговоров, даже если очередной документ вас не устраивает, заявляйте особую позицию, если считаете нужным, выходите на большую прессу, работайте с политическими кругами европейских стран-участниц переговорного процесса, но не уходите. И еще: хорошо бы Карабаху обзавестись своей собственной службой информации, не дожидаясь, пока Армения начнет этим заниматься всерьез. По словам Манвела, они уже подумывают об открытии информационного бюро Нагорного Карабаха в Москве. Прекрасно, чем скорее, тем лучше, только не тяните, заметил я.

23 марта меня пригласил Грант Багратян. Я воспользовался визитом к премьер-министру, чтобы передать ему записанное с ТВ обращение президента России о референдуме, который очень интересовал Армению. «Для нас любая дестабилизация обстановки в России очень опасна. Мы желаем успеха Ельцину, — сказал Грант Багратян. Но моя основная цель, когда я приглашал посла России, состояла в том, чтобы информировать о взрыве железнодорожного моста в Садахло. Это Марнеульский район Грузии, населенный выходцами из Азербайджана. Они-то и взрывают то мост, то проходящий там газопровод и при том — регулярно.»

«Удивительное совпадение, — продолжал премьер-министр, — сегодня в Женеве азербайджанцы не подписали соглашения о перемирии с карабахцами, хотя даже турки были «за». Видимо, не хотят они урегулирования. А вчера возобновили и обстрел Сисиана и Кафана в армянском Зангезуре, где нашим пограничникам пришлось еще и отбивать танковую атаку. Обстрел велся и с территории Нахичевана. Явная цель — пробить коридор из Азербайджана в Нахичеван и отрезать южную часть Зангезура от Армении, перекрыв выход к границе с Ираном. Новая эскалация как-то не вяжется с разговорами о миролюбии эльчибеевского Баку.»

Мне тоже эта военная эскалация и неуступчивость на переговорах показалась довольно странной в условиях, когда азербайджанская армия переживала явный упадок, дни режима Эльчибея были сочтены, в Баку ждали возвращения на политическую арену Гейдара Алиева. В Армении об этом знали, более того, надеялись на то, что Алиев переориентируется с Турции на Россию, а в карабахском вопросе займет умеренную позицию. Вместе с ними начал было надеяться и я, но мои надежды на то, что Москва поможет Алиеву стать на рельсы справедливого урегулирования карабахского конфликта, оказались напрасными.

Кельбаджарская операция

В конце марта Эльчибей еще сидел в Баку и вынашивал планы переделки карты Армении и даже Ирана, а, может быть, чем черт не шутит, еще и России. В пользу Великого Турана, естественно. И, конечно же, пытался дожать Нагорный Карабах, отрезав от него еще значительный кусок его северной части. Но карабахцы упредили его. 27 марта 1993 года армия НКР нанесла удар по азербайджанским аскерам в Кельбаджарском районе, который расположен между НКР и Арменией. В ночь на 3 апреля они взяли и сам Кельбаджар. Гражданскому населению дали уйти через перевал на Муровдаге и вертолетами. Да его не так уж много там и оставалось, гражданского населения-то: большую часть своих сограждан Эльчибей вывез заблаговременно, готовясь сам нанести удар по Карабаху именно оттуда, что между прочим и явилось одним из признаков подготовки азербайджанцев к новому наступлению на Карабах. Это уже потом появилась любимая цифра азербайджанской пропаганды — 60 тысяч. Ну не было там столько людей. Не могло быть и столько беженцев. Азербайджанцы сами скорректировали эту цифру до 50 тысяч, но и это было большим преувеличением.

Кстати, то же самое можно утверждать и обо всех других районах Азербайджана, взятых карабахцами под свой контроль до конца 1993 года. Почти каждый раз азербайджанская пропаганда кричала о 60 тысячах беженцев, но это не соответствовало их же собственной статистике довоенного времени: куда ниже была численность населения этих районов, чем оказывалось количество беженцев. Самая удивительная туфта — это утверждение, будто «армянская агрессия» породила больше миллиона беженцев и привела к оккупации чуть ли не четверти

азербайджанской территории. Даже если взять их собственные цифры и просто сложить, получится в два с лишним раза меньше того «миллиона», которым они размахивают на протяжении нескольких лет. И станет понятным: миллион — это чтобы поразить мир, особенно чиновников ООН, отвечающих за выделение вспомоществований на беженцев. И «оккупированная территория» составляет даже вместе с Карабахом что-то около 14-15 процентов площади Азербайджанской Республики, а без НКР — процентов десять. И это при том, что сам Азербайджан реально оккупировал 15 процентов территории НКР, пока не признанной, но куда более легитимной, ибо в отличие от Азербайджана закон о выходе из СССР не нарушала, а «самопровозгласилась» на основании свободного волеизъявления населения, подавляющее большинство которого высказалось за независимость на референдуме 10 декабря 1991 года.

Но, разумеется, сколько бы беженцев ни было, судьба их трагична, и сами они заслуживают сочувствия и помощи. Армянских беженцев из Баку, Гянджи, Геташена и других населенных пунктов Азербайджана насчитывается до полмиллиона. Именно такую цифру привел однажды корреспондент-азербайджанец из «Независимой газеты» Мехман Гафарлы. Из них более 300 тысяч человек живут в Армении на птичьих правах: в пансионатах, гостиницах, санаториях и даже тюремных помещениях. Однако у азербайджанских беженцев есть перспектива. Достаточно Азербайджану признать НКР, договориться с ней о гарантиях ее безопасности, и она вернет оккупируемые ею земли. А вот армянским беженцам возврата в Азербайджан уже нет. Их деревни отуречены даже по названиям, а городские дома и квартиры прихватизированы, да так, что собственным азербайджанским беженцам места до сих пор не нашлось: хапнули не беженцы, а постоянные жители, хапнули на глазах правителей, которые проливали и проливают крокодиловы слезы о печальной судьбине беженцев без крыши над головой. Отнятого у армян жилья с лихвой хватило бы на всех настоящих беженцев, да не дали!

Взятие карабахцами Кельбаджара не только устранило опасность захвата азербайджанцами всей северной половины НКР, но и еще раз продемонстрировало миру, что именно карабахцы, а не «армянский экспедиционный корпус» и не «российская 7-я армия» ведут бои с азербайджанскими аскерами за выживание и безопасность своей республики. Именно они — «участник конфликта», одна из реальных «конфликтующих сторон», к которым вынуждены апеллировать Россия, США, Фран-

ция и другие державы, ратующие за немедленное прекращение кровопролития и скорейший созыв Минской конференции СБСЕ по Нагорному Карабаху для урегулирования всех спорных вопросов. Это все терминология из таких документов, как Заявления президентов России и США по Нагорному Карабаху, январь 1993 года; Российско-американское заявление по Нагорному Карабаху, Женева, 25 февраля 1993 года; Совместное российско-французское заявление по Нагорному Карабаху, 2 марта 1993 года.

Кстати, еще до военных действий Верховный Совет НКР положительно отреагировал на заявления трех постоянных членов СБ ООН, подчеркнув исключительную важность обращения великих держав «ко всем сторонам», а значит — и к НКР, существование которой настырно отрицает Баку, выдавая конфликт за азеро-армянский. А военные действия подтвердили законную претензию карабахцев на то, чтобы их воспринимали всерьез и в ходе переговоров. Даже генсек ООН Бутрос Бутрос-Гали заговорил (в послании Тер-Петросяну) обо «всех втянутых в конфликт сторонах».

Забегая вперед, скажу, что азербайджанцы уже тоже начали было склоняться к тому, чтобы вести переговоры с карабахцами напрямую, без посредников, как с действительной стороной конфликта, но эту тенденцию всячески подрывали и тогдашний председатель Минской группы итальянец Марио Рафаэлли, и наш российский посредник Владимир Казимиров, которые пытались заставить карабахцев взять на себя обязательства таким образом, чтобы перед ними самими никто никакой ответственности не нес. Потому и обращались к ним в своих официальных вроде бы бумагах как к частным лицам, не занимающим никаких государственных должностей. При этом наши крючкотворы упускали из виду, что частные лица государственных обязательств тоже не могут брать на себя и ни за что подписанное в таком качестве никакой ответственности не несут. В результате все титанические усилия Минской группы и российского посредника вылились в мартышкин труд. Правда, это международных чиновников не пугает, они за это жалованье получают, им чем больше, тем выгоднее, а кровь льется, так ведь чужая, им наплевать. Хуже того, эти усилия привели к тому, что прямые переговоры между начавшими было признавать друг друга конфликтующими сторонами (азербайджанцы в письменном виде признали «командующего армией», «министерство обороны Нагорного Карабаха» и даже «руководителей

Нагорного Карабаха» 24—25 июля 1993 года, «высших руководителей Нагорного Карабаха» 17 августа 1993 года) были сорваны и при Эльчибее (апрель 1993-го), и при сменившем его Алиеве (июль—август 1993 года). После этого карабахцы «наказали» Азербайджан взятием еще нескольких районов (сентябрь—октябрь 1993-го), а Азербайджан предпринял еще одно наступление и потерял еще минимум пять тысяч молодых парней. Только в мае 1994 года было заключено перемирие, которое вполне могло состояться годом раньше.

Все эти перипетии проходили у меня на глазах и даже при некотором моем участии, поскольку и карабахцы, и армянские ответственные лица ставили российского посла в известность о ходе переговоров и интересовались его мнением, зная, что он сочувствует их справедливому делу значительно больше, чем некоторые официальные лица в Москве, включая «посредника». Этот последний довольно скоро утратил доверие армян и карабахцев. Они продолжали иметь с ним дело лишь потому, что его назначил президент России, и с этим ничего поделать было нельзя. Ну не вступать же в конфликт с Москвой. Но армяне научились довольно эффективно парировать проазерские выходки Казимилова, и ему тоже приходилось с этим считаться и корректировать свою линию. Да и общение с некоторыми азербайджанскими «иезуитами» тоже многому его научило, я думаю.

Удачная для карабахцев операция в Кельбаджаре перепугала турок и их американского союзника. Временный поверенный в делах США Том Прайс 5 апреля явился в МИД Армении и выразил озабоченность по поводу того, что «наступление Н-К армянских вооруженных сил» может «свалить правительство президента Эльчибея», вместо которого придут лидеры, «еще менее желающие переговоров и более склонные искать военное решение конфликта». Том Прайс потребовал вывода «всех сил» из Кельбаджара. Интересно, однако, что в ходе этого демарша американец признал, что «Н-К армянские силы самообороны не находятся под началом армянского правительства». «Н-К» значит нагорно-карабахские. Это было похоже на полупризнание. И именно это увидели в заявлении Тома Прайса армянские дипломаты.

Я написал в Администрацию Президента России и другие наши адреса, что пора бы и нам признать избранные народом и вполне законные власти НКР полноправными участниками переговоров, ибо именно они руководят сражающейся армией. Признать и побудить Азербайджан

жан к прямым переговорам с теми, с кем он воюет. И еще один момент пытался я объяснить Москве: не может Карабах своими действиями нарушить границы Азербайджана хотя бы потому, что именно Азербайджан упразднил свои границы с Карабахом, когда 26 ноября 1991 года упразднил НКАО. Нет «автономии» — нет «границ», значит, нечего нарушать и нет юридически оформленных рубежей, куда можно отводить карабахские силы самообороны. И, следовательно, само требование их отвода повисает в воздухе.

Не мог я тогда и пройти мимо странной ангажированности многих московских СМИ, которые, кто бездумно, а кто с умыслом, повторяли на все лады «утки» азербайджанской пропаганды. Суть этих «уток» сводилась к отрицанию карабахской ипостаси конфликта и к обвинению Армении в аннексионистских планах в отношении бедного Азербайджана. К сожалению, эта тенденция тем прочнее внедрялась в умы некоторых московских журналистов, чем сильнее слышался запах каспийской нефти и чем больше становилось прямых представителей азербайджанского лобби в газетах и журналах, продолжавших именовать себя российскими.

На этот факт обратили внимание и в Армении, а некоторые политики тут же увязали тенденцию российских СМИ, особенно центрального ТВ, с проектом «Концепции внешней политики Российской Федерации», из которого явствовало, что Россия опять начинает склоняться к протурецкой ориентации. В ереванской печати появился анализ этого «документа», проделанный неким политологическим центром «Артур М», оппозиционным к властям. По мнению авторов исследования, «козыревский МИД делает ставку на Турцию». Признавая справедливой и правильной посылку «концепции» о том, что «нельзя исключать попыток США под прикрытием посреднических и миротворческих усилий (по периметру российских границ) занять место России в странах ее традиционного влияния», политологи «Артур М» называют «мягко выражаясь непонятным» вывод, содержащийся в процитированном ими тексте: «приоритетной для России... является Турция, которая, будучи к тому же членом НАТО, более восприимчива к западным ценностям. Дружественные отношения с Турцией важны для нас как имеющие хорошую перспективу обоюдной выгоды от торгово-экономических связей, так и в плане оказания возможного позитивного влияния на южных соседей России по Содружеству в деле формирования у них гражданско-

го общества». Армянские аналитики увидели противоречие между посылкой и выводом, поскольку как раз именно через Турцию и делались попытки укрепления позиций США в кавказском и среднеазиатском регионах. И они были правы, так оно и было. Ну а упование на позитивное влияние Турции в том, что касается формирования гражданского общества, выглядело просто смехотворно в глазах тех, кто знал об избитии курдов и применении пыток в турецких тюрьмах.

Цитаты из «концепции» имели вполне правдоподобный характер: все это было очень похоже на туркофилов из МИД России. Под предлогом необходимости дать аргументированный отпор вызывающим антироссийские настроения публикациям о протурецких взглядах Москвы я запросил текст «концепции» и официальный комментарий к нему. Никакого ответа я, как водится, не получил и понял, что нет дыма без огня. Правда, из официально утвержденных Ельциным в конце апреля 1993 года «Основных положений концепции внешней политики» протурецкие тезисы выпали. Может быть, на какой-то стадии еще в самом МИДе было решено такое туда не вставлять. Но в политике эта линия продолжала присутствовать, особенно в шашнях Москвы с Баку.

Переговоры в Москве

8 апреля Левон Тер-Петросян пригласил по отдельности всех глав дипломатических миссий для конфиденциальных бесед о событиях в Карабахе. В беседе со мной он поблагодарил Россию за «принципиальную позицию» в карабахском конфликте, занятую в СБ ООН и на жевневских переговорах Минской группы СБСЕ. Эта позиция тогда сводилась к осуждению эскалации военных действий (ответственность за которую армяне возлагали на Эльчибея) и требованию прекращения огня и серьезных переговоров для достижения мирного урегулирования проблемы Нагорного Карабаха. Россия стояла на том, что мы имеем дело именно с карабахским конфликтом, а не с конфликтом между Арменией и Азербайджаном, как о том твердили в Баку и Анкаре, отрицала участие в военных действиях частей и подразделений Группы российских войск в Закавказье и предлагала свои посреднические услуги. Все это было подтверждено в послании Ельцина, направленном Тер-Петросяну в этот день, 8 апреля, и полученном адресатом около 10 часов утра, то есть до встречи со мной, состоявшейся в два часа пополудни. Президент

явно имел в виду и это послание, когда благодарил Россию. В письменном ответе, отправленном в Москву 11 апреля, он, подвергнув критике позицию Азербайджана и Турции, приветствовал инициативу российского президента и заявил о готовности Армении «при посредничестве России немедленно сесть за стол переговоров с представителями Азербайджанской Республики и Нагорного Карабаха с целью немедленного прекращения огня с тем, чтобы перейти, наконец, к серьезным переговорам по достижению мирного урегулирования проблемы Нагорного Карабаха (...)»

Президент утверждал, что видит решение карабахской проблемы только с помощью России. Турция же помочь не может. У нее чересчур бескомпромиссная, проазербайджанская позиция. А США слишком прислушиваются к Турции, да и вообще не очень понимают суть дела и не очень серьезно подходят к проблеме.

Хорошо было бы также, продолжал президент, если бы российские СМИ более уравновешенно освещали события, а сама Россия нашла бы форму реакции на некоторые, по сути дела враждебные не только Армении, но и самой России, действия Турции. Не далее как вчера, 7 апреля, на 25-километровом участке границы в районе Гюмри, где, как известно, стоит 127-я российская дивизия, турки устроили демонстрацию своей военной силы в виде маневров их армейского корпуса. Их президент Тургут Озал, находясь с визитом в Ташкенте, позволил себе публичные обвинения в адрес России и пугал военным вмешательством, пообещав, что Турция «покажет зубы». Может, стоит напомнить туркам о существовании Договора о коллективной безопасности СНГ от 15 мая 1992 года? Сам Тер-Петросян сегодня утром американскому поверенному в делах уже указал на недопустимость таких «военных игр» Турции как союзника США.

Я, естественно, обо всем этом немедленно доложил в Москву, но ни о какой нашей реакции на турецкие угрозы я так и не услышал. Если она была, то уж очень дискретная.

Левон Акопович посвятил меня и в план действий, родившийся еще до взятия Кельбаджара карабахцами. Мы и тогда, сказал он, были за прекращение огня. Азербайджану не удалось задушить Армению, и это поставило нас, если не в выигрышное, то во всяком случае в относительно комфортное положение. А сейчас оно еще более упрочилось: есть что дать Эльчибею или тому, кто может занять его место. Мы согласны

на одновременное прекращение огня без календаря, снятие блокады с Армении и Карабаха, вывод карабахских войск из Кельбаджара, а Лачин оставим для Минской конференции СБСЕ как последний этап урегулирования. План этот уже обсуждался в Москве. Им вплотную занимаются Вазген Саркисян, отвечающий за весь комплекс военных проблем в Армении, и Павел Грачев как министр обороны России. Наша главная цель в настоящий момент — заставить азеров сесть за стол переговоров.

Левон Акопович говорил мне и о своих надеждах на новую Россию в более широком смысле, не только в увязке с карабахским конфликтом. Он покорен свободолюбием, свойственным российской политической жизни в конце XIX — начале XX века. И это, похоже, возрождается вновь. Он полностью согласился с моей высокой оценкой роли российских юристов-кадетов, возрождавших идеи естественного права и принципы правового государства и гражданского общества. И выразил надежду, что российской демократии удастся преодолеть трудности, вызванные сопротивлением сил прошлого.

В развитие предложений, содержащихся в послании Ельцина от 8 апреля, через три дня, 11 апреля, в Москву вылетели премьер-министр Грант Багратян и мининдел Ваган Папазян: 13 апреля в Москве должна была состояться встреча глав правительств Армении и Азербайджана, а за ней — президентов обеих стран.

Вечером 11 апреля Козырев призвал «все конфликтующие стороны» отдать приказы о «повсеместной приостановке любых наступательных операций» в полночь с 12 на 13 апреля сроком минимум на одну неделю, чтобы облегчить ведение переговоров. Председатель Комитета самообороны НКР Сержик Саркисян уже 12 апреля ответил Козыреву согласием, но предупредил об опасном скоплении азербайджанских войск на трех направлениях. Поздним вечером того же дня руководитель посреднической миссии России по Нагорному Карабаху Владимир Казимиров сообщил Вагану Папазяну и Сержику Саркисяну, что «в силу некоторых причин» ответ Баку задерживается. При этом карабахского государственного деятеля российский дипломат вполне официально назвал по должности — Председателем Комитета самообороны Нагорного Карабаха, а не просто г-ном Саркисяном. К такому бессмысленному в договорных делах обращению он начнет прибегать снова очень скоро вместе с Рафаэлли, что никак не будет способствовать успеху переговоров.

Азербайджанцы явно тянули, видимо, надеясь на Турцию, к которой они в начале апреля обратились с пробой о помощи «в войне с Арменией». Просили боеприпасы, легкое и тяжелое вооружение и... офицеров. Но, как сообщило агентство «Арменпресс», турецкий премьер-министр Демирель исключил возможность вмешательства Турции в карабахский конфликт и поддержал новую инициативу России, ведущую к прекращению огня.

12 апреля ко мне пришел Роберт Кочарян, председатель ГКО НКР. Он сообщил, что в Москву для участия в переговорах вылетел и его представитель. Роберт рассказал мне о государственных структурах НКР, пояснив, что ГКО играет роль правительства, Комитет самообороны — военного министерства. Отряды самообороны сложились в сплоченную армию, которая будет, пожалуй, посильнее армии Республики Армения. В карабахскую армию идут охотно, отцы сами приводят сыновей, принудилровка — редкое явление, гибель бойцов вызывает скорбь, но не ропот родителей, ребята рвутся в бой, особенно мальчишки пятнадцати-шестнадцати лет. Один такой командует танком и имеет на своем счету несколько подбитых бронемашин противника. Но ребят все же стараемся от фронта удерживать в тренировочных отрядах, заметил Роберт Седракович.

Он посетовал на то, что далеко не все «исторические вожди» карабахского движения оправдали надежды. Кое-кто из них сбежал из Карабаха и своих сыновей в армию не пустил. Зато любят поговорить перед широкой публикой о своих прошлых заслугах. Но таких единицы. И им Роберт противопоставил Зория Балаяна, которого в НКР все уважают, высоко ценя его совместную с леди Кокс гуманитарную деятельность и пламенную публицистику.

Так случилось, что с Зорием, его женой Нелей и другом, искусствоведом Юрой Оганесяном мы встретились 14 апреля, сначала в ресторане, потом у нас дома. Зорий только что побывал в США вместе с Керолайн Кокс, которая блестяще просвещала американцев, рассказывая им в своих публичных лекциях о том, что такое карабахская проблема, убеждая их, что не за что обвинять Карабах и Армению в агрессивности, ибо они вынуждены защищаться и при этом, естественно, наносят удары своему супостату. Они вправе были, считает леди Кокс, отобрать и Шуши, и Лачин, и Кельбаджар. Зорий с ней согласен. Выправлять, выпрямлять рубежи необходимо, иначе заклюют. И Кельбаджар, конечно же, надо

было брать, иначе там сформировался бы опаснейший кулак для нанесения смертельного удара по Карабаху.

По словам Зория, в США растет понимание карабахской проблемы, особенно среди конгрессменов, успевших побывать не только в Армении, но и в Карабахе. Я сказал ему, что мне в Ереване тоже приходилось общаться с некоторыми из них. Так, в частности, член палаты представителей Ричард Лехман, побывавший в составе делегации из пяти конгрессменов у Эльчибея в Баку, а затем в Ереване, перед отлетом из Армении в Турцию публично опроверг измышления азербайджанской пропаганды, заявив без обиняков: «Мы убедились, что армянских войск на территории Азербайджана нет». Об этом он и другие члены делегации говорили и иностранным дипломатам на встрече в Доме приемов 4 апреля. Мы с послом Франции на этом приеме вслед за Арой Саакяном и Сейраном Багдасаряном тоже просвещали американских конгрессменов на тот предмет, что «в Карабахе живут армяне, которые хотят оставаться армянами», что армяне Армении сочувствуют им, но готовы договориться с азербайджанцами о мирном сосуществовании. Эта моя информация подкрепила впечатления Зория от поездки в США.

Но особенно важным для благоприятной эволюции карабахской проблемы было бы, по его мнению, новое посещение Степанакерта Борисом Николаевичем Ельциным. Раз уж он предложил Россию в посредники, ему бы надо собственными глазами убедиться в последствиях азербайджанской оккупации некоторых освобожденных в последнее время территорий НКР, включая район Сарсангской ГЭС, чуть было не загубленной аскерами. Надо также, чтобы российский президент понял, что без согласия самих карабахцев никакие договоренности работать не будут. И убедиться во всем он должен сам, а не по докладом Казимирова и ему подобных дипломатов.

Несмотря на то, что полного затишья на карабахских фронтах установить так и не удалось, в первой половине апреля в Москве начались переговоры между Азербайджаном, Нагорным Карабахом и Арменией при посредничестве России. И начались довольно успешно — с обсуждения конкретных статей соглашения о прекращении огня в Нагорном Карабахе и на армяно-азербайджанской границе. Надо отдать должное Казимирову, он предложил солидный проект, правда, не без заковырок, которые не устраивали либо ту, либо другую сторону. Но на то они и переговоры, чтобы вести проект к согласованному варианту.

В Минской группе эти переговоры восприняли всерьез и направили в район конфликта передовую группу во главе с финским полковником Хаппоненом и замом Рафаэлли по дипломатической части, тоже итальянцем, Форнари. С ними я познакомился у французского посла 16 апреля. Они уже успели побывать, где считали нужным, как в Армении, так и в Азербайджане, теперь полетят снова в Баку, откуда хотят автомашинами через Агdam добраться до Степанакерта. Уже подсчитывают, во сколько обойдется каждый наблюдатель СБСЕ в случае действительного прекращения огня. Их цель — разобраться в реальном положении дел и предложить механизм, способный работать эффективно. Для СБСЕ направление наблюдателей в район конфликта — это впервые. И Хаппонену, и Форнари хотелось добиться успеха.

По их просьбе я прочитал им своего рода лекцию о том, что такое Карабах и его жители, настаивая на необходимости поиска решений на основе честного прочтения Хельсинкского акта и таких международно-правовых документов, как Устав ООН и пакты о правах человека. Франс де Артинг сказала, что «лекция» мне удалась.

К сожалению, как выяснилось несколько позднее, 16 апреля оказалось днем, когда московские переговоры были прерваны азербайджанцами. А начались они 11 апреля встречами личного представителя президента Армении Давида Шахназаряна и будущего министра иностранных дел НКР Аркадия Гукасяна с Казимировым, а потом с постпредом Азербайджана в Москве Хикметом Гаджи-заде, выступавшим в качестве личного представителя президента Эльчибея. Он даже имел от него соответствующую бумагу, подтверждавшую его полномочия. С армянской и карабахской сторон было сразу же предложено приостановить наступательные действия. Гаджи-заде созвонился с Эльчибеем и получил согласие. Вот тогда-то и появилась на свет телеграмма Козырева в Баку, Ереван и Степанакерт с призывом приступить к выполнению этого предложения. Ереван и Степанакерт откликнулись немедленно, Баку с некоторым запозданием. Но 13 апреля Д. Шахназарян, А. Гукасян и Х. Гаджи-заде в присутствии В. Казимирова вступили в переговоры, хотя военные действия продолжались.

Гаджи-заде предложил следующий порядок действий:

- Нагорный Карабах заявляет о своем уходе из Кельбаджара,
- при посредничестве России подписывается трехстороннее соглашение,

- 25 апреля приостанавливаются военные действия,
- три стороны обращаются к СБСЕ с просьбой прислать наблюдателей,
- они же обращаются к СБ ООН за гарантиями (альтернатива: гарантии России),
- договоренности закрепляются в рамках Минской группы.

Гуксян принял все это, но с оговоркой, что сначала подписывается трехстороннее соглашение, а уж после этого пойдет речь об уходе из Кельбаджара при том, однако, условии, что Азербайджан обязуется не вводить туда свои войска, а параллельно выводу карабахских войск пойдет деблокада Нагорного Карабаха со стороны Азербайджана.

Шахназарян внес свое дополнение: завершение вывода войск должно совпасть с тем моментом, когда на месте будут наблюдатели СБСЕ. При этом он подтвердил известную позицию Армении: поддержим то, о чем договорятся Степанакерт и Баку.

Казимиров собрался в Баку, а там — новые «неопределенности». Оказывается, азербайджанский министр иностранных дел только что вернулся из Анкары, Турция ужесточила свою позицию, Эльчибей взял под козырек. В результате Казимиров вынужден отложить свою поездку.

Начался тайм-аут, как дипломатично назвал Давид срыв переговоров, в ходе которых много позиций было уже согласовано, причем напрямую, между непосредственно противостоящими друг другу карабахцами и азербайджанцами. Тогда казалось, что эти последние убедились в целесообразности именно прямых переговоров с карабахцами. Но именно прямые переговоры и не устраивали кое-кого из вершителей судеб мирового сообщества, как не устраивала их посредническая и миротворческая роль России. Джек Мареска, представитель США в Минской группе по Нагорному Карабаху, вообще не хотел допускать НКР к переговорному процессу, заявив армянам: пусть карабахцы уходят из Кельбаджара и в Женеву на заседание Минской группы не приезжают, а если приедут, им место в отеле, но не за столом переговоров. Американцу на это было сказано: «Как это в отеле? Они в Москве четыре дня уже за одним столом с азербайджанской делегацией провели. Ваш фокус, г-н Мареска, не пройдет, а ваши «инициативы» Армения и НКР примут только с серьезными поправками».

Маневры американцев и турок делали азербайджанцев более несговорчивыми, а их позиции далекими от реализма. Давид Шахназарян, когда мы встретились с ним в его кабинете в президентском дворце 19 апреля, очень четко обрисовал ситуацию с переговорами: «Минский процесс горит голубым огнем из-за азербайджанских предварительных условий. Азербайджан даже начало переговоров обуславливает удовлетворением его требований. Но в Баку должны понимать, что Кельбаджар они себе вернут только через переговоры, причем под присмотром Москвы. Нужен импульс, чтобы прекратить тайм-аут. Сейчас очень благоприятная обстановка для прекращения огня на карабахском фронте. Надо, чтобы Москва предприняла энергичный демарш, который позволил бы возобновить трехсторонние переговоры.»

Давид высказал опасения по поводу двусмысленностей позиции Турции. Не готовится ли удар по Зангезуру с двух сторон — из Нахичевана и азербайджанского Зангелана? Не хотят ли турки военным путем реализовать интересующую их и азербайджанцев часть американского плана Пола Гобла, чтобы соединиться в Зангезуре с собственно Азербайджанской Республикой, отрезать Армению от Ирана и замкнуть окружающее ее турецкое кольцо даже без обещанной Гоблом «компенсации» в виде какой-то части Карабаха, которую американец (но не турки и азербайджанцы) готов был отдать Армении? План Гобла ни в каком виде не может удовлетворить ни Армению, ни Карабах, ибо он для них смертелен. По мнению Давида, предотвратить попытку оккупации азербайджанцами Зангезура, отделяющего Азербайджан от Нахичевана, а, следовательно, и от Турции, можно усилением российского погранотряда и выдвижением в район города Кафан подразделения российских войск. Это оказало бы отрезвляющее и сдерживающее воздействие на азербайджанцев и их союзников. Я согласился с Давидом и поддержал перед Москвой как идею импульса для прекращения тайм-аута, так и предложение об укреплении российского военного присутствия в Зангезуре именно в качестве сдерживающего фактора. Через некоторое время в Кафани появился российский батальон, и это, несомненно, сыграло положительную роль. Ну а когда осенью 1993 года карабахцы вышли к границе Азербайджана с Ираном и вытеснили аскеров из приграничных с Арменией районов, от плана Гобла в любом его варианте остались рожки да ножки.

Трехсторонняя инициатива

Попыталась Россия дать импульс к прекращению тайм-аута на переговорах, но события попервоначалу стали разворачиваться, скорее, по американо-турецкой модели да так беспардонно, что Казимиров даже сделал реприманд своему любезному другу Мареске.

Однако этому беспрецедентному для российского посредника акту дипломатической принципиальности предшествовали некоторые любопытные события.

Ваган Папазян, у которого я был 23 апреля перед новой встречей Левона Тер-Петросяна с главами дипломатических представительств, ездил вместе с ним в Анкару на похороны турецкого президента Тургута Озала и участвовал в беседах с присутствовавшими на траурных церемониях иностранными делегатами. Из того, что рассказал мне министр иностранных дел и всему дипкорпусу сам президент, вырисовывалась такая картина.

Самолет президента Армении прибыл в Анкару 20 апреля, и первое, что сделал Папазян, — проконсультировался с Казимировым, который был в составе российской делегации. План Казиминова, обсуждавшийся на московских переговорах с участием представителя НКР, в принципе устраивал Армению. В Анкаре армяне были намерены продвигать основные идеи именно этого плана.

21 апреля все собрались на траурной церемонии, и уже там начались беседы по Карабаху.

Армянская делегация не приняла посреднических услуг Демиреля и Шеварднадзе в организации встречи Тер-Петросяна с Эльчибеєм. Сказали: сами организуем. В меджлисе, после официального завтрака Папазян подошел к азербайджанскому президенту, чем того сильно удивил. Услышав прямое предложение переговорить с Тер-Петросяном, Эльчибей заколебался, потом попытался отсрочить встречу, но Ваган проявил настойчивость, и оба президента сделали по три шага навстречу друг другу. Тут же подошли Кравчук и Шеварднадзе, за ними турецкий мниндел Четин и, кажется, Хижа, возглавлявший российскую делегацию. Всем хотелось попасть в объектив, запечатлевший исторический момент. Договорились о встрече, причем армяне не комплексовали и согласились на ее проведение в гостинице, где остановился Эльчибей. Беседа с глазу на глаз продолжалась полчаса. Азербайджанский президент вроде

бы дал себя убедить возобновить московские переговоры, прерванные по его инициативе. Более того, он согласился с Тер-Петросяном, что уход Карабаха из Кельбаджарского района зависит от достижения договоренности о перемирии и снятии блокады, то есть, другими словами, принял идею «пакетного урегулирования». Но все ли он понял? Сложилось такое впечатление, что он с трудом вникал в суть обсуждаемого, был рассеян, явно не владел ситуацией и совсем не разбирался в механизмах урегулирования. Однако самому Левону Тер-Петросяну Эльчибей показался искренним, когда говорил, что хочет остановить конфликт и пойдет на компромисс, если сложатся для него подходящие условия. Договорились опубликовать идентичные заявления о полезности состоявшейся встречи и необходимости искать мирные пути решения проблем.

Незадолго до встречи с Эльчибеєм президент говорил с Хижой и сопровождавшим его Казимировым в присутствии посла в Турции Альберта Чернышева. Пришли к согласию: российская инициатива будет «вписана» в контекст СБСЕ.

Папазян имел «очень корректный», по его словам, разговор со своим иранским визави Велаяти, который заявил, что Иран не возражает против ввода российских войск в район карабахского конфликта, более того, иранцев вообще в роли миротворцев устраивают только Россия или СНГ. Сами они тоже не прочь предложить вновь свои посреднические услуги, но не знают, как включиться в процесс. Велаяти подчеркивал заинтересованность Ирана в установлении мира в Закавказье и в хороших отношениях как с Арменией, так и с Азербайджаном.

Беседа с заместителем госсекретаря США Уртоном принесла договоренность об объединении предложений Казиминова и Марески при том понимании, что основа будет российская. Во всяком случае, американец понял, что план Марески в чистом виде не пройдет. Уортон согласился, что уход карабахцев из Кельбаджара не может быть предварительным условием прекращения огня. Он обещал тесное сотрудничество с Казимировым, о чем Папазян сообщил последнему. Но в то же время американец уклонился от прямого одобрения армянской позиции, согласно которой гарантом урегулирования должна стать Россия с мандатом СБСЕ или ООН.

Самой продолжительной была беседа Тер-Петросяна с Демирелем в присутствии Папазяна и Четина. И туркам пришлось объяснять, что уход

из Кельбаджара не может быть предварительным условием. Убедило простое рассуждение: ну, уйдут оттуда карабахцы, а соглашение не состоится, и тогда они снова придут туда, и все начнется сначала. Демирель снял свое предварительное условие. Интересно, что турки не затрагивали статуса Нагорного Карабаха, не настаивали на его «принадлежности» Азербайджану. Их больше беспокоила судьба Эльчибея. Им объяснили, что наступление в Кельбаджаре было предпринято совсем не ради свержения азербайджанского президента.

На встрече с послами и поверенными в делах Левон Тер-Петросян так подытожил содержание принципиальных договоренностей, достигнутых в Анкаре с азербайджанцами, турками и американцами:

— все вопросы решаются комплексно, «в пакете», при этом ни Армения, ни НКР не отказываются обсуждать вывод карабахских войск из Кельбаджара, но решение о нем возможно только в контексте с другими мероприятиями;

— эффективное прекращение огня под международным контролем;

— международные гарантии безопасности жителям Нагорного Карабаха;

— снятие всех блокад;

— участие представителей Нагорного Карабаха в переговорах на самостоятельной основе.

«Это и есть тот контекст, в котором мы видим вывод войск из Кельбаджара, — заявил президент дипломатам. — Кажется, и Турция, и Азербайджан убедились, что это — реалистический подход, так как иное невозможно. Сегодня основная задача — как можно быстрее восстановить процесс переговоров. Мы имеем в виду не только официальные переговоры в рамках Минской группы, но в первую очередь неформальные консультации между пятью странами (Армения, Азербайджан, Россия, США, Турция), которые можно возобновить в ближайшее время. От правительств присутствующих дипломатов ожидаю содействия в этом. Все сейчас видят, что появился шанс для нахождения решения и его нельзя упускать.»

Президент призвал воспротивиться пропагандистским акциям, способным сорвать этот шанс, имея в виду предстоящую Исламскую конференцию в Карачи, очередное заседание Комитета высших должностных лиц СБСЕ (КВДЛ) в Праге 26—28 апреля и обсуждение доклада генсека

ООН, отнюдь не способствующего карабахскому урегулированию и не дающего основы для нового документа ООН.

Этот призыв был вызван тем, что угроза провокаций против возобновления переговорного процесса была весьма вероятной и исходила она не только с азеро-турецкой стороны, но и из западного лагеря, и со стороны мусульманских союзников Азербайджана.

Начать с того, что на Исламской конференции среди сторонников осуждения Армении оказался даже Иран, который вроде бы должен понимать суть событий в Карабахе и вокруг него.

На заседании КВДЛ в Праге, вместо обсуждения доклада полковника Хаппонена об условиях направления наблюдателей СБСЕ в зону конфликта, по инициативе председательствующего-шведа была затеяна дискуссия о выводе войск «из Кельбаджара и других районов Азербайджана». При этом ни слова об оккупации Азербайджаном северной части НКР. И сделали вид, как если бы только что в Анкаре не шла речь о целесообразности решения всех вопросов карабахского урегулирования «в пакете». Карабахцы отреагировали на «документ» председателя КВДЛ удивлением: получается, что их призывают уважать те самые границы, которые не уважает сам Азербайджан. Самое смешное, их не уважает и автор «документа» КВДЛ, хотя СБСЕ уже более года назад, в другом документе того же самого КВДЛ от 28 февраля 1992 года, выдвинуло принцип нерушимости всех границ, как внутренних, так и внешних, а следовательно и границ НКР или хотя бы НКАО тоже. Заседание в Праге кончилось ничем.

Зато СБ ООН утром 30 апреля единогласно принял резолюцию № 822 по Нагорному Карабаху и потребовал в ней «немедленного вывода всех оккупирующих сил из Кельбаджарского и других недавно оккупированных районов Азербайджана» и призвал возобновить переговоры. К неудовольствию Баку Совет Безопасности не осудил «армянскую агрессию», что, естественно, устраивало Ереван. Однако и этот ареопаг проигнорировал пакетный подход к решению проблемы, чем явно притормозил движение в направлении справедливого урегулирования. Аналогичную роль будут играть и все последующие резолюции СБ ООН по Карабаху, хотя в них, как и в первой, несомненно, были положения, вполне приемлемые для армян и для карабахцев: прекращение всех военных действий и враждебных актов, а следовательно и блокады; возобновление переговорного процесса между конфликтующими сторонами,

а значит — с участием НКР. Именно эти фундаментальные положения резолюции 822 проигнорируют авторы так называемой трехсторонней инициативы.

В ночь на 1 мая азербайджанские вооруженные силы на всем протяжении границы с Арменией подвергли артобстрелу целый ряд городов и сел. Армяне заявили, что так азербайджанцы торпедируют процесс переговоров. Однако этой цели, если она действительно ставилась, добиться им не удалось, тем более, что дело переговоров на этом этапе взяли в свои руки Россия и США в лице послов Казиминова и Марески.

На своей встрече в Москве 29—30 апреля с участием турецкого представителя в развитие инициативы Ельцина и «воодушевленные» встречами в Анкаре российский и американский дипломаты сочинили график продвижения к мирному разрешению конфликта, который намеревались передать в Баку, Ереван и Степанакерт с тем, чтобы заручиться согласием конфликтующих сторон. Уже 1 мая Казимиров направил довольно странное послание Мареске. Он совершенно правильно заявил о несоответствии «трехсторонних предложений», то есть упомянутого графика, посреднической инициативе российского президента и резолюции 822 СБ ООН. В них действительно не было отмеченных мной выше положительных элементов этой резолюции. Но, предложив доработать текст, Казимиров согласился тем не менее передать его конфликтующим сторонам в его первоначальном виде. В самом этом тексте обозначены просто «стороны», причем стороны неизвестно чего, да и сам график не имел никакого названия и подписывать его должны были «стороны» без указания должностей и полномочий. Одним словом, явная туфта, которая не могла устроить никого, но видимость переговоров создавала. На мой взгляд, график Казиминова, который на деле был графиком Марески, не мог удовлетворить прежде всего карабахцев, ибо весь он был построен на предварительном «полном уходе из Кельбаджара», осуществляемом за пять дней с 9 по 14 мая, и только после этого в Женеве должны были возобновиться не переговоры, а «неформальные консультации» для завершения работы над календарем окончательного прекращения огня, размещения наблюдателей, снятия препятствий к нормальному функционированию транспортных коммуникаций и связи, открытия Минской конференции с целью осуществления этих мер не позднее 1 июля 1993 года. И при этом — никаких гарантий безопасности для НКР, а ее участие в самих «неформальных консультациях» пред-

полагалось в формате «5 + 1» под условным наименованием «представители заинтересованных сторон Нагорного Карабаха», причем в оскорбительной форме: эти представители, значилось в «джентльменском соглашении», «будут иметься в наличии для неформальных консультаций Председателя». Большого хамства не придумаешь.

Вот такую бумагу родила «трехсторонняя инициатива». 3 мая я вручил ее Давиду Шахназаряну, а американец должен был отнести то же самое в МИД Армении. Давид сразу же сказал мне, что сей документ совершенно неприемлем для Армении и НКР ввиду того, что в нем игнорируется пакетная договоренность, а построен он таким образом, что из него прямо-таки выпирает азербайджанское предварительное условие вывода войск из Кельбаджара. Да и вообще все это как-то несерьезно — в форме факсов, без всякой ответственности. Мы подписывать такой «документ» не будем, карабахцы тоже, твердо заявил Давид.

Узнав о такой реакции, Казимиров стал названивать в Степанакерт и давить на карабахцев, которые расценили его угрозы как «наглый ультиматум». 4 мая у меня был представитель ГКО НКР в Ереване Альберт Газарян (Манвел Саркисян, официальный представитель НКР, представлял тогда фактически руководство Верховного Совета НКР). Обсуждая последнее развитие событий вокруг карабахской проблемы, он возмущался поведением Казиминова, говорил, что никто его не воспринимает как подлинного представителя президента Ельцина, ибо слишком уж он поет в унисон с американцами и турками. А тут еще российская пресса, которая подпекает Эльчибею, подпитывая его наглость. В спюрке, то есть армянской диаспоре, задаются вопросом: неужели Россия вместе с турками решила задушить Карабах? Я постарался успокоить Альберта, заверив его, что в Москве есть немало людей, правильно понимающих национальные интересы России, которые, по моему глубокому убеждению, неотделимы от судеб Карабаха.

На следующий день о том же говорили мы с Зорием Балаяном, Леонардом Петросяном и с тем же Альбертом Газаряном за дружеским ужином в загородной ресторации «Оджах» («Очаг»). Зорий все пытался проникнуть в суть «тройственной инициативы» и разобраться в ходах Казиминова, который «что-то уж больно хитроумно петляет в переговорных джунглях». Зорий был в курсе телефонного разговора Казиминова с Аркадием Гукасяном, который не только от своего имени, но и от имени находившегося рядом Роберта Кочаряна терпеливо объяснял

российскому посреднику неприемлемость его и Марески плана для карабахской стороны.

В ту пору я еще верил Ельцину и потому просил Зория со товарищи не рассматривать известный им российско-американско-турецкий текст как нечто вытекающее из самой инициативы Ельцина. Это всего лишь эскиз, говорил я, который не следовало бы отвергать с порога, а лучше — взять за основу и предложить свои коррективы с тем, чтобы эффективно обеспечить законные интересы НКР. Думаю, что мои доводы не пропали даром.

Утром 6 мая я узнал, что накануне скончался мой младший брат Петр, и тут же вылетел в Москву на похороны.

Обратно летел в президентском самолете. Армянская делегация возвращалась с той встречи в верхах стран СНГ, которая первоначально должна была проходить в Ереване, но состоялась в Москве. Из уст Левона Тер-Петросяна и Вагана Папазяна я услышал похвальное слово в адрес Козырева. Им показалось, что он понимает стратегическое значение Армении для России и является сторонником сохранения российского военного присутствия на армянской территории. Я про себя подумал: «Это бы понимание, да некоторым его замам и особенно чиновным пупкам из Департамента СНГ, которые, когда я заговариваю об Армении, тут же начинают обвинять меня в проармянских настроениях. Удивительное дело. Можно подумать, что, работая в Ереване, я должен испытывать и демонстрировать нечто противоположное. Что-то в заявлениях г-на Козырева армянским собеседникам не состыковывалось с поведением его подчиненных. Но президента и министра я разочаровывать не стал, да и не положено это. Впрочем, их самих должно было насторожить, что в поисках решения карабахской проблемы Козырев упирал на резолюцию СБ ООН, которая никакой серьезной основы для подлинно справедливого урегулирования не давала.

Со своей стороны, я говорил им о несовпадении интересов России и США в Закавказье. Они в конечном итоге признали диаметрально противоположность этих интересов. И Козырев, по их мнению, тоже как будто бы это знает, но ищет точки соприкосновения.

17 мая я посетил Вагана Папазяна в МИДе. У него в кабинете были Давид Шахназарян и Арман Киракосян. Они меня информировали, — они, а не Москва (!), — что появился новый вариант мирной инициативы России, США и Турции, подготовленный в Москве 14—15 мая.

Посольствам России и США поручат передать этот план главным адресатам и сделать заявления для печати о том, кому они вручили откорректированный график, суть которого по-прежнему сводилась к уходу Карабаха из Кельбаджара. Давид так и сказал: « Это все тот же план Марески. Американцев ничто не интересует, кроме возобновления неформальных переговоров в Женеве по формуле «5+1» ценой удаления карабахских сил из Кельбаджара. По-прежнему чуть подправленная бумага (в основном речь идет об изменении сроков, поскольку первоначально предложенные уже прошли) носит безадресный характер. Мы не знаем, кто подписанты. Даже сам конфликт не назван как карабахский. По существу Россия поддерживает чужой текст, отступив от собственной позиции».

Давид выразил пожелание, чтобы посол России, отчитываясь о реакции Армении перед Москвой, предложил направить в Ереван, Баку и Степанакерт Казимирова, Мареску, турецкого представителя Вурала и итальянца де Сику, заместителя председателя Минской группы Рафаэлли. Никто из них, кроме Казимирова, на месте конфликта не побывал, вот пусть к началу процесса и приезжают.

Примерно так все и произошло на следующий день. 18 мая по поручению МИД России я посетил посла по особым поручениям Давида Шахназаряна и вручил ему документ, в котором инициатива трех государств (России, США и Турции) и председателя Минской группы, имеющая целью поиск путей достижения мирного урегулирования карабахского конфликта, увязана с выполнением резолюции СБ ООН 822 от 30 апреля 1993 года во всех ее частях. В тот же день идентичный документ был вручен постпреду Нагорного Карабаха в Армении Манвелу Саркисяну. Именно в таких выражениях был составлен текст сообщения в печать. Газетчиков хитроумные детали вроде того, что резолюцию СБ надо иметь в виду «во всех ее частях», не очень интересовали, и они это при опубликовании обрезали. Зато содержание самого документа изложили довольно точно. Так что для армянской и карабахской общественности документ Марески—Казимирова никакого секрета не представлял.

Когда я вручил Давиду Шахназаряну заранее известный ему текст, он заметил, что у него появились новые вопросы к его авторам. Документ составлен настолько общо, что неизвестно, кто за что отвечает. Опять нет ни слова ни о карабахской проблеме, ни даже о самом Карабахе.

Текст двусмыслен. Он позволяет предполагать вывод из Кельбаджара армянских войск, которых там нет, и не упоминает о карабахских войсках, которые там есть. Даже о председателе Минской группы по Нагорному Карабаху говорится как о председателе некой Минской конференции, причем неизвестно, по какому вопросу. Одним словом, «новый» текст по сути своей ничего нового не принес и более приемлемым для Нагорного Карабаха и Армении не стал. Все те же не очень честные игры Марески и Рафаэлли с участием Казимирова.

В таком же ключе отнеслись в Москве и к предложению армянского президента поставить на перевале через Муровдагский хребет, соединяющем Кельбаджарский район с Северо-западным Азербайджаном, российский военный контрольный пост. Казимиров ответил: руководство России не возражает, но армяне должны нажать на азербайджанцев, чтобы те тоже согласились. «Интересное кино! Ну каким образом Армения нажмет? Может, Кубатлинский район или вообще весь Зангелан взять под контроль, — иронизировал Давид. — Разве не ясно, что нажать на азеров может и должна Россия? Почему бы ей прямо не сказать азербайджанцам: хотите вернуть Кельбаджар — соглашайтесь на российский военный контроль над перевалом? Это единственное средство воспрепятствовать тому, чтобы вместе с гражданской администрацией в Кельбаджар обратно не просочились азербайджанские аскеры.»

Ничего этого сделано не было, и события продолжали развиваться совсем не мирным путем.

21 мая по Еревану прошли демонстрации дашнаков в связи с «трехсторонней инициативой». Я принял делегацию во главе с политсекретарем партии Гагиком Мкртчяном, который подчеркнул, что дашнаки совсем не против любых мирных инициатив России и даже США, они категорически против привлечения к ним Турции, ибо она не покаялась за геноцид армян и находится стопроцентно на стороне Азербайджана, поэтому у нее нет никакого морального права претендовать на роль посредника. Пусть российское посольство не принимает наш демарш как направленный против России. Мы лишь просим Россию понять нашу тревогу, сказал Гагик Мкртчян.

Я успокоил делегацию, что «трехсторонняя инициатива» — не ультиматум, а рабочий документ, поэтому ни о каком предательстве Карабаха речи не идет. Более того, его представители участвуют в переговорах, и без самого Карабаха какое решение просто невозможно. Франс де

Артинг, принимая делегацию дашнаков, тоже высказалась в умиротворяющем духе. Что говорил им Том Прайс, мне точно не известно. Но не думаю, чтобы он очень уж расходился с нами.

После дашнаков в тот же день пришли Георгий Петросян, и.о. председателя Верховного Совета НКР, и с ним Манвел Саркисян. Мы выпили, закусили, поговорили по душам. В своей беседе с Томом Прайсом, который тоже вручал карабахцам текст трехстороннего документа, они подчеркивали его расхождение с резолюцией СБ ООН, отрицали моральное право Турции на посредничество и задали каверзные вопросы: кто и кому, а главное — в каком юридически значимом качестве должен отвечать на трехсторонние предложения, кто, откуда и куда должен уходить? У американского поверенного ответа на эти вопросы не нашлось. Мне карабахцы сказали, что готовы к конкретным обязательствам, но как о них может идти речь, если в документе Нагорный Карабах даже не назван. Когда Тому Прайсу был задан вопрос, кому адресует «инициативу» американский поверенный в делах, тот ограничился словами, что она предназначена «для Степанакерта».

А Марио Рафаэлли направил послание Георгию Петросяну, не обозначив его функций. «Таким же образом и мы можем отправить ответ в Италию просто некоему господину Рафаэлли, а не председателю Минской группы, — заметил Георгий Петросян. — Кто будет нести ответственность за подписи без полномочий, которые вытекают из должностей, если должности не указаны? На основании такого документа «ограниченный контингент безопасности» в Кельбаджар вполне можем ввести и мы, «никто» из Степанакерта. Кстати, хорошо, что Казимиров побывал в НКР, надо бы и другим последовать его примеру».

Карабахцы внимательно отнеслись к моим параллелям с палестинцами и, в частности, к их опыту открытия информбюро в некоторых европейских столицах. В Париже и Москве палестинские информбюро, в конце концов, смогли вступить в контакт с официальными властями, и это было шагом к последующему признанию.

Как обычно, все высказанное мне моими собеседниками я передал в Центр и подверг собственной критике безадресность, безответственность и необязательность формулировок документа «трое плюс Рафаэлли», дав понять, что эти «качества» делают бессмысленными какие бы то ни было переговоры на его основе. По прошествии нескольких лет я не перестаю удивляться откровенному цинизму и лицемерию авторов этой псевдо-

инициативы, по сути дела долгое время только делавших вид, что они добиваются согласия конфликтующих сторон, ибо знали заранее, что их предложения смертельны для карабахского народа, а потому не могут быть приняты. Продолжаются такие игры и сейчас, когда я пишу эти строки, и все труднее становится пробиться на страницы московской печати с их разоблачением, потому что в Москве открыто хозяйничает Гейдар Алиев, затыкающий рот журналистам пропитанным нефтяными посулами кляпом.

24—25 мая 1993 года президент Армении снова был в Москве, где встречался с Ельциным. С российской стороны в этой встрече участвовали Козырев, Грачев, Лобов, Шахрай, Филатов и Казимиров. С армянской — Ашот Манучарян, Вазген Саркисян, Давид Шахназарян и начальник президентского аппарата Шаген Караманукян. Обсуждали переход дислоцированных в Армении войск на систему базы, но главной была тема Карабаха. Армянская сторона информировала московских руководителей о том, каким будут официальные ответы Армении и НКР на последнюю инициативу «3+1». Москва поняла суть этих ответов как срыв этой инициативы, но драматизировать не стала. У армян сложилось впечатление, что Ельцин предпочитает вообще, чтобы переговорный процесс пошел в рамках, очерченных резолюцией 822. Впечатление правильное. Это мне чуть позже подтвердили из Москвы.

25 мая заседал Верховный Совет Армении. Пошумели-пошумели, но официальный ответ правительства «инициаторам» депутатов, включая оппозицию, явно устраивал.

26 мая меня принял Давид Шахназарян и вручил этот официальный ответ. Параллельно он был направлен факсом в Москву Казимирову, который получил его буквально через полчаса после меня. Этот текст состоял из двух фраз:

«Правительство Республики Армения дает свое согласие на инициативу Председателя Минской группы СБСЕ по Нагорному Карабаху, Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки и Турецкой Республики от 18-го мая сего года.

Армения обязуется полностью осуществить относящиеся к ней пункты, связанные с реализацией резолюции 822 Совета Безопасности ООН, как отмечено в предложении, выражая надежду, что такой же подход проявят основные стороны Нагорно-Карабахского конфликта — Азербайджан и Нагорный Карабах.»

Главное здесь то, что Армения не отвечает ни за кого, кроме себя.

В тот же день, 26 мая, постпред НКР Манвел Саркисян вручил мне адресованное послу России в Армении письмо и.о. Председателя Верховного Совета Нагорно-Карабахской Республики Георгия М. Петросяна и Председателя ГКО Нагорно-Карабахской Республики Роберта С. Кочаряна, которое я тут же передал факсом в Москву. В этом письме говорилось следующее.

«Положительно оценивая миротворческие усилия членов мирового сообщества, мы хотели бы выразить свое отношение к некоторым проблемам, возникшим в связи с инициативой России, США, Турции и СБСЕ.

Основным и решающим фактором, объясняющим обеспокоенность нашего народа, является отсутствие в документе должных гарантий безопасности для населения нашей Республики, а также отсутствие гарантий выполнения сторонами обязательств и несения ответственности за их невыполнение. В этой связи важно отметить отсутствие предварительного соглашения между сторонами конфликта о принятии международных наблюдателей и соответствующего одобрения СБСЕ.

Кроме того, у нас вызывает сомнение участие в качестве посредника Турции, по всей видимости, имеющей реальную заинтересованность в регионе. Выражением такой заинтересованности может быть сохранение блокады, оказание военной и экономической помощи противоборствующей стороне, что является прямым нарушением Резолюции Совета Безопасности ООН 822 от 30 апреля 1993 года...

Мы твердо заявляем о своей готовности полностью и незамедлительно выполнить Резолюцию 822 СБ ООН. Возможность приступить к ее осуществлению во всех частях может появиться сразу же, как только противоборствующая сторона конкретными делами подтвердит свою готовность выполнять данную Резолюцию. Разумеется, не может идти речи о выборочном выполнении только тех элементов Резолюции, в которых заинтересован Азербайджан, при игнорировании или откладывании по срокам выполнения других ее пунктов. Уверены, что Резолюция этого международного органа носят обязательный для всех характер.

Мы также озабочены тем обстоятельством, что член ООН Азербайджан уклоняется от выполнения своих обязательств, что не вызывает осуждения со стороны членов международного сообщества, в частности, членов СБСЕ.

Продолжая рассматривать различия между двумя документами, можно отметить то, что Совет Безопасности требует незамедлительного прекращения всех военных действий и враждебных актов с целью установления прочного прекращения огня, в то время как в инициативе речь идет лишь о приостановке военных действий сроком на 60 дней. Причем это не затрагивает действий, к которым в первую очередь относятся транспортная и энергетическая блокады Нагорно-Карабахской Республики, Армении и Нахичевани.

В то время как Совет Безопасности призывает конфликтующие стороны к немедленному возобновлению переговорного процесса в рамках Минской группы СБСЕ, инициатива предлагает лишь возобновление неформальных консультаций в Женеве по формуле «5+1», то есть при несопоставимом участии Турции, фактически являющейся союзником Азербайджана. Мы убеждены, что без полноправного участия властей Нагорно-Карабахской Республики подобные консультации не могут содействовать решению вопроса жизни и безопасности населения нашей Республики.

Таким образом, мы выступаем за немедленное выполнение Резолюции 822 СБ ООН всеми конфликтующими сторонами. Мы — за твердые обязательства всех участников конфликта решить его исключительно мирными средствами. Прекращение военных действий и враждебных актов, включая окончательное прекращение огня и разного рода блокад, по нашему убеждению, должно быть оформлено документом, имеющим полную юридическую силу. Ответственность сторон за выполнение своих обязательств по такому соглашению должна быть очевидной.»

Я специально привел это письмо почти полностью, чтобы показать, насколько юридически грамотной и доказательной была позиция карабахского руководства, которой ни Рафаэлли, ни Мареска, ни Казимиров, не говоря уже об азербайджанцах и турках, не в состоянии были противопоставить ничего серьезного. Их игра в планы, документы, графики и инициативы выглядела как детский лепет, но все великие державы предпочитали играть в эту игру и затянули решение о введении на карабахском фронте хотя бы перемирия на целый год, стоивший жизни карабахским, армянским и азербайджанским молодым людям, судьба которых явно не заботила «просвещенное» и «цивилизованное» международное сообщество.

Вечером 26 мая выступил президент Левон Тер-Петросян и прокомментировал армянский и карабахский ответы на инициативу «3+1». Президент подтвердил согласие Армении на «вариант от 18 мая», но при этом указал на отсутствие гарантий прав и безопасности народа Нагорного Карабаха в условиях, когда Азербайджан так и не отказался от своей политики военного решения проблемы. Поэтому Армения сама берет на себя обязательство быть гарантом безопасности народа Нагорного Карабаха и строжайшего соблюдения договоренностей, которые будут достигнуты, и ожидает, что подобные обязательства возьмут на себя также авторы инициативы и международное сообщество. До сих пор оно ничего не делало, чтобы защитить мирное население Нагорного Карабаха от блокады со стороны Азербайджана, от насилий, депортаций и воздушных бомбардировок. Не пора ли вступить на путь выполнения собственных правовых решений, отказавшись от двойственного подхода? Таков был смысл обращения президента к международному сообществу.

29 мая МИД России откликнулся специальным заявлением. Похвалив Азербайджан и Армению за одобрение предложений, направленных на урегулирование карабахского конфликта «на основе посреднической инициативы Президента Российской Федерации», МИД свел все дело к тому, чтобы «вывести формирования карабахских армян из занятого ими Кельбаджарского района Азербайджана и возобновить переговоры в Минской группе СБСЕ». Было выражено сожаление, что «одна из сторон в конфликте — армяне Нагорного Карабаха — не дали согласия, ссылаясь на недостаточность гарантий безопасности населения и выполнения сторонами своих обязательств». Вместе с тем выражалось удовлетворение, что «руководство армян Нагорного Карабаха» подтвердило готовность выполнять резолюцию 822, чего пока, оказывается, не сделал Азербайджан, что почему-то никаких эмоций и оценок со стороны МИД РФ не вызвало.

В формулировках МИД России явственно проступало откровенное нежелание признавать не только НКР, но даже сам народ Нагорного Карабаха, дабы избежать признания за ним его естественного права на самоопределение и самостоятельное, причем ответственное участие в переговорах о его собственной судьбе. Мидовские мудрецы, сочинявшие такие заявления, не понимали или не хотели понимать, что это непризнание по существу подрывает основу самих переговоров и делает все телодвижения вокруг них бессмысленными. Но так угодно было

Азербайджану, не смилившемуся с утратой нагорно-карабахской части армянских земель, подаренной ему советской властью. И российский посредник предпочитал петь ту же самую песню об «армянской общине», подменявшей понятие народа, ну а уж таким абсолютно равнодушным и к карабахцам, и к армянам, и к азербайджанцам международным чиновникам, как Рафаэлли, в таком случае сам Бог велел подпевать Казимирову и Мареске. Он и подпевал, вводя своими предвзятыми докладами в заблуждение не только СБСЕ, но и СБ ООН.

Нажим на Карабах

А между тем карабахцы продолжали отражать атаки азербайджанских аскеров, открыли 10 мая в Степанакерте свой университет, развернули ремонтно-восстановительные работы на Сарсангской ГЭС и очень скоро пустили ее первую очередь, засеяли 10 тысяч га яровыми культурами, предлагали иностранным торговым партнерам мрамор, гранит, изделия из натурального шелка, сухое вино и коньяк «Гандзасар», энергично строили дома, принимали друзей. «Меня поразило то, что, защищая свою землю, карабахцам одновременно удается наладить нормальную жизнь. Концерты в условиях войны — это лучшее доказательство духовного настроения этих людей», — заметила в беседе с корреспондентом армянского агентства СНАРК баронесса Керолайн Кокс после возвращения в Ереван из своей четырнадцатой по счету поездки с гуманитарной помощью в Нагорный Карабах.

Начало июня было отмечено ужесточением карабахской позиции. Советник председателя ГКО НКР по внешнеполитическим вопросам Аркадий Гукасян по поручению своего правительства заявил, что Турция в переговорном процессе играет деструктивную роль, и зря правительство Армении даст свое согласие на так называемую «трехстороннюю инициативу». Главком армии обороны НКР Самвел Бабалян поддержал эту линию в интервью газете «Время». Армия Карабаха — самая боеспособная в кавказском регионе. Мы не уступим ни одной позиции. Кельбаджар не оставим, если не будет гарантий, чтобы он не превратился снова в азерскую военную базу. Мы не хотим быть разменной картой в руках политиков. Мы сядем за стол переговоров только в том случае, если будем иметь твердые гарантии безопасности нашего народа. Мы не уступим ни единой пяди земли, омытой его кровью. Таков был основной смысл этого интервью.

Опрос общественного мнения в Армении давал тогда следующие результаты: 62,5 процента требовали принять необходимые меры, чтобы добиться мирового признания независимости Арцаха, 21,2 процента — за объединение с Арменией, 3,8 процента не возражали против обмена территориями. Это, видимо, по плану Гобла или чему-то в таком же роде.

4 июня полковник азербайджанской армии Сурет Гусейнов поднимает мятеж против Эльчибея и начинает свое движение на паре бронетранспортеров из Гянджи (бывший Кировабад) к Баку. Азербайджан вползает в жесточайший кризис власти. И в это время синьор Рафаэлли как ни в чем не бывало выступает с новой инициативой, направив 7 июня сторонам конфликта, теперь уже от имени девяти стран-членов Минской группы (США, России, Франции, Германии, Италии, Швеции, Чехии, Турции и Белоруссии), «График срочных мер» по выполнению резолюции 822 с препроводительным письмом.

Из обоих документов явствовало, что критика, прозвучавшая из Степанакерта, была услышана. Поставлена цель выполнения резолюции Совета Безопасности во всех ее частях, включая прекращение всех враждебных актов и в том числе транспортной блокады. Расширены полномочия международных наблюдателей: они должны следить не только за выводом сил армии НКР из Кельбаджара, но и за тем, чтобы Азербайджан не ввел туда свои войска, кроме ограниченного числа легковозоруженного персонала для обеспечения безопасности населения.

Вот только непонятно было, откуда взялся оптимизм Давида Шахназаряна, который в своем публичном комментарии по поводу новой инициативы утверждал, что «во всех консультациях» будут участвовать «и представители Нагорного Карабаха» и что «это определено довольно четко». Ничего подобного в послании Рафаэлли я не обнаружил, как не обнаружили и сами карабахцы, если не считать просьбы Рафаэлли подписать его документ, обращенный не только к Армении и Азербайджану, но и к некоему «уважаемому господину», под которым надо было понимать кого-то из Степанакерта, куда послание дошло даже раньше, чем до Еревана. Но «уважаемый сэр» — это не прямо обозначенное должностное лицо, а опять все тот же «некто» или «никто» из предыдущих инициатив. Станные игры продолжались. Правда, на следующий день посол Италии в Москве направил «досточтимому мистеру Георгию Петросяну в Степанакерт» (во дела, прямо какой-то XIX или даже XVIII

век!) письмо, в которое было инкорпорировано дополнительное послание Марио Рафаэлли, адресованное теперь уже не просто неизвестному «уважаемому сэру», а всеж-таки «уважаемому г-ну Петросяну». Это, видимо, объяснялось тем, что письмо содержало угрозы, а какой смысл в угрозах, если они обращены ни к кому? Рафаэлли грозился сурово: не примете мои предложения — понесете тяжкую ответственность перед общественностью СБСЕ и перед всем международным сообществом в целом. Так-то вот. И досточтимый, и уважаемый, а если хотите, даже дорогой мистер Петросян, но — без указания, кто такой этот мистер, и тем не менее какую-то ответственность извольте нести.

На карабахцев было оказано мощное давление со всех сторон. Давид Шахназарян в упомянутом комментарии, появившемся в газете «Республика Армения» 9 июня, напомнил об ответственности, которую несут карабахские руководители и перед своим, и перед всем армянским народом, и выразил уверенность, что они продемонстрируют и на этот раз «свою политическую зрелость и дипломатическую гибкость».

Следующий акт нажима был с российской стороны. В ночь с 9 на 10 июня в Ереван явилась большая российская делегация. На аэродроме Звартноц мы ждали ее вместе с Давидом Шахназаряном. Главную новизну наступившего этапа переговоров он видел, оказывается, совсем не в изменении отношения к участию в них НКР, а в том, что «инициатива» утратила турецкий налет, заменив формулу «3+1» на «проект девяти» и вообще «всех желающих». Георгий Петросян, с которым я увиделся на следующее утро, после отлета нашей делегации, сказал мне, что в действительности «все желающие» отнюдь не включают «избранных представителей Нагорного Карабаха», так как этот термин исчез из лексикона СБСЕ и заменен расплывчатым термином «заинтересованные стороны из Нагорного Карабаха», то есть все те же армянская и азербайджанская общины, а это — нонсенс, ибо армяне в Нагорном Карабахе — не община, а подавляющее большинство населения, считающее себя народом, азербайджанская же община оттуда ушла.

Личный советник президента по внешнеполитическим вопросам, мой сосед по дому Жирайр Липаритян, американец, прекрасно говорящий по-французски, что для меня было весьма существенно, так как по-русски он не говорил, тоже с нами в Звартноце встречал российскую делегацию. По его мнению, инициатива Рафаэлли — это плод российского

диктата и понимания Европой и Турцией первенствующей роли России в Закавказье, с чем якобы пришлось смириться американцам.

Чуть позже, за ночной трапезой после переговоров в Доме приемов, Казимиров дал свою образную интерпретацию инициативы Рафаэлли: Европа помалкивала, Италия снюхалась с США, Турция притихла, один русский Дон Кихот сражался со всеми, американцы хлопнули дверью, но потом вернулись и приняли то, что требовалось.

Вот, оказывается, какая замечательная новая инициатива и замечательна она, конечно же, благодаря победе российской дипломатии. Одно плохо, самую заинтересованную сторону — сражающийся за свое выживание Карабах — она опять почему-то не удовлетворяет. Придется нажать.

В начале первого часа ночи, то есть уже 10 июня, самолет из Сухуми, где московские гости занимались абхазскими делами, приземлился в ереванском аэропорту, все поехали в Дом приемов, там господа Козырев, Баранников и Казимиров отделились и пошли на встречу с Левон Тер-Петросяном. Что там говорилось, осталось за семью печатями. А вот о содержании последовавшего чуть позже разговора с Георгием Петросяном и Робертом Кочаряном мне кое-что стало известно. Козырев уговаривал карабахцев сказать безоговорочное «да» господину Рафаэлли, а те упирались, требуя гарантий, которых российскому министру неоткуда было взять, да он об этом, по-моему, и не думал. В присущей ему наивной манере Козырев напирал на то, что карабахцы должны-де пойти навстречу России, усилиями которой улучшены предложения СБСЕ, и не дать ей потерять лицо перед Западом. Ничего себе аргумент вместо гарантий безопасности, которых требовали карабахцы!

Видимо, в этой связи за столом поздней ночью президент Армении призывал отнестись с пониманием к опасениям карабахцев, которые без гарантий не могут оставить Кельбаджар. Потом Левон Акопович предложил мне произнести тост. Я сказал, что надеюсь на положительные последствия состоявшихся переговоров для наших взаимных и общих интересов в Закавказье. И в мире, добавил кто-то из военных.

Козырев продолжил тему государственных интересов, благодарил президента за прием, уверял карабахцев, что их единственные друзья — Армения и Россия, говорил, что понимает их озабоченность и звал с доверием отнестись к советам, звучащим с российской стороны.

Проводили гостей в Москву, а тут уже и утро наступило, и ко мне пришли старые друзья — Георгий Петросян и Манвел Саркисян.

Они разнесли в пух и прах инициативу Рафаэлли и комментарии Давида Шахназаряна и Жирайра Липаритяна. На нас жмут, чтобы мы сказали «да», заметил Георгий, но ведь в условиях разгорающегося кризиса власти в Азербайджане это просто глупо, ибо любое нарушение со стороны азеров легко свалить на мятежников. То, что именно в таких условиях оказывается нажим — сначала Рафаэлли, потом русские братья минувшей ночью — это форменное бесстыдство.

Я посоветовал: братцы, главное сейчас — не давать сугубо отрицательного ответа, тем более, что многие соображения НКР фактически приняты. Но никто не мешает сформулировать и все необходимые оговорки.

Георгий попросил русский текст резолюции 822, а то вся переписка здесь идет на английском, да еще с дурным переводом. Я вызвал из Москвы нужный текст (кстати, и для себя тоже), и мы отвезли его Манвелу.

11 июня он направил г-ну Рафаэлли промежуточный ответ:

Ваша инициатива вызвала серьезные разногласия среди руководителей НКР и командного состава армии обороны, возражения основаны на опасении народа НКР в очередной раз оказаться обманутым, нужно время, чтобы убедить людей, окончательное решение не принято, рассчитываем на Ваше и представителей стран «девятки» понимание сложности внутриполитической ситуации в НКР, окончательное определение позиции НКР будет сделано в ближайшие дни.

В Ереване этот ответ вызвал нескрываемое раздражение, но Липаритян договорился с Марио де Сика, затем с самим Рафаэлли об отсрочке карабахского ответа.

Вечером 11 июня Левон Тер-Петросян, Бабкен Аракцян и Давид Шахназарян отправились в Горис, что рядом с Лачинским коридором, для встречи с Георгием Петросяном и Робертом Кочаряном, но смогли увидеться с ними лишь на следующий день. Вечером 12 июня Жирайр Липаритян сообщил мне, что оба карабахских руководителя дали согласие подписать график Рафаэлли, но решили совершить этот акт в Степанакерте, куда сейчас как раз едут.

В течение субботы 12-го и воскресенья 13 июня армянское радио передавало, что НКР от ответа все еще воздерживается, а в районе Агдма (Азербайджан) и Мардакерта (НКР) ее армия ведет бои.

В понедельник 14 июня Левон Тер-Петросян в публичном заявлении выразил глубокую озабоченность по поводу «неспособности властей

Нагорного Карабаха взять на себя ответственность в решающий момент и использовать исключительную возможность установить перемирие». Арман Киракосян сказал мне, что президент «уехал за Горис» — уговаривать карабахцев. Как выяснилось уже на следующий день, он действительно уехал за Горис — в Степанакерт, где добился отставки Георгия Петросяна и подписания положительного ответа НКР председателю Минской группы, которое и было отправлено ему 14 июня новым и.о. председателя Верховного Совета НКР Кареном Бабуряном. Он был до того первым заместителем Георгия.

Однако и этот ответ был не так уж прост, как могло показаться на первый взгляд. Да, руководство НКР поддержало миротворческие инициативы, но попросило отсрочки до стабилизации положения в НКР в связи со сменой председателя парламента, фактического главы государства. В послании Бабуряна выражена также озабоченность крайне взрывоопасной ситуацией в Азербайджане, способной привести к непредсказуемым последствиям. «Имея в виду, что ближайшие к НКР районы Азербайджана контролируются вооруженной оппозицией, ведущей боевые действия против правительственных войск, — писал Бабурян, — прошу подтверждения СБСЕ о готовности и способности руководства Азербайджана обеспечить выполнение со своей стороны обязательств по реализации инициативы девяти стран Минской группы». Ну откуда у СБСЕ могли быть основания для таких «подтверждений»? Особенно если учесть, что в Гяндже к этому времени объявился нахичеванский затворник Гейдар Алиев, непонятно каким образом перебравшийся туда с посреднической миссией между Эльчибеом и Суретом Гусейновым и очень быстро переметнувшийся на сторону мятежного полковника, из рук которого в конечном итоге и получит президентскую власть. Да, в этих условиях уходить из Кельбаджара и разоружаться карабахцам было совсем не резон.

Интересную версию событий 12—14 июня дал один из главных инициаторов пертурбаций в НКР. 15 июня Левон Тер-Петросян пригласил в президентский дворец глав дипломатических миссий, аккредитованных в Ереване, и на хорошем русском языке рассказал, что и как было в Горисе и Степанакерте, сделав оговорку, что это — не для печати, а для правительств, представленных посольствами в Ереване, и руководства ООН. Однако это оказалось секретом Полишинеля, ибо в прессу попали такие подробности минипереговора в Степанакерте, устроенного

Тер-Петросяном, что его собственная версия вряд ли могла быть такой уж секретной, тем более, что президент обычно высказывается весьма осторожно. Тем не менее эта версия позволяет лучше приблизиться к истине и заслуживает быть обнародованной хотя бы в изложении, а не протоколно. К тому же прошло время, и в столкновениях президента с дашнаками случилось столько перипетий, что тот эпизод этой борьбы давно утратил всякую конфиденциальность. А то, что это был именно эпизод борьбы с дашнаками, видно из сказанного самим Левон Тер-Петросяном. К счастью, минипереворот не нанес ущерба позициям карабахцев в переговорном процессе.

Исходная точка «консультаций» в Горисе и Степанакерте, сказал Тер-Петросян, это — наша позиция, наша концепция решения карабахской проблемы.

1. Прекращение огня. Установление мира.

2. Диалог, политические переговоры, поиск компромисса, учитывающего права Азербайджана, Нагорного Карабаха и Армении.

12 июня в Горисе была бурная дискуссия с Президиумом Верховного Совета НКР в полном составе. При сем присутствовала половина членов ГКО во главе с Робертом Кочаряном. Президент Армении произнес вступительную речь, говорил целый час. После «перерыва для обдумывания» слушали всех, кто хотел что-либо заявить, потом было обсуждение без армянской делегации, а затем объявили об итогах. За положительный ответ (якобы) «горячо высказался только один человек — Георгий Петросян. Он дал бой всему Президиуму», доказывая, что надо подписать бумагу Рафаэлли. Члены Президиума, не споря с ним, «просто ответили «нет». Петросян взял всю ответственность на себя, и тогда консенсусом ему дали полномочия».

«Вместе с Давидом Шахназаряном он поехал в горсовет, где они стали ждать факс из Еревана, чтобы подписать документ. Из-за технических неполадок дело затянулось, и когда факс пришел, Георгий Петросян неожиданно отказался ставить свою подпись и при том категорически. Значит, что-то случилось во время ожидания. Мы знаем документально, что случилось. У него состоялся телефонный разговор с Манвелом Саркисяном, через которого он получил четкие указания не подписывать от афинского бюро партии Дашнакцутюн. Но это еще «цветочки». К Георгию подошли люди и пригрозили физической расправой. Это были дашнаки, знаем — кто. Возбуждаем уголовное дело».

В этом месте я не могу не сделать оговорки. «Козни дашнаков» стали к тому времени идеей фикс армянского президента, но никакого уголовного дела тогда не получилось, видимо, не смогли ничего доказать. А если вспомнить, что говорил мне Георгий буквально перед событиями в Горисе, можно усомниться в том, что он вдруг начал так ратовать за безоговорочное согласие с планом Рафаэлли. Не похоже это на правду. Да и сменивший его Карен Бабурян подписал документы совсем не безоговорочно, ибо речь шла о жизненных интересах Карабаха, и «козни дашнаков» почему-то перестали работать. По-моему, все дело в том, что Еревану надо было освободиться от связанного с дашнаками председателя парламента, чтобы установить свой политический контроль и над этим органом власти в НКР, а подписание бумаг в условиях кризиса в Азербайджане было вообще неуместным и потому выглядело, на мой взгляд, лишь как прикрытие «операции Ы».

Итак, Георгий Петросян факса не стал подписывать, и Левон Тер-Петросян решился на поездку в Степанакерт. Как он сам заявил послам, это было вроде бы нарушением международных законов, но он думал, что будет правильно понято в Баку. И действительно, сегодня, перед встречей с дипкорпусом, ему через азербайджанского посла в Москве передали благодарность из Баку за поездку в Степанакерт и ее результаты.

Ну еще бы! Ослабить влияние дашнаков и внести раздрой в ряды армии обороны НКР, где у дашнаков немало своих людей, — это для Баку ценный подарок, вот и спасибо сказали даже, проглотив нарушение неприкосновенности своих границ президентом соседней страны.

14 июня в Степанакерте Левон Тер-Петросян двадцать минут выступал перед Президиумом ВС НКР и ГКО. Снова оставил их наедине с собою. Они дискутировали полтора часа. Георгий на этот раз голосовал «против».

Они — это члены Президиума, которые разделились ровно пополам, одни — «за», другие — «против». И тогда они сами отстранили Георгия Петросяна.

(Чудны дела Твои, Господи! Это при таком-то «единодушии», они вдруг пожертвовали уважаемым ими человеком? Странно это как-то. В печати много шумели о том, что отставка Георгия Петросяна — результат прямого нажима со стороны президента Армении.)

Кресло и.о.председателя Верховного Совета НКР автоматически занял Карен Бабурян, которого Левон Тер-Петросян охарактеризовал как

опытного аппаратчика. Он — юрист. Ему 40 лет. Солидный. Очень грамотный. Между ним и Робертом Кочаряном проблем не будет.

(Интересно, что я ни разу ни от кого не слышал, что между Робертом и Георгием есть какие-то серьезные проблемы. Не было их, по-моему, и до самого последнего момента. Были они между Левоном и карабахцами, которые не желали быть марионетками Еревана, вот и все. Не стали они марионетками и после перемен 14 июня.)

Результаты поездки в Степанакерт известны, продолжал президент. Это — максимум возможного. Оба документа Рафаэлли подписаны. Впервые все три заинтересованные стороны согласились с одним планом. Надеюсь, что мировое сообщество будет бережно обращаться с этим достижением.

Но в ответном письме есть просьба: отложить выполнение графика на месяц. Думаю, хватит и половины, заметил несколько самоуверенно президент. И подчеркнул три аргумента как особо важные.

1. В НКР в связи с инициативой СБСЕ сменилось руководство. Бабу-ряну надо дать время для установления контроля над ситуацией.

2. Против инициативы открыто выступили дашнаки, и некоторые вооруженные группы вышли из-под контроля ГКО. Нужно время для нейтрализации этих групп.

3. Ситуация в Азербайджане беспокоит Нагорный Карабах, так как все приграничье в руках повстанческих сил Сурета Гусейнова.

Все это дает основание Карабаху просить отсрочки.

Закончив с карабахскими делами, президент не удержался и вновь обрушился с обвинениями на дашнаков, которые для него — «партия авантюристическая, даже террористская, способная на все, если получат санкцию из Афин, могут навредить». «Я настроен решительно, готов к жесткой конфронтации, как уже однажды было. Сейчас назревает политический удар. Последствия будут не в пользу дашнаков.»

Удар этот готовил сам Тер-Петросян. Дашнаки, как и рамкавары, были готовы к диалогу, пошли на встречу с ним как раз в том же самом июне 1993-го, но ничего не получилось, как не получилось с интеллигенцией, вот и задумал президент сокрушить самую серьезную оппозиционную силу. Он знал, что покушается на демократию, потому и заявил послам, что «надеется на правильное понимание международного сообщества».

Отвечая на вопросы послов, Левон Тер-Петросян бросил интересную реплику в связи с «посреднической миссией» Алиева в Гяндже.

— Что с Алиевым? — спросила Франс де Артинг.

— Кто знает? Но фигура его постоянно выходит на первый план, посредническая миссия впечатляет, он вполне может приобрести имидж «спасителя нации».

Освобождение Мардакерта

Изменения в руководстве НКР не ослабили боевого настроя карабахцев. Весь июнь не утихали бои, причем азербайджанские вооруженные силы не останавливались перед применением тяжелой артиллерии и авиации, но, к счастью, добились лишь того, что на счету карабахской ПВО оказалось 14 сбитых самолетов и 17 вертолетов азербайджанских ВВС, пилотируемых наемниками, преимущественно русскими и украинскими, но также еще и пакистанскими. А на счету карабахской артиллерии и танкистов к этому времени было 165 азербайджанских танков, подбитых и отобранных, и свыше 200 единиц другой бронетехники. Об этом сообщили «Московские Новости», и приведенные ими цифры были близки к реальным.

Но были, разумеется, и человеческие жертвы. Гибли воины, умирали гражданские лица, от кассетных бомб страдали женщины и дети, фугасами разрушались дома и дороги... «Я свидетельствую о факте бомбардировок столицы НКР. Уже два дня Степанакерт, где я нахожусь с гуманитарной помощью, а также мирные села Мардакертского района этой республики подвергаются мощным бомбовым ударам с территории Азербайджана», — заявила 18 июня в интервью агентству ШАРК леди Кокс, направив письмо соответствующего содержания авторам инициативы «девятки» Минской группы.

Именно в эти дни Левон Тер-Петросян сделал, наконец, попытку вступить в диалог с двумя партиями оппозиции, влиятельными в армянской диаспоре. Сам этот факт вызвал положительный резонанс, но диалога, как я уже отмечал, не получилось, особенно с дашнаками. Президент осыпал их обвинениями и грозил судом. Все это вывалили в печать. Причем обе стороны. Не молчали и обиженные неуважением со стороны власти рамкавары, безуспешно требовавшие от правительства официального признания НКР. Обе оппозиционные партии предупредили президента и его команду, что не поддержат никакого компромисса на основе признания принадлежности Нагорного Карабаха Азербайджану.

Не устраивали их и голословные, устные, нигде не записанные и очень шаткие «гарантии» великих и прочих держав, под которые президент выдавливал согласие карабахцев. Ему напомнили, что армянская история изобилует примерами предательства, когда Армения, сослужив свою службу, приносилась в жертву изменившейся политической конъюнктуре. Именно такого рода соображения понятны самым широким слоям населения, а не хитроумные, казуистические доводы дипломатов. Большую озабоченность народа Армении, писал я московскому начальству в этой связи, вызывает позиция России, о чем и дашнаки заявили президенту. Общие принципы миротворчества, так называемый «сбалансированный» подход, уравнивающий жертву и насильника, никого здесь не удовлетворяет. И армяне, и особенно карахцы хотят быть с Россией и ждут от нее помощи и сочувствия, но начинают опасаться, что их надежды могут не оправдаться. Представитель ГКО НКР Альберт Газарян в беседе со мной от имени Роберта Кочаряна прямо поставил вопрос: повлияла ли хоть каким-либо образом на подходы России к карабахской проблеме новая ситуация в Азербайджане? Он сказал, что Нагорный Карабах видит себя идущим в русле России и хотел бы понять, чего Россия хочет в действительности. По его словам, карахцам не совсем понятно, зачем надо отдавать даром Кельбаджар, не обезопасив население серьезными гарантиями от азерских ударов. Собеседник дал понять, что руководство НКР хотело бы, чтобы его взгляды и позиции, как и в целом объективная информация о положении дел в карабахском конфликте, стали достоянием как можно более широкого круга ответственных представителей руководства России.

Я ответил, что делаю это регулярно и намерен продолжать в том же духе. Более того, пытаюсь довести объективную информацию и до правительств некоторых других великих держав. На днях я принимал недавно прибывшего в Ереван первого посла США в Армении Гарри Гилмора, и протокольный визит очень быстро превратился у нас с ним в продолжительную беседу о Карабахе, а заодно и об угрозах пантюркизма. О том же беседовал регулярно я и с Франс де Артинг, которой понравилась моя шутильная формула: «русский медведь терпит-терпит, а потом как развернется и... снова Казань пойдет брать, многим тогда не поздоровится». Казань я, естественно, имел в виду в фигуральном смысле, как историческое напоминание о завершающем акте освобождения Руси от татаро-монгольского ига. Тезис о том, что пантюркизм — угроза де-

мократии в России, с пониманием, как мне показалось, слушал, сидя у меня в кабинете, и советник-посланник посольства Канады в России Ферри де Керков Ван дер Варент, который приехал в Ереван выяснять, какой резон Канаде иметь там свое представительство. И ему я втолковывал: если Азербайджан выйдет на уровень понимания спасительности подлинного федерализма, гарантирующего самостоятельность и безопасность субъектам федерации, не исключено, что и карахцы сделают какой-то шаг навстречу Баку. Те же темы были ведущими и в моих разговорах с китайским послом Чжао Сиди, который сформулировал позицию КНР в Закавказье как нейтральную, нацеленную на поддержку умиротворения. В основном мы наблюдаем, сказал он, хотим все знать, но знаем меньше, чем Россия. Чжао Сиди интересовался процессом признания НКР, который, похоже, начался, но идет под сурдинку, де факто, с подходами и отступлениями назад. О пантюранизме он думает так: не надо преувеличивать, но и преуменьшать тоже не стоит, проблема реальная, надо за ее развитием следить внимательно. Однако среднеазиатские соседи Китая, хотя и посматривают в сторону Турции, вряд ли уступят власть пантюркистам. Ну что же, заметил я, важно, чтобы все жили у себя дома, не лезли в чужие дела и мирно соседствовали.

22 июня в Ереван с официальным визитом по приглашению президента Армении прибыл и.о.председателя Верховного Совета НКР Карен Бабуриян, который встретился с Леоном Тер-Петросяном, Гагиком Арутюняном, Бабкеном Аракцянном, руководством МИДа и дипкорпусом. Это я и назвал признанием де факто, до того подобных визитов и приема не было.

Лейтмотивом всех заявлений Карена Бабурияна было следующее. Сейчас непонятно, кто с азербайджанской стороны будет претворять в жизнь договоренности, поэтому Нагорный Карабах заинтересован в установлении стабильности и ясности в соседнем государстве, чтобы было с кем вести переговоры о прекращении войны. Пока единственным гарантом безопасности НКР остаются собственные вооруженные силы, но хотелось бы, чтобы гарантами мира и безопасности стали и страны СБСЕ.

Отвечая на вопросы дипломатов, Карен Бабуриян заявил:

«Мы сейчас без труда могли бы захватить пол-Азербайджана. Если уж Сурет Гусейнов с двумя бронеединицами дошел до Баку, мы тем более способны сделать то же самое. Но не хотим, потому что желаем

соседям выйти из кризиса и стать надежными партнерами, чтобы покончить с войной, которая не нужна ни нам, ни им. Готовы ли к этому Гейдар Алиев и Сурет Гусейнов, трудно сказать, но ясно, что их обещания, если они будут сделаны, совсем не обязательно совпадут с делами.»

Недоверие к Алиеву объяснялось прежде всего тем, что карабахцы не страдают отсутствием памяти. Именно в те времена, когда он командовал Азербайджаном, усилилась антиармянская политика Баку в НКАО.

Но и от Эльчибея им досталось. Поэтому свержение этого «турецко-подданного» карабахцы приняли без сожаления.

Буквально в эти же дни у меня состоялась еще одна беседа с Гилмором. На этот раз я был у него с ответным визитом. Его тоже интересовал исход событий в Баку, ему хотелось, чтобы Вашингтон имел более объективную информацию, нежели та, что поступала, хотя и с места событий, но исключительно в азербайджанской пропагандистской оболочке, причем события их, азербайджанские, внутренние, а подаются и они там под антиармянским и антикарабахским соусом.

Оказывается, Эльчибей драпанул в Турцию, но турки завернули его в Нахичеван, там он и обосновался в своей родной деревне.

Я гнул свою линию.

— Россия деликатничает, а Турция слишком много себе позволяет, пусть лучше сидит дома и не выпускает рога из своей анатолийской раковины, а то, не ровен час, хлопочет. Все, кто усложняют жизнь России, работают против нарождающейся демократии, а значит, против интересов международного сообщества.

— У меня впечатление, что Турция будет пересматривать свою позицию.

— Это было бы правильно. Пора образумить ей своего азербайджанского союзника. Надо идти к миру через переговоры с обязательным участием Нагорного Карабаха, а не ориентироваться на военное решение. Форму же самоопределения подскажут переговоры. Может, это вообще будет Закавказская федерация.

— Что означает фраза Карена Бабурыана о начале процесса признания НКР?

— По-моему, признание де факто началось уже тогда, когда Рафаэлли и компания начали писать послания руководителям НКР, хотя и без указания их официального положения. НКР — реальность, ее руководители контролируют государственные структуры, армию, общественную

жизнь. Можно не признавать их де юре, но не признавать существования того, что уже есть, противоречит здравому смыслу. А кто обязательства будет выполнять, если НКР — «ничто», и ею правит «никто»?

— Вообще-то нам, американцам, совсем не мешает прямой контакт с карабахцами, тем более, что в Баку такой контакт невозможен.

26 июня вооруженные формирования Азербайджана предприняли очередные атаки на позиции армии обороны НКР, получили достойный отпор и начали отходить из разграбленного и разрушенного ими Мардакерта, который московское ТВ упрямо называло на турецкий лад «Агдере». Подписанное при посредничестве МИД России 27 июня соглашение между Азербайджаном и НКР о прекращении огня не сработало. Степанакерт вновь был обстрелян со стороны азербайджанского города Агдама, известного московским выпивохам одноименным портвейном, а военным — складами боеприпасов и оружия, которых хватило бы на десять лет и которые были захвачены азербайджанцами в 1992 году у 4-й армии российских вооруженных сил, помогавшей им тогда бить армян в армянских селах Азербайджана. Аскеры стреляли, наемники бомбили с воздуха Степанакерт и села Аскеранского, Мартунинского и Мардакертского районов НКР. 28 июня карабахские войска вошли в то, что осталось от Мардакерта, и обнаружили, что город к тому же еще и полностью заминирован. Возвращение его жителей пришлось отложить.

Июль начался новыми атаками, обстрелами, бомбежками на самых разных направлениях. Азербайджанцы явно напрашивались на серьезный отпор и регулярно получали его. Это, видимо, и подвигло новое руководство Азербайджана в лице Гейдара Алиева пойти на прямые переговоры с НКР. Возникла очень интересная ситуация в развитии событий, но, к сожалению, международное сообщество отнеслось к ней слишком легкомысленно, азербайджанские политики поняли это легкомыслие как поощрение, сорвали процесс прямых переговоров, получили по заслугам, потеряв новые территории, и втянулись в зимнюю кампанию, которая принесла им потери и новые поражения.

А начиналось все в июле неплохо, несмотря на глупость Рафаэлли и недалекость великих держав. Впрочем, может, кому-то из них и надо было помешать успеху посреднической миссии России, которая при всем недопонимании командой Козырева наших национальных интересов в Закавказье, хотела к миру конфликтующие стороны привести.

Освобождение большей части Мардакертского района, где пятьдесят из пятидесяти восьми сел почти год находились под азербайджанской оккупацией и требовали серьезных восстановительных работ, вызвало обратный поток людей. Беженцы из НКР, а их насчитывалось около 40 тысяч, потянулись домой.

Азербайджанцы попытались остановить это движение и снова развернули военные действия 2 июля. Им удалось захватить несколько сел. Карабахцы ответили, да так, что в их руках оказались Агдам и Физули, но они в тот момент ограничились демонстрацией силы и ушли. МИД России устами Казиминова выразил в очередной раз беспокойство по поводу эскалации военных действий, затрудняющей выполнение резолюции СБ ООН № 822 от 30 апреля. Из газет, ссылавшихся на радио «Свобода», мы узнали, что МИД РФ направил соответствующее послание в Баку, Ереван и Степанакерт. Текста этого послания я не видел.

Алиев и Рафаэлли

Наблюдая развитие событий, я написал в Москву о своих предположениях относительно возможных действий Гейдара Алиева. Мне тогда казалось, что он отправит Сурета Гусейнова воевать с Карабахом, а сам займется политическими играми, направленными на сохранение национального единства в Азербайджане и получение поддержки со стороны международного сообщества, перед которым ему надо прослыть миротворцем. Это его стремление, если оно, конечно, реализуется, может быть использовано для новых позитивных импульсов в переговорном процессе. Важно также не упустить шанс вероятной переориентации Азербайджана Гейдаром Алиевым на Россию для серьезной защиты российских интересов в Армении, терпящих ущерб от азербайджанской блокады. А что такая вероятность есть, сейчас мало кто сомневается. Бегство Эльчибея, неспособность Турции эффективно помочь своему верному «клиенту» и довольно быстрая переориентация турецкой дипломатии на невмешательство во внутренние дела Азербайджана, свидетельствуют об ослаблении ее позиций в регионе. Западная печать уже заговорила о том, что влиянию Турции в Азербайджане нанесен удар, и она утратила качество «естественного моста», соединяющего Запад с Кавказом и Средней Азией. В этих условиях сам Бог велел России вернуть себе главенствующую роль в Закавказье и в миротворческих усилиях, действуя в своих национальных интересах.

Визит Марио Рафаэлли в Баку, Степанакерт и Ереван подкрепил мое предположение, что у нас есть шанс сыграть свою роль. Надо только поумному помочь Алиеву стать миротворцем.

Марио Рафаэлли долго тянул с поездкой в район конфликта, которым предпочитал заниматься издалека, но 9 июля он явился в Баку, 11 июля встречался в Ереване с Левоном Тер-Петросяном и дипкорпусом, в тот же вечер — снова в Баку, оттуда 13 июля он отправился в Степанакерт российскими вертолетами через Тбилиси и все тот же Ереван. Этот способ и маршрут его передвижения был придуман армянским президентом, дабы развеять сомнения Рафаэлли, как это он вдруг полетит или поедет в Степанакерт прямо из Еревана и на чем-то армянском, может, лучше вообще отложить визит туда, раз в Агдаме стреляют и через него из Баку в Нагорный Карабах не попасть. Дипкорпус в Ереване поддержал идею президента Тер-Петросяна, и Рафаэлли все-таки в Нагорном Карабахе побывал, собственными ушами слышал в Степанакерте азербайджанскую пальбу со стороны Агдама, и, хотя и не без приключений, благополучно вернулся 14 июля в Ереван, а оттуда полетел восвояси стряпать свой необъективный доклад, повлиявший на принятие новой резолюции СБ ООН, которая не способствовала мирному процессу.

11 июля в Доме приемов Марио Рафаэлли, его зам Марио де Сика, другой зам Форнари плюс шведский генерал и шведская дипломатка, а также русский переводчик из Милана, с одной стороны, послы Франции, России, США, поверенный в делах Германии, представительница ООН Тельма О'Кон Солорцано, Том Прайс и советник нашего посольства Виталий Бойко — с другой, за хорошо сервированным армянским столом очень энергично обсуждали перипетии поездки делегации в район конфликта.

Перед тем как сесть за стол, Рафаэлли сказал мне, что в Степанакерт поедет только через Агдам, так как Алиев категорически против использования делегацией Лачинского коридора. Вот тут-то как раз де Сика и стал интересоваться, нельзя ли заполучить российские вертолеты, поскольку азербайджанцев карабахцы не пускают над «контактной линией», а по дорогам не проехать — мины. Рафаэлли засомневался, заговорил о том, что лучше бы все-таки на азербайджанских вертолетах лететь. И тогда я ему подкинул информацию для размышления: а как вы себя видите в азербайджанском вертолете, пилотируемом русским наем-

ником? Довольно долго мы все его убеждали и в том, что делегация международной организации вправе сама выбирать и решать, как ей удобнее передвигаться в районе конфликта, тем более, что для нее и не стоит вопрос о признании или непризнании НКР, поскольку это — прерогатива суверенных государств.

Беседа с дипломатами, видимо, подготовила Рафаэлли к принятию предложения Тер-Петросяна, с которым он встретился позже. К тому же и Алиев не возражал против использования российских вертолетов.

Послов Рафаэлли информировал о своей встрече с Алиевым в Баку. По его словам, Алиев заверил миссию СБСЕ в полной поддержке плана «девятки». Он намекнул на возможность предоставления Нагорному Карабаху особого статуса «вплоть до права на автономию» с обеспечением его безопасности международным сообществом. Но прямых ангажементов на счет деблокады Армении и Нагорного Карабаха Алиев на себя не взял, хотя резолюцию СБ ООН и одобрил.

Рафаэлли считал, что перед его миссией стоят три задачи: определение географического района конфликта, формирование совместной координационной комиссии для решения технических вопросов, создание условий для открытия Минской конференции.

О встречах Рафаэлли с президентом Армении, официальной делегацией МИДа, представителями НКР в Ереване дипкорпус информировал на следующий день первый заместитель министра иностранных дел Жирайр Липаритян. Армянских собеседников итальянца особенно интересовали его впечатления от поездки в Баку и его мнение о способности новых властей Азербайджана выполнять международные обязательства. Полной ясности о положении в Баку у Рафаэлли нет, хотя он и считает, что Алиев будет в состоянии осуществить инициативу «девятки». Сам Рафаэлли исходит из необходимости комплексного подхода ко всем аспектам урегулирования, что вполне устраивает армянскую сторону.

В Степанакерте миссия Рафаэлли застряла на ночь из-за аварии, случившейся с одним из вертолетов. Об этом я узнал вечером 13-го, беседуя с Левонам Акоповичем и Жирайром. Мы сидели на крылечке у Липаритяна, пили пиво, закусывали недозрелыми грушами прямо с дерева. Моя Нонна Алексеевна и жена президента Людмила Ефреимовна участвовали в общей беседе. Липаритян рассказал, как все было с вылетом Рафаэлли из Степанакерта. Один из четырех вертолетов грохнулся с высоты

в семь метров. Слава Богу, все остались живы и невредимы. Остальные вертолеты, уже поднявшиеся в воздух, тоже вернулись.

Мы пришли к выводу, что нет худа без добра. Ведь Рафаэлли улетал из Степанакерта, ни о чем не договорившись с карабахцами. Теперь, глядишь, выпьют тутовки, пообщаются по-человечески, поговорят по душам, познакомятся лучше с карабахцами, все на пользу.

Я добавил: если еще азербайджанцы пару залпов из Агдама «организуют», будет совсем хорошо — для полноты впечатлений. И как в воду глядел: Степанакерт обстреляли-таки из Агдама. Узнав об этом, Левон Акопович позвонил Алиеву и застал его в кабинете.

— Гейдар Алиевич, вы все еще на работе?

— У меня дела посложнее, чем у тебя, Левон, вот и сижу тут заполночь.

— Что это там ваши хулиганят в Агдаме, стреляют, пугают итальянцев? Не дай Бог, что случится.

— Да это какие-то ненормальные. Я им сейчас накручу хвоста.

Вот такой вполне дружеский разговор. Почему бы и нет?

У Левона Акоповича по опыту прежнего общения с Алиевым, когда тот сидел в Нахичеване, мнение такое:

— С ним можно сотрудничать. Еще тогда Гейдар Алиевич шутил: мы с тобой, Левон, демократы, давай объединимся против Муталибова.

Я развивал идею вероятности миротворческих устремлений Гейдара Алмева, которую уже высказывал Франс де Артинг и Тому Прайсу после брифинга у Липаритяна в МИДе: надо помочь Алиеву, путем оказания на него политического давления, пойти на разворот азербайджанского общественного мнения в сторону замирения с карабахцами на основе принципа «каждый живет в своем доме и не мешает другому, а добрососедствует». Ему миротворчество, по идее, очень нужно, чтобы предстать перед Аллахом порядочным человеком. Все это примерно в тех же словах я повторил на крылечке и Левону Акоповичу, подчеркнув, что поворачивать общественное мнение Азербайджана надо на прямые переговоры с карабахцами. Люди устали от войны, семьи погибших недовольны, дезертирство — обычное явление в армии Азербайджана, мотивации для героизма у аскеров никакой. Нужен только хороший импульс. Кстати Запад мог бы оказать необходимое «внешнее давление», которое дало бы Алиеву хороший предлог для поворота к миру.

Левон Акопович согласился с моей идеей. По его мнению, Алиев может быть заинтересован в этом. Но ему надо, конечно, укрепиться в стране и в Баку. Правда, есть и другие элементы в его позиции: его представитель в Стамбуле на днях заявил, что Азербайджан ни за что не пойдет в СНГ и не откажется от своей ориентации на Турцию.

Ну и Бог с ним, — сказал я. — Это не препятствие для поворота к переговорам.

После этой беседы я записал в своем дневнике: «Надо провести зондаж настроений Алиева на предмет выявления его устремлений и, может быть, подсказать ему выход. Если он действительно хочет быть миротворцем, помочь ему укрепить свое положение».

Именно это я и предложил Москве 14 июля, добавив: если бы удалось договориться с Алиевым о поиске путей карабахского урегулирования на основе сочетания принципа территориальной целостности с пунктом VIII Хельсинкского акта (обязательство государств уважать право каждого народа на свободный выбор политического статуса), можно было бы стимулировать и движение к компромиссу с карабахской стороной. Такого рода исход карабахского конфликта способствовал бы укреплению позиций России в Закавказье.

14 июля Рафаэлли прилетел в ереванский аэропорт Эребуни, перешел в Звартноц и снова полетел в Баку, теперь уже на азербайджанском самолете.

На приеме у французов по случаю дня штурма Бастилии Альберт Газарян сказал мне, что в Степанакерте господину Рафаэлли вручили несколько документов с вопросами, на которые ему теперь предстоит ответить, и попросили новую отсрочку выполнения графика из-за неясности положения в Азербайджане. Документы эти я тоже получил чуть позже, от Липаритяна, и могу засвидетельствовать, что они составлены с умом, так что Рафаэлли оказался в довольно трудном положении. Ну что, например, мог он ответить на вопрос, способно ли СБСЕ гарантировать действенность уже поставленной под документом «девятки» подписи Эльчибея, если его уже и след простыл, или насколько легитимна власть Гейдара Алиева при фактическом существовании законно избранного президента Эльчибея, живущего на принадлежащей Азербайджану территории Нахичевана? Но ведь без ответа на такие вопросы инициатива «девятки» повисает в воздухе. В другой бумаге карабахцы ввиду предвзятости Турции, продолжающей игнорировать народ НКР и

обвинять в «агрессии» Армению, выдвинули альтернативу: либо Турция аннулирует свою подпись под Стамбульским заявлением Организации экономического сотрудничества стран Черноморья, где содержатся отмеченные карабахцами положения, неадекватные ситуации, либо Турция должна быть выведена из процесса урегулирования в рамках СБСЕ с соответствующим юридическим оформлением. В третьем документе изложены конкретные модификации пунктов графика с учетом событий в Азербайджане, в том числе выдвинуто требование разработки четкого механизма невозобновления военных действий после вывода сил армии обороны НКР из Кельбаджара и мандатов наблюдательных миссий СБСЕ.

Уже 16 июля Марио Рафаэлли из Рима прислал Карену Бабурыану, Армянской «заинтересованной стороне» из Нагорного Карабаха, Степанакерт — такой вот адрес — свой официальный ответ.

На вопросы о том, кто несет ответственность с азербайджанской стороны, Рафаэлли, как и следовало ожидать, не сказал ничего вразумительного, отделавшись общими фразами, как и во время своего пребывания в Степанакерте. По поводу Турции заявил, что она имеет право на собственную политическую позицию, как любое другое государство СБСЕ. И опять — общие фразы. На третий документ он ответил по пунктам, но и эти ответы прозвучали слишком общо, чтобы снять законные опасения карабахцев.

Любопытно, что в тот же день в Москве рупор МИД РФ Сергей Ястржембский на брифинге для прессы объявил поездку Рафаэлли «в целом полезной» и даже признал, что «некоторые» из вопросов, поставленных перед ним «руководством армян Нагорного Карабаха», «имеют основания», но тут же обвинил карабахцев в затягивании перехода к осуществлению плана «девятки» и выполнению резолюции 822 Совета Безопасности ООН, как если бы проблема гарантий безопасности не стояла вообще. «В Нагорном Карабахе будет осуществляться первая крупная миротворческая операция СБСЕ и ее нельзя подвергнуть риску неэффективности», — заявил с пафосом Ястржембский. А люди? Это его не интересовало. Вместе с тем он подчеркнул: «Сейчас особенно полезным было бы установление прямых контактов между конфликтующими сторонами». И это уже было кое-что.

Миссию Рафаэлли 17 июля одобрило и министерство иностранных дел Армении, особо отметив значение ее контакта с властями НКР в Степанакерте.

Падение Агдама. Прямые переговоры

Не успел Рафаэлли отбыть из района конфликта, как Азербайджан вновь подверг артобстрелам и бомбардировкам с воздуха позиции войск и населенные пункты НКР, особенно стараясь в районе Агдама, который расположен ближе всего к Степанакерту. Самое смешное: ведя эти действия, особенно усилившиеся 21, 22 и 23 июля, азербайджанцы вопили на весь мир, что «агрессивные армяне» уже захватили Агдам, карабахцы опровергали эту дезу, отбивались и, в конце концов, взяли-таки Агдам действительно. Произошло это где-то к 24 июля. И вот тогда-то вдруг стали возможными не просто прямые контакты между властями Азербайджанской республики и НКР, а даже в известной степени признание азербайджанскими должностными лицами карабахских должностных лиц. Любопытно, что 24 июля МИД РФ осудил «армянские вооруженные формирования» за то, что они захватили Агдам, «находящийся вне пределов Нагорного Карабаха» (оказывается, у НК есть все-таки какие-то свои «пределы»; до сих пор об этом никто ничего толком не говорил). Ваган Папазян на следующий день Козыреву письмо направил. Выразил недоумение по поводу обвинений в адрес «армянской стороны». И обратил внимание на факт установления прямого контакта между Баку и Степанакертом как раз в эти же самые дни, чего МИД РФ умудрился не заметить. Или умышленно проигнорировал, что еще хуже. Впрочем, и то, и другое вполне соответствовало характеру нашей тогдашней дипломатии.

24 июля командующий армией обороны НКР Самвел Бабалян направил письмо по адресу: Министерство обороны Азербайджана, и. о. министра обороны г-ну С. Абиеву. Вот его полный текст:

«В случае аналогичного обязательства обеих сторон обязуемся сроком на 3 (три) дня, в течение которых будет достигнута договоренность о встрече руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха, прекратить любые наступательные операции, ракетные, артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки.

Договоренность вступает в силу с 00.00 часов 25 июля по получении сторонами упомянутых обязательств.

При достижении договоренности о вышеупомянутой встрече прекращение огня автоматически продлевается до 21.00 дня этой встречи, если на ней не будут согласованы иные сроки.»

25 июля на бланке с гербом и надписью «Азербайджанская Республика. Министерство обороны» в адрес — «Министерство обороны Нагорного Карабаха командующему армией господину С. Бабалян» и.о.министра обороны Азербайджанской Республики (все эти адреса и титулы имеются в тексте на бланке) С. Абиев ответил абсолютно идентичным текстом, что на международном языке означает заключение соглашения путем обмена письмами. Это соглашение Временный поверенный в делах России в Армении В. Стариков (посол находился в отпуске) переслал тут же в Москву, в департамент СНГ МИД РФ.

МИД Армении одобрил это соглашение публично. МИД России почему-то обошел молчанием.

28 июля на рубеже оборонных позиций в Мардакертском районе НКР состоялась встреча представителей руководства Азербайджана и НКР. На нейтральной полосе со стороны Баку были и. о. министра обороны С. Абиев, госминистр Алиев, представитель МИДа Зульфугаров, зампред госкомиссии по делам военнопленных и заложников Кязимов. Со стороны Степанакерта в переговорах участвовали только что назначенный министром иностранных дел Аркадий Гукасян, еще не уехавший в Ереван министр обороны Сержик Саркисян, начальник главного управления национальной безопасности НКР Абрамян и председатель госкомиссии НКР по делам военнопленных и заложников Агасарян. Встреча прошла, как утверждали в Ереване, не только конструктивно, но и в весьма доброжелательной обстановке. Карабахцы предложили два проекта соглашения. Представители Азербайджана обещали изучить и дать ответ. Министры обороны договорились и подписали документ о продлении прекращения огня еще на семь дней, в течение которых должна состояться встреча на высшем уровне. Было также выражено обоюдное намерение приступить к решению вопроса о военнопленных и заложниках.

«Интерфакс» утверждал, что переговоры были организованы Казимировым. В Ереване это опровергать не стали, дабы не дразнить гусей.

А господин Рафаэлли умудрился не заметить начало прямых переговоров между Азербайджаном и НКР и 27 июля направил Председателю Совета Безопасности ООН доклад, в котором в основном сильно возмущался занятием «силами противника» города Агдам (ничего себе посредник, величающий одну из сторон конфликта «противником»!), ругал Нагорный Карабах за «жесткую позицию», преподнес конкретные

вопросы, поставленные перед ним карабахцами, как некие «возражения» и даже «измышления» чисто политического характера, что было откровенной ложью, и призвал оказать «политическое давление со стороны международного сообщества» на Нагорный Карабах. И все это, повторяю, при полном замалчивании начавшихся прямых переговоров.

А в день, когда вступило в силу достигнутое на этих переговорах прекращение огня, то есть 29 июля, Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию № 853, в которой гневно осуждаются действия неизвестно кого и особенно захват неизвестно кем города Агдама. Вместе с тем подтверждается нерушимость международных границ. Получается, у неизвестно кого — «международные границы» с Азербайджаном, ибо только они и были нарушены взятием Агдама и всех других «недавно оккупированных районов Азербайджанской Республики». Неизвестно от кого требуется «немедленный, полный и безоговорочный вывод участвующих в конфликте оккупационных сил» из упомянутых районов. «Заинтересованные стороны» призываются «достичь прочных договоренностей о прекращении огня». Если имеются в виду Азербайджан и Карабах, то такие договоренности вроде бы уже достигнуты и без новой резолюции СБ. Но вот, наконец, мы доходим до пункта 8 и констатируем, что в СБ, оказывается, в отличие от господина Рафаэлли, прямые переговоры, вернее, «прямые контакты» между «заинтересованными сторонами» все же заметили. Правда, стыдливо умолчали о том, кто же все-таки эти «стороны». И на первое место поставили переговоры в рамках Минской группы СБСЕ, хотя эти последние до сих пор никаких серьезных результатов не дали.

Нагорный Карабах возник в девятом пункте, но не как сторона конфликта и переговоров, а как некий «Нагорно-Карабахский регион Азербайджанской Республики», на армян из которого правительство Армении должно продолжать оказывать влияние. Эту формулу МИД Армении расценил как недопустимую попытку предопределить итоги Минской конференции, а давая в целом дипломатически позитивную оценку резолюции, выделил все же упоминание о прямых контактах и подчеркнул, что в случае поддержки их еще и со стороны СБСЕ именно они «могут превратиться в наиболее действенное средство установления стабильного перемирия и прекращения военных действий».

Юридическая бессмысленность и антикарабахская направленность многих положений новой резолюции СБ ООН, инспирированной докла-

дом Рафаэлли, который так ничего и не понял в ситуации или не захотел понять, была настолько вопиющая, что Карен Бабуryan направил письмо господину Рафаэлли, в котором подверг аргументированной критике и его доклад, и принятую под его воздействием резолюцию СБ ООН. «Особое сожаление, — писал председатель Верховного Совета НКР, — вызывает то обстоятельство, что Минская группа не поддержала должным образом прямые контакты между конфликтующими сторонами — Азербайджаном и Нагорным Карабахом, хотя во время Вашего пребывания в Степанакерте мы обращались к Вам с просьбой помочь в налаживании таких контактов под эгидой СБСЕ. Показательно, что азербайджанская сторона, вступившая по своей инициативе в прямой контакт с нами, стала отходить от этого наикратчайшего пути к миру, ободренная Вашим докладом и принятой на его основе резолюцией 853 СБ ООН.»

Аналогичное письмо Карен Бабуryan направил и Генеральному секретарю ООН.

Надо сказать, Москва на этот раз продемонстрировала известное понимание того, что прямые контакты представителей Баку и Степанакерта стали важным новым элементом, без которого «практически невозможно преодолеть напластования взаимного недоверия», столь затрудняющие мирное урегулирование. «Такие контакты и взаимоприемлемые договоренности, — говорилось на брифинге в МИДе 30 июля, — открывают путь к постепенной деэскалации конфликта и примирению сторон, переносят споры с поля боя за стол переговоров.»

С 5 августа соглашение о прекращении огня было продлено еще на три дня, но обстрел нагорно-карабахской территории возобновился. Бомбардировки тоже. В Риме начались консультации «девятки» Минской группы с конфликтующими сторонами. Карабахцы тоже послали туда свою делегацию, но сделали это, как заявил Роберт Кочарян, «со скрипом», ибо до сих пор в документах СБСЕ НКР так и не была зафиксирована без эвфемизмов и иносказаний хотя бы как сторона конфликта. Римская встреча не принесла никакого удовлетворения, приняв документ, многие формулировки которого носили расплывчатый и двусмысленный характер. В нем по-прежнему игнорировалось требование Нагорного Карабаха признать его равноправной стороной конфликта и не принималась во внимание необходимость обеспечить безопасность его населения. Отсутствовал и четкий механизм невозобновления военных действий.

А между тем бои на карабахском фронте разгорались с новой силой. В результате очередного контрнаступления части армии НКР вышли на позиции в нескольких километрах от азербайджанских райцентров Физули и Джебраил. Создалась крайне тяжелая для азербайджанской армии обстановка, и это, видимо, вынудило руководство Азербайджана снова предложить непосредственно карабахцам перемирие. Сделано это было в очень интересной и многообещающей форме.

17 августа из Баку на имя и.о. председателя Верховного Совета НКР пришло два письма. В первом, подписанном Гейдаром Алиевым как «осуществляющим полномочия Президента Азербайджанской Республики», говорилось о том, что вице-премьер Р.Гулиев уполномочен провести в течение 5 (пяти) дней переговоры об организации встречи «высших руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха». Второе письмо, подписанное и.о. министра обороны С.Абиевым и заместителем премьер-министра Р.Гулиевым, предлагало зафиксировать договоренность о возобновлении повсеместного прекращения огня. Это уже было очевидное признание, особенно важное тем, что его сделал Азербайджан. Вот бы посредникам и международному сообществу и поддерживать в этом Алиева! Глядишь, мирный процесс пошел бы всерьез и сколько жизней было бы спасено!

Карен Бабурия в своем очередном послании Рафаэлли от 20 августа прямо обратил его внимание «на факт непосредственных контактов ответственных должностных лиц Азербайджана и Нагорного Карабаха, в ходе которых мы рассчитываем определить наиболее приемлемые подходы к прекращению военных и враждебных действий».

И что же услышали они в ответ?

20 августа МИД России на очередном брифинге поддержал заявление Председателя СБ ООН Мадлен Олбрайт, которая гневно осудила «наступательные операции, захват городов и сел, высот и других территорий, ракетно-артиллерийские обстрелы и воздушные бомбардировки населенных пунктов», пытаясь обвинить в агрессивности карабахцев и вынудить их к односторонним уступкам. Г-жа Олбрайт, а вслед за нею и МИД России умудрились при этом проигнорировать замечательный акт признания НКР полноправным субъектом переговорного процесса, совершенный Гейдаром Алиевым, выступавшим как глава государства. Более того, как мне рассказали потом мои друзья, посредник Казимиров схватился за голову, начал ругать азербайджанцев за то, что они «совер-

шили ошибку», обращаясь к карабахцам на равных, и уговорил-таки их отступить назад. А в результате прямые переговоры были сорваны, и война продолжалась.

Ход событий во второй половине июля и в августе 1993 года я восстанавливаю по документам и по тем сведениям, которые сообщили мне позже очевидцы и непосредственные участники. Сам я в это время находился в Москве, в отпуске.

24 августа в особняке МИДа на Спиридоновке заседал Совет министров иностранных дел СНГ. И мне удалось поприсутствовать. Мой старый знакомый (по Парижу) украинец Толя Зленко на все имел свои оговорки. Мои попытки — в кулуарах — приобщить его к карабахской тематике и заинтересовать возможностью получить достоверную информацию ничего не дали. У меня сложилось впечатление, что в Киеве уже хорошо поработали азербайджанцы. Больше всего мне понравилось выступление на пленарном заседании белорусского министра. Не помню, кто это был тогда, но говорил грамотно и логично, доказательно, а главное — без демагогии говорил белорусский представитель. Выступали и другие. Спорили, о чем-то договаривались, что-то откладывали на потом. Присутствовал полпред Азербайджана, но как наблюдатель и помалкивал. Я обратил внимание: никто ни о каком осуждении Армении или Нагорного Карабаха даже не заикался, что меня приятно удивило. Думал, что вопли «рафаэллистов» и «олбрайтистов» возбудят и наших партнеров по СНГ, но они на эту западную удочку не клюнули.

А вот Казимиров опять отправился в Баку, но по телефону зачем-то убеждал Армению втиснуться в переговоры Нагорного Карабаха с Азербайджаном, на что Левон Акопович ему сказал:

— А зачем, собственно? Это все — дело НКР, и не надо ей мешать. К тому же у Армении возможности влиять на Карабах далеко не безграничные.

В ходе пятидневного перемирия договоренности о встрече руководителей Азербайджана и Нагорного Карабаха достичь не удалось, и 23 августа возобновились воздушные налеты на Карабах, причем Г. Алиев в обращении к народу по телевидению и радио, сделанном в тот же день, признал, что нарушили перемирие азербайджанские войска, якобы вышедшие из подчинения высшему командованию. Одновременно азербайджанские войска начали уходить из Физули и из Гадрутского района Карабаха. И вновь пошли телефонные переговоры

с карабахцами напрямую, без посредников, и обещания о встрече на высшем уровне. С тех пор так и повелось, стоило карабахцам нажать — и в Степанкерте раздавались телефонные трели. Бои утихали — и прямые контакты тут же обрывались. Москва же неизменно проявляла при этом трогательную заботу об Азербайджане. Так, и 24 августа МИД России решительно потребовал прекратить продвижение к границе с Ираном, ибо это превратит в беженцев десятки тысяч мирных жителей, а военной необходимости, оказывается, в таком продвижении нет. Что-то я не припомню такой заботы о беженцах из Нагорного Карабаха, когда азербайджанцы захватили Шаумянский и Мардакертский районы летом 1992 года. А тут в район конфликта срочно отправился Казимиров, объявив, что его целью является не что иное, как налаживание двусторонних контактов между НКР и Азербайджаном, как если бы они сами не делали этого неоднократно, а он не вносил свой личный вклад в то, чтобы эти контакты, не дай Бог, не привели к признанию НКР.

31 августа между Азербайджаном и НКР было заключено еще одно соглашение о прекращении огня и достигнута договоренность о встрече руководителей до 10 сентября. МИД РФ заявил, что это сделано при содействии России, а значит — Казимиров не зря провел неделю в Баку, Ереване и Степанкерте. Войскам НКР, успевшим к тому времени занять райцентр и еще три десятка населенных пунктов Кубатлинского района, что к югу от Лачина, был дан приказ отойти, дабы продемонстрировать добрую волю. Казимиров сообщил агентству «Постфактум», что МИД России выступил с предостережением Тегерану и Анкаре, предложив им воздержаться от вмешательства в конфликт, подчеркнув, что «любая интернационализация карабахского конфликта в настоящее время абсолютно недопустима». Это был неплохой признак. Мне показалось, что в российской политике наметился сдвиг в сторону более разумного подхода, сочетающего искусство возможного с правильным выбором.

7 сентября после совещания в верхах СНГ в Москве армянская делегация возвращалась в Ереван, а с нею и мы с женой — из отпуска.

Приступив к своим обязанностям на месте, я узнал, что идут интенсивные телефонные переговоры между полномочными представителями Азербайджана и НКР с целью организации встречи их высших руководителей. Одновременно Тер-Петросян говорил по телефону с президентом Ирана Рафсанджани, который ратовал за скорейшее прекра-

шение военных действий на территории Азербайджана посредством переговоров. Президент Армении заверил его, что с карабахской и армянской стороны все делается именно в этом направлении. Рафсанджани подтвердил готовность к тесным дружественным отношениям с Арменией. И, надо сказать, эта готовность в последующем была реализована очень недурно, да и тогда никакого конфликта между Ираном и Арменией не получилось, как ни старалась азербайджанская пропаганда.

Несколько раньше, еще до упомянутого предупреждения российско-го МИДа, получили очень важное «разъяснение» и турки — от наших военных. В августе, преследуя курдов, турецкие аскеры стреляли и по армянской территории. Как рассказал мне командующий группой погранвойск «Армения» Александр Федорович Бабенко, наши пограничники в ответ на турецкие военные демонстрации не только сделали три решительных протеста, но и приняли меры к укреплению границы, особенно в районе Гюмри, где туркам «показали» нашу бронетехнику. После этого ее отодвинули от границы, но пятнадцатикилометровая полоса осталась под жестким контролем наших сил, выдвинутых на передовые рубежи. Действия российских военных охладили воинственный пыл госпожи Тансу Чилер и ее министров. В сентябре добавил и я. Поскольку из Анкары зазвучали «предупреждения» типа того, что, согласно Карсскому договору 1921 года, Турция якобы «имеет право начать боевые действия, защищая безопасность Нахичевана», которому, кстати, никто не угрожал, я заявил корреспонденту армянского частного, но очень популярного, агентства «Ноян Тапан»:

«Карсский договор от 13 октября 1921 года никого не наделяет полномочиями гаранта в отношении закавказских республик, включая Нахичеванскую автономию. В нем на этот счет нет ни статьи, ни строчки, ни одного слова. Поэтому на него совершенно зря ссылаются некоторые турецкие государственные деятели и политики, обосновывая «право» Турции «начать боевые действия» против Армении: такого права ни Карсский, ни предшествовавший ему Московский договор Турции не дают.

Таким образом, рассуждения насчет несуществующего «права» не имеют под собой никакой реальной основы, а бряцание оружием выглядит, по меньшей мере, странно в условиях, когда никто извне ни Нахичевану, ни Турции не угрожает, а в карабахском конфликте наметился перелом в сторону политического решения путем прямых двусторонних переговоров между Азербайджаном и Нагорным Карабахом.»

12 сентября в Москве действительно возобновились переговоры между противоборствующими сторонами с участием российского посредника. 14 сентября они подписали совместное коммюнике о продлении прекращения огня до 5 октября. Стороны согласились, что в их конфликте нет силового решения и что надо преодолевать взаимное недоверие. «Участники встречи считают важным поэтапное решение спорных вопросов, — отмечалось в документе, подписанном зампредом Верховного Совета Азербайджана Аффиятдином Джалиловым и министром иностранных дел НКР Аркадием Гукасяном. — Они видят в Минской конференции СБСЕ форум, который может стать эффективным средством всеобъемлющего и прочного урегулирования.» Договорились вроде бы и о встрече высших руководителей обеих стран, и о поддержании контактов на разных уровнях. Выразили признательность МИД России за содействие в проведении переговоров. Казимиров тоже сделал свое заявление: «МИД Российской Федерации приветствует результаты первых прямых переговоров между представителями руководства Азербайджанской Республики и Нагорного Карабаха». Как я уже показал, прямые переговоры и контакты имели место и до того, так что в Москве в сентябре 1993 года воюющие стороны встретились отнюдь не впервые, это г-н Казимиров выдумал, чтобы подчеркнуть свои собственные заслуги. Но важно было то, что представитель МИД РФ эти переговоры поддержал, и при том вполне официально и публично. «Со своей стороны, МИД России подтверждает готовность продолжать посреднические усилия по урегулированию карабахского конфликта, координируя их с усилиями ООН, СБСЕ, других международных организаций и государств», — заявил Казимиров.

Все казалось бы хорошо, если бы не одно замечание Аркадия Гукасяна на пресс-конференции в Москве. По его словам, если бы Азербайджан признал Нагорный Карабах стороной в конфликте, то урегулирование пошло бы гораздо успешнее. Выходило так, что Азербайджан по-прежнему вел переговоры неизвестно с кем, явно отступив от своей летней позиции, а это не сулило ничего хорошего, какие бы оптимистические заявления ни делал наш хитроумный посредник. Но карабахцы были рады и тому, что в Москве удалось установить двадцатидневное перемирие.

14 сентября я был у Вагана Папазяна. Он рассказал о контактах с иранским руководством и о том, как развиваются армяно-иранские

отношения в целом. Мы коснулись и некоторых вопросов, интересующих Россию и Армению. Министр сообщил мне, что президент получил письмо от Ельцина, в котором одобряется метод двусторонних прямых переговоров Азербайджан — Нагорный Карабах, но предлагается «углубить» их, проведя встречу четырех — России, Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха где-нибудь на юге России. Левон Акопович собирается лететь в Москву. Здесь не сегодня — завтра ждут Казиминова с разъяснениями по поводу этого письма, инспирированного явно им.

В тот же день Жирайр Липаритян информировал дипкорпус о результатах неформальных консультаций в рамках Минской группы, состоявшихся в Москве 9—11 сентября под руководством Марио де Сика. Согласовали новый график урегулирования, но азербайджанцы его отклонили. Армения сказала «да», пояснив, что согласна не стопроцентно. Такой же ответ дал Нагорный Карабах. Однако на фоне двусторонней встречи Джалилова с Гукасяном, которая завершалась в этот момент в Москве, деятельность Минской группы отошла на второй план.

Казимиров прилетел в Ереван 18 сентября, встречался с руководством Армении и с Робертом Кочаряном, но в посольство не заглянул, некогда ему было.

Срыв переговоров

21 сентября — 4 октября внимание не только нашего посольства, но и многих наших армянских друзей было приковано к событиям в Москве. В противостоянии президента, олицетворявшего тогда демократические силы и перспективы, с мятежным вице-президентом и парламентом посольство без колебаний стало на сторону Ельцина, о чем я не преминул информировать Москву. Президент, правительство, большинство парламентариев, демократическая интеллигенция Армении открыто заняли такую же позицию. 24 сентября в Доме журналиста я встречался с корреспондентами московских СМИ. В Ереване были представлены ИТАР—ТАСС, РИА—Новости, «Московские Новости», «Независимая газета», «Правда», «Комсомольская правда», «Российские вести», радио и телевизионные программы. Мне было трудно проследить, как сами они подавали московские события, но их армянские корреспонденты, за редким исключением, которое тогда в основном помалкивало в тряпочку, высказывали сочувственное отношение

к решениям Ельцина. Поэтому разговор у нас получился дружеский, прошел при полном взаимопонимании. Это потом, через много месяцев, узнав, что я уезжаю, корреспондент «Правды» ни с того, ни с сего решил обгавкать мою позицию, занятую в октябре, и ради вящей убедительности переврет ее до неузнаваемости. Но это — исключение, лишь подтверждающее правило: порядочных людей все же больше, чем непорядочных.

Свою повседневную деятельность наше посольство, естественно, не прекращало. Я даже побывал в Гарни и Гехарде, местах древних и очень красивых, где старинные храмы органично вписываются в прямо-таки сарьяновские и аюкьяновские пейзажи. Гарни славится прекрасным храмом бога огня Митры, внешне подобным Парфенону. Под ним — ущелье, скалы, речка внизу. Совсем рядом — запущенный виноградник и старые груши с великолепными сочными плодами. И много солнца и синего неба. И симпатичный привратник Арам, который угощал нас этими самыми грушами.

А дальше — Гехард. Это потрясающий христианский храм в скале, а вокруг него — целый монастырь. Настоятель монастыря Тер-Егише, бывший сослуживец Тер-Петросяна по Матенадарану, спел псалом в усыпальнице князей Прошянов и угостил замечательным медом из ульев, прилепившихся на скалах. Тер-Егише за чаем с медом рассказал забавный случай. Лет пять назад монастырскую пасеку «посетил» медведь. Полакомиться ему захотелось. Его прогнали холостыми выстрелами. Отойдя на почтительное расстояние, мишка забрался на высокую скалу над входом в монастырь и долго оттуда грозил кулаком обидчикам.

Когда мы осматривали достопримечательности Гехарда, к нам подошли ребята из знаменитой команды КВН, пригласили на «Шарм-шоу» во Дворец спорта. Мы там потом побывали. Дворец нам очень понравился. А «Шоу» слишком долго не начиналось, и мы после первых, очень шумных номеров сочли за благо не досматривать его до конца.

Было много и других дел. Именно тогда я познакомился с новым министром обороны Сержиком Саркисяном и писателем Грантом Матевосяном, съездил на Мецморскую АЭС, участвовал в открытии международной конференции сейсмологов, ходил на прием к послу КНР, ездил в музей Сардарapatской битвы. А ночь с 3-го на 4 октября мы с женой провели у телевизора, переживая ход событий в Москве, звонили домой, беспокоились о наших детях, а они дополняли в живых красках картину происходившего у Белого дома. И в нашем Девятинском пере-

ходе, где с колокольни церкви по прохожим стрелял снайпер, убивший, конечно же, в чем не повинных людей. Стрельба по зданию Верховного Совета, конечно же, восторга ни у кого не вызывала, но поражение Хасбулатова — Хасбулатова, поддержанного красно-коричневыми и профашистскими элементами, мы приняли со вздохом облегчения. И для нескольких интервью местному агентству СНАРК и радио России, а также московским «Вестям» и Армянскому телевидению. Это — 4 октября. А на следующий день объяснял суть происходящего по Армянскому радио. 11 октября вручил президенту Тер-Петросяну заявление Ельцина о предстоящих выборах и референдуме, о продолжении реформ и неизменности внешней политики. Президент сказал, что Армения примет приглашение направить наблюдателей на процедуру голосования в России и сама пригласит российских наблюдателей, когда назначит свои новые выборы и конституционный референдум.

Когда я сейчас перечитываю некоторые документы, относящиеся к тому времени, у меня складывается совершенно определенное впечатление, что американцы с помощью своих европейских союзников попытались воспользоваться смутой в Москве, чтобы сорвать прямые переговоры Баку — Степанакерт и посредничество Москвы и Еревана.

21–23 сентября в Праге заседает Комитет высших должностных лиц ЕС. Среди прочих вопросов — Карабах. Опоздавший представитель Азербайджана заваливает уже согласованный всеми остальными участниками проект «компромиссных развязок» и начинает новый раунд спора. Вот тут-то на первый план и вылезают американцы, демонстративно противопоставляя коллективные усилия в рамках Минской группы (или другим, «автономным», посредническим шагам (имея в виду прежде всего встречи в Москве представителей Азербайджана и Нагорного Карабаха). Туниковая ситуация усугубляется тем, что еще 20 сентября советник-посланник посольства США в России г-н Селл передал Кашгарову любопытное «Устное сообщение Госдепартамента США». «Устное» — это эвфемизм. На самом деле — это бумага, в которой черным по белому английским языком прямо говорилось, что «одностороннее развертывание российских миротворческих сил» не устраивает американцев. И излагалось это мнение не иначе, как от имени «международного сообщества». А 25 сентября, когда в Москве было достигнуто согласие продлить еще на месяц договоренность о прекращении огня и продолжать прямой диалог Азербайджана с Нагорным Карабахом, по-

является новая американская «не бумага», почему-то на уровне всего лишь 2-го секретаря посольства — ничего себе визави для посла Казимирова! И в этом «Устном заявлении Госдепартамента США», сделав дипломатическую оговорку о том, что они не испытывают ревности к России в связи с ее инициативой и даже приветствуют диалог между Азербайджаном и ... нет, не Нагорным Карабахом, а лишь «армянами нагорно-карабахскими», американцы настаивают, как и в Праге, что эти двусторонние контакты непременно «должны быть составной частью усилий минской группы и обсуждаться в ее формате», иначе, грозят они нам, «вы рискуете утратить поддержку международного сообщества». А поэтому извольте передать ваши предложения на заседание минской группы в Париже. (Минская группа с маленькой буквы — так значится в американском тексте). Тут же американцы напоминают, что «Турция имеет важные стратегические интересы и заслуживает быть включенной в этот процесс», то есть, другими словами, в навязывание их, американцев, «формата» переговоров об урегулировании карабахского конфликта. Остается только удивляться бесцеремонности этих притязаний и беззубости российского дипломатического ведомства, которое вместо того, чтобы послать подальше непрошенных искателей бакшиша в чужом огороде, глядело на них заискивающим взором своего американофильствующего министра и, конечно же, ни о каком отпоре и не помышляло.

Было еще и третье «Устное сообщение» госдепа. Оно поступило в МИД РФ из посольства США 5 октября по факсу. В нем восхвалялся очередной вариант плана Минской группы, отредактированного на неофициальном совещании «девятки» в Париже 22—28 сентября, приветствовалось намерение России «работать более активно с минской группой» и давалось понять, что «сторонам важно сосредоточиться на плане минской группы и не обсуждать новые планы», то есть, опять-таки, предлагалось выхолостить двусторонние прямые переговоры.

Тем не менее МИД НКР заявил о готовности обсудить принятый в Париже «обновленный график», хотя он в некоторых своих пунктах оставался неприемлемым для карабахской стороны. Армения план «девятки» решила принять, но при этом Ваган Папазян заявил в телеинтервью, что его надо совместить с российским планом. Что за российский план он имел в виду, мне чуть позже объяснил Жирайр Липаритян. В его основе — то же, что в графике «девятки», но, кроме того, предла-

гается ввести миротворческие разъединительные силы, скорее всего российские, с последующим получением флага ООН, против чего остальные участники процесса СБСЕ. И во главе наблюдателей должен стать российский посредник, что тоже не нравится американцам и их союзникам. Наконец, надо еще определить демилитаризованные зоны, и это уже не подходит Карабаху, ибо пришлось бы убрать из таких зон молодежь, что равнозначно депопуляции деревень, а много ли их у Карабаха?

Азербайджан обновленный график просто отклонил по той причине, что в нем не упоминалось ни о Лачинском коридоре, ни о судьбе «миллиона» беженцев. Откуда взялся этот миллион, одному Аллаху известно. Даже в мирное время не жило столько людей во всех районах Азербайджана, над которыми установила контроль карабахская армия к концу октября 1993 года, а в условиях военных действий, готовя собственные удары по армянам и карабахцам, азербайджанские политики заблаговременно эвакуировали значительную часть людей из приграничных и прифронтовых районов, и к беженцам их отнести можно было с большой натяжкой, а свои претензии они должны были бы предъявлять правительству в Баку. Да вот, поди ж ты, пошла гулять липовая цифра и по документам ООН и СБСЕ, превратившись в один из «аргументов» азербайджанской стороны, вполне достаточный, по ее мнению, чтобы торпедировать даже перекошенные в ее пользу планы СБСЕ. Но самое любопытное нововведение в позицию Азербайджана заключалось в том, что азербайджанцы опять стали возражать против «искусственного раздувания статуса армянской общины Нагорного Карабаха» и требовать равноправия на переговорах для представителя азербайджанской общины Нагорного Карабаха, которому давно уже было отведено место в креслах азербайджанских делегаций, поскольку сама эта община с территории НКР эвакуировалась в собственно Азербайджан в первые дни конфликта. Другими словами, произошло серьезное отступление от курса на прямые переговоры с НКР, от признания которой в любом виде Баку категорически отказался. А Гейдар Алиев продолжал между тем пудрить мозги московским деятелям, что он-де по-прежнему не отвергает идею прямых переговоров с руководством Нагорного Карабаха.

8 октября в Ереван явилась делегация СБСЕ во главе с Матиасом Моссбергом, личным представителем председательши СБСЕ шведки Маргариты аф Угласс. С ним приехал и уже известный мне итальянец Форнари. По словам Левона Тер-Петросяна, с которым я виделся

11 октября, от встречи с шведом и итальянцем у него сложилось впечатление: в кругах СБСЕ вроде бы смирились с тем, что миротворческие силы в районе конфликта будут состоять из российских военнослужащих, но ради спасения лица СБСЕ надо, чтобы Россия обратилась именно к этой организации за благословением, которое будет дано. Козырев всегда был за то, чтобы действовать под эгидой СБСЕ, но в Москве боялись, что эта идея будет отвергнута, и хотели поставить всех перед фактом. Ну а теперь Россия может спокойно обратиться к СБСЕ. Только важно, чтобы не было преждевременной утечки информации к азербайджанцам. Пусть об этом знает лишь Казимиров. Я сказал, что направляю эту информацию Лобову и Козыреву. И Левон Акопович согласился.

13 октября Казимиров снова прилетел в Ереван и успел повидаться с Робертом Кочаряном перед самым его отлетом в Париж, куда карабахского руководителя пригласила Международная дипломатическая академия, чему поспособствовали послы России и Франции в Ереване. Казимиров встретился и со своими обычными собеседниками с армянской стороны.

А в это время в Нью-Йорке постпреды с подачи своих столиц работали еще одну резолюцию СБ ООН, которая не внесла ничего нового в развитие переговорного процесса. Более того, была явно ему противопоставлена повторением устаревшей формулы «нагорнокарабахский регион Азербайджанской Республики», которую категорически отвергали и НКР, и Армения. В своей реакции на резолюцию № 874 от 14 октября МИД Армении вслед за этикетными комплиментами и приветствиями заявил о неприемлемости для Армении какой-либо формулировки, определяющей результаты Минской конференции СБСЕ. Аналогичной была и реакция НКР, изложенная в письме Карена Бабурына генсеку ООН Бутросу Бутрос-Гали. А в своих посланиях к Марио Рафаэлли он и Аркадий Гукасян предложили конкретные коррективы к обновленному графику «девятки». Все вернулось на круги своя. И это в условиях нового обострения на фронтах.

Бросок к Араксу

Вечером 21 октября Аркадий Гукасян позвонил мне и сообщил, что азербайджанские войска начали массированное наступление в Джебраильском районе. Радиоперехват свидетельствует о вероятном участии в боях с их стороны афганских моджахедов. Гукасян потребовал объяс-

нений у Джалилова. Тот обещал ответить. Но азербайджанские власти, как водится в подобных случаях, стали уклоняться от контактов.

Я немедленно отправил краткое сообщение в Москву, в адрес нашего МИДа, где оно утром 22-го уже легло на стол Козыреву и некоторым его замкам.

Тем же утром Гукасян снова позвонил мне и сказал, что военные действия продолжаются, а Джалилов так и не прорезался. На фоне агрессивных публичных заявлений Гейдара Алиева и его министра иностранных дел Гасана Гасанова речь явно идет о попытке нового витка эскалации вооруженного конфликта. Карабахские военные готовы дать отпор.

23 октября наступление азербайджанцев в Джебраильской и Физулинском районах продолжалось. По железной дороге к станции Горадиз на границе с Ираном пошли эшелоны с артиллерией и танками, в основном украинского производства. Московские витии как в рот воды набрали. Кое-кто в Москве явно надеялся, что на этот раз азербайджанцам удастся справиться с карабахцами. Их ждало жестокое разочарование.

Ответная атака карабахских войск опрокинула аскеров, азербайджанская армия ударились в панику и в позорное бегство, несколько тысяч мирных граждан и солдат бросились через Аракс в Иран. Карабахские войска, практически без сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны азербайджанцев, вышли на границу с Ираном на двадцатикилометровом ее отрезке в районе Горадиза, и великодушно дали оказавшимся в окружении азербайджанцам уйти вдоль Аракса на восток.

25 октября Давид Шахназарян в беседе со мной высказал предположение, что Баку вызвал обострение конфликта потому, что Гейдару Алиеву нужна победа, хотя бы маленькая. Поэтому он будет покусаться даже на территорию Республики Армения, в частности, в районе Ноемберяна и Иджевана, граничащем с Казахским районом Азербайджана, и со стороны Нахичевана, где провокаций можно ждать и от алиевцев, и от эльчибеевского «народного фронта», и от «серых волков», подпитываемых из Турции.

Если 21—22 октября в течение суток карабахцам не удавалось связаться с Баку по телефону, то с того момента, как азербайджанские войска обратились в бегство, вновь «прорезался» Джалилов, названи-

вая в Степанакерт и Ереван. В беседах с Давидом Шахназаряном по телефону и с Казимировым, который находился в Баку вместе с миссией мадам аф Угласс, Джалилов фактически признал, что военные действия начались по инициативе азербайджанской стороны, но сделал оговорку, что это было якобы делом рук «неконтролируемых отрядов», действующих по указке Сурета Гусейнова, и что Гейдар Алиев распорядился провести расследование. С армянской стороны Джалилову посоветовали разобраться во всем с карабахцами при посредничестве России, дать событиям объективную оценку, прекратить их пропагандистское извращение, наказать виновных, если Азербайджан всерьез хочет продолжения переговоров.

Карабахцы подозревали, что этого-то азербайджанцы тогда как раз и не очень-то хотели, иначе бы они не требовали длительного прекращения огня без предварительных условий, то есть без деблокады, без наблюдателей, без миротворческих сил, чтобы дать себе передышку и поставить на ноги свою деморализованную армию. А делать это они собирались с помощью западных союзников, проявлявших обостренный интерес к каспийской нефти и планам строительства трубопровода в сторону Турции.

Давид Шахназарян высказал пожелание, чтобы Россия оказала воздействие на Азербайджан в пользу прямых двусторонних азеро-карабахских переговоров.

Как только азербайджанцы начали терпеть поражения МИД России, наконец, проснулся и 26 октября сделал заявление о своем глубоком разочаровании и озабоченности, проигнорировав тот факт, что инициаторами обострения были бакинские умники и обвинив во всем нехороших «карабахских армян». Вечером 26-го объявившийся в Ереване Казимиров позвонил мне по телефону. В ходе разговора он признался, что является автором этого замечательного опуса родного МИДа и попытался представить свое творение как нечто «сбалансированное», на что я ответил:

— Твоя сбалансированность, когда тебе и всем известен инициатор, лишь поощряет последнего. Почему-то когда били карабахцев, Москва обвиняла их же самих и их армянских братьев. А вот подобного отношения к азербайджанцам я не вижу. Так улещивать азербайджанцев, как делаешь ты, Володя, значит срывать процесс прямых переговоров с твоим же участием.

И еще тогда любили поговорить о «неадекватности» ответа карабахцев на азеро-моджахедские провокации. Я задумался над этим. Адекватно — это как? Подставить другую щеку? Сами собой сложились вирши:

Враги сожгли родную хату,
А я им нотой отвещаю?
Они в меня из автомата,
А я их все увещиваю?
А, может все ж пустить их матом?
Хоть и не будет адекватным
Такой ответ, а все ж приятно.
Ну а потом и автоматом.
Чтоб было точно адекватно!

«Врага надо бить на его территории, — писал я в своем дневнике. — Это настолько очевидная истина, что даже как-то неудобно слушать треп о «неадекватности», особенно со стороны тех, кто по-ослиному упрямо отказывается определить границы территории, выход за которые только и может считаться основанием для обвинений в неадекватности. Абсурд какой-то!»

Любопытно, что в эти же дни была сделана попытка втянуть Армению во внутригрузинский конфликт. На совещании глав трех закавказских государств и России в начале октября армянам было предложено поучаствовать войсками в охране железнодорожной ветки, ведущей от Черного моря через Тбилиси в Армению, правда, не на территории, контролируемой сторонниками свергнутого президента Звияда Гамсахурдия. Еревану это было совсем не с руки, ибо в Тбилиси проживало 400 тысяч армян, в Абхазии и Аджарии десятки тысяч, а главное — в Джавахетии (особенно в селах Богдановка и Ахалкалак) население состояло в основном из армян. Туда войдешь, а потом не выйдешь, сказал мне Давид Шахназарян. К тому же составы в Армению задерживает Шеварднадзе, а не Гамсахурдия и не Абашидзе. Оба они против ввода в Грузию армянского батальона. Не ухудшить бы положение армян в Грузии. Да и на Северном Кавказе оно стало менее стабильным. Не лучше ли поискать политические решения? Может быть, Грузии все же подумать о федералистской формуле. Почему бы ей не прибегнуть к посредничеству Армении в паре с Россией, чтобы собрать за одним столом, например в Ереване, Шеварднадзе, Гамсахурдия, Абашидзе, Ардзинбу и других и инициировать диалоги между ними, а также общий разговор

о новом устройстве Грузии для прекращения кровопролития и сохранения ее как единого, но федеративного государства?

Что думает Россия на этот счет? Этот вопрос Давида Шахназаряна я переадресовал Лобову и Козыреву, но ответа не получил.

От посылки в Грузию своего воинского контингента армяне тем не менее воздержались. И правильно сделали.

Однако занимали их все-таки не столько грузинские, сколько карабахские дела, приобретавшие иногда неожиданный оборот. 26 октября в телефонном разговоре со мной Давид Шахназарян сообщил, что утром из Зангеланского района подвергли мощному обстрелу населенный пункт Ньюади недалеко от Мегри. Кто и зачем стрелял, непонятно: буквально накануне с азербайджанской стороны были сделаны подходы к армянским властям на предмет выяснения возможности эвакуации из Зангелана десяти тысяч человек ... через Армению, причем не женщин и детей, а в основном солдат, попавших в окружение. Святая простота! Или прохиндейство?

Почти одновременно азербайджанцы обстреляли армянские села а Ноемберянском районе, на стыке армянской, азербайджанской и грузинской границ, и активизировали дезинформационную кампанию, к которой почему-то охотно подключились наши телевизионные «Вести» и «Новости».

Вечером 26 октября в Ереван явилась г-жа Маргарита аф Угласс со товарищи, а с ними все тот же Казимиров. Побеседовали мы с ним по телефону по поводу заявления МИД России, о котором я уже говорил, поговорили, что называется, по душам, и я вышел из моего кабинета на площадку перед КПП. Смотрю, рядом с входом в нашу посольскую дачку стоят Роберт Кочарян, Леонард Петросян и Аркадий Гукасян, ждут Сержика Саркисяна, чтобы разместиться в его квартире в третьей от ворот даче. Оказалось, Роберт в курсе, кто автор антикарабахского заявления МИД РФ, и собирается с ним поговорить, как следует. Казимиров часто жалуется на азербайджанцев, что они все время хотят всех надуть, а что делает сам? В этот момент в ворота въезжает черная «Волга» и из нее выходят Казимиров, Моссберг и де Сика. Все они — и ожидавшие, и только что прибывшие — тут же отправились в квартиру Липаритяна для беседы. Поговорили они по-крупному. Причем со стороны Казиминова была сделана попытка наврать, будто я вовремя не отправил информацию, полученную мною в ночь с 21 на 22 октября от Гукасяна

о начале азербайджанских провокаций с участием моджахедов, а лишь постфактум, с запозданием на несколько дней, выдал пространную бумагу о развернувшихся событиях. Карабахцы знали, что это — брехня, ибо информация Гукасяна мною с помощью полковника Третьякова была отправлена сразу же по получении, о чем я сообщил Аркадию утром 22 октября. Зачем Казимирову потребовалось врать? Чтобы скрыть недогляд московских властей, не предпринявших ничего для предотвращения эскалации? Или же он покрывал Козырева, который мог не доложить президенту или хотя бы премьер-министру о моей телеграмме? Или просто хотел порушить доверие, которое испытывали к российскому послу и лично к Ступишину карабахские руководители? Что-то, а вот этот фокус ему не удался. Да и все другие его задние мысли легко прочитывались его карабахскими и армянскими собеседниками.

Время от времени Казимиров появлялся у меня в кабинете, куда ему по ВЧ названивал из Баку Джалилов. Сначала азербайджанец жаловался на то, что мост через Аракс, по которому в Иран удирает азербайджанское воинство, — это у населенного пункта Худаферин, — якобы обстреливается аж из Мегри. «Ну это уж полная фантастика, — заметил Левон Тер-Петросян, когда ему доложил об этом Казимиров. — Из Мегри до Худаферина дострелить ну никак невозможно.» Казимиров долго и терпеливо пытался выяснить у Джалилова, о каком мосте идет речь, и просил уточнить его географические координаты, чтобы дать их карабахцам, от которых мост скрыт горой, и просить их не стрелять по нему. Роберт Кочарян готов откликнуться положительно, но ему нужны координаты. Джалилов все путал и путал мост у Худаферина с дамбой у Горадиза, которую — кричал ему в трубку Казимиров — никто в данный момент не обстреливает, и она полностью контролируется азербайджанской армией, но координат того моста, что у Худаферина, Джалилов так и не дал.

Я удивлялся выдержке Казимирова: он потратил кучу времени на разговор с Джалиловым и все впустую.

— Вот так очень часто бывает, — признался он мне. — Говорим-говорим, а все без толку.

— По-моему азербайджанцы темнят, — сказал я ему. — Они все время врут про беженцев. Похоже, и с мостом что-то накручивают. В Зангелане и Кубатлы у них попали в западню не беженцы, а десять

батальонов, подготовившихся ударить по Мегри, чтобы пробиться к Нахичевану. Вот теперь они локти и кусают.

После звонков из Баку и в Баку и переговоров с Робертом Кочаряном и Леоном Тер-Петросяном 27 октября Казимиров продиктовал моей заведующей канцелярией Ларисе проект совместного заявления Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, более взвешенного, чем заявление МИД России. Во всяком случае, исчезло одностороннее обвинение НКР. Но цель у посредника была одна — вернуть все, как было 20 октября, то есть добиться отвода карабахских войск на прежние позиции, что устроило бы Азербайджан, но никак не могло устроить карабахцев, которым предлагалось пожертвовать своим успехом на поле боя, не получив ничего взамен.

Позвонила Франс де Артинг, интересовалась содержанием бесед Роберта Кочаряна с Леоном Тер-Петросяном, о чем я ей ничего поведать не мог, хотя бы потому, что был не в курсе. Франс поделилась со мной, что хотела бы устроить встречу Маргариты аф Угласс с дипкорпусом, но та отказалась под предлогом цейтнота. График у нее действительно был насыщенный. 27 октября она с утра была у президента, потом у председателя Верховного Совета, после обеда встречалась с карабахцами, потом с премьер-министром, наконец, дала пресс-конференцию и в 18.00 отбыла в аэропорт. Тем не менее мы с Франс решили, что эта дама делает все для «галочки», так как срок ее председательства в СБСЕ подходит к концу, и ей совершенно наплевать на суть карабахской проблемы.

Я поинтересовался впечатлениями от недавней поездки Роберта Кочаряна в Париж. Франс сказала, что все прошло как нельзя лучше. Кроме выступления в Дипломатической академии на Авеню Ош и встреч с представителями разных неправительственных организаций, Роберта Кочаряна принимали директор департамента Восточной Европы МИД Франции Пьер Пудад, представитель Франции в Минской группе госпожа Дюбуа, сотрудники кабинета министра обороны и отдела гуманитарной помощи МИДа. С Робертом Кочаряном в Париже беседовали корреспонденты таких влиятельных газет, как «Монд» и «Фигаро», а также турецкие журналисты. После этого он съездил в Бельгию, где был принят в Комиссии Европейских Сообществ в Брюсселе. Посетил он также и Европарламент.

Мне было известно, что подобные разъяснительные поездки намечались в Британию и Германию, и я предложил своему МИДУ использо-

вать французский опыт и пригласить Роберта Кочаряна или Карена Бабурияна в Москву, скажем, от имени Внешнеполитической ассоциации или благоволинского Института национальной безопасности и стратегических исследований, или ИМЭМО, или даже нашей Дипакадемии. Тогда это прозвучало гласом вопиющего в пустыне.

А во Франции принимали карабахцев и после поездки Кочаряна. В европейских организациях в Страсбурге тоже.

Утром 27 октября в 11.15 у меня в кабинете зазвонил телефон:

— Казимирова!

— Кто спрашивает?

— Из Верховного Совета Азербайджана.

— А кто именно?

— Джалилов.

— Здравствуйте, господин Джалилов. Я постараюсь найти Казимирова.

— Здравствуйте. В Зангелане драматические события. Блокада со всех сторон. Людям некуда выйти. Это что ж такое делается?

— А кто наступает-то?

— Кто-кто, все они, карабахцы.

— Понятно. Я обязательно найду Казимирова и передам сказанное вами.

— А кто вы?

— Посол России.

Там положили трубку. С помощью руководителя аппарата президента Шагена Караманукяна я нашел Казимирова и сообщил ему о «плаче Джалилова».

— А что он предлагает?

— Ничего. Может, позвонишь ему сам?

— Хорошо.

Это было в 11.20. А в 11.35 звонок из Москвы:

— Пусть Казимиров срочно позвонит Адамишину.

Просьбу эту я передал сразу же.

В 11.55 звонят из Департамента СНГ:

— Пусть Казимиров позвонит Чуркину.

И так весь день, то олень позвонит, то тюлень, а все в общем-то суета и дребедень. Звонят московские чины, чтобы отметить, а работает по сути дела один Казимиров. Хотя и заслуживает иногда даже самой

суровой критики его работа, но это — на мой взгляд. Я же не могу не отдать ему должного: вот уж кому ни минуты покоя, ни дня отдыха, с самолета на самолет, из столицы в столицу, многочасовые беседы, терпеливо, а то и кулаком по столу, как тут голова кругом не пойдет.

В 13.30 засели у меня в кабинете де Сика и Моссберг, пили кофе и правили проект Казиминова, отпечатанный Ларисой. Не успел приехать от Левона Тер-Петросяна Казимиров, опять звонит Джаилилов. Казимиров цитирует ему Тер-Петросяна: «Поскольку азербайджанцы не признают официально, что эскалацию начали они, у Кочаряна нет оснований давать указания об отводе карабахских войск».

На вопрос итальянца и шведа о разговоре с президентом Казимиров ответил, что он передал Левону Тер-Петросяну «серьезные предупреждения из Москвы». Так вот зачем звонили от Адамишина и Чуркина.

Президент вежливо выслушал и улетел в Париж, переведя дискуссию на уровень Давида Шахназаряна.

Моссберг выразил сомнение, что азербайджанцы публично признаются, что они виноваты. Ну и хрен с ними! За что боролись, на то и напоролись.

Казимиров сообщил о недовольстве Москвы и Роберту Кочаряну, которому звонил от меня. Ссылался при этом на Адамишина, а тот на Черномырдина, который якобы бросил фразу: «Они доиграются». Это карабахцы, значит. «Мы с вами потом обсудим, что стоит за этой репликой, — сказал Казимиров Кочаряну. — Я вам всегда говорил, что Москва такого рода широкомасштабные операции карабахцев не одобрит. Вот и Адамишин просил Левона Тер-Петросяна употребить все свое влияние на карабахцев.» Роберт, судя по репликам Казиминова, нажимал на то, что Москве неплохо бы занять более объективную позицию.

— Вот видишь, — сказал я Казимирову, — своими обвинениями в адрес карабахцев Москва подставилась.

— Но в проекте заявления был хороший кусок, его выбросили.

— Да я-то еще могу тебе поверить, но, согласись, необъективность московского заявления — лишнее основание для карабахского требования, чтобы азербайджанцы признались публично. Разве не так?

В 16.15 опять звонит Джаилилов. Казиминова рядом нет, и он говорит со мной.

— Армяне идут на Зангелан через речку Акера. Это приток Аракса. Они ее преодолевают вброд и идут дальше.

— Откуда идут-то?

— Откуда же еще — со стороны Нагорного Карабаха.

— Ладно, передам Казимирову.

— Ну а как там у вас, в Ереване?

— Блокада есть блокада, все дорого, зима трудная была.

— А вот когда соседнюю страну рвут в клочья, как вы на это смотрите?

— Ну мне отсюда трудно оценку давать, кто, что и кого рвет в клочья.

— Вот у России вечно вопросы...

— У России и к самой себе вопросы.

— Да, да... Что же это Левон улетел, не позвонил?

— Он еще до обеда улетел. Может, его не успели найти.

— Он в 12.30 улетел.

— Ну так это и есть — до обеда.

— Казимиров и Моссберг при вас говорили со мной, обещали...

— Я постараюсь найти вам Казиминова.

Казиминова я, естественно, нашел. Он перезвонил мне в 17.00 и попросил передать Джаилилову: Кочарян дал указание остановить продвижение войск и обстрелы три часа назад; Казимиров работает с Кочаряном над текстом заявления, проект которого был прочитан утром Джаилилову по ВЧ.

В 17.10 я соединился с Джаилиловым и передал ему это сообщение. Аффиятдин Джаилилович рассыпался в благодарностях.

Мне показалось тогда, что этот человек искренне переживает и очень хочет умиротворения. Через какое-то время он падет жертвой внутриполитических разборок в Баку.

Общаясь с карабахцами, я восхищался трезвостью их ума и способности быстро овладевать дипломатической наукой, постигать премудрости переговоров и компромиссов в целях обеспечения национальных интересов НКР. По-моему, у них это стало получаться очень даже хорошо.

Хорошо получалось и с формированием национальной армии, об успехах которой убедительно говорила вся кампания 1993 года — от взятия Кельбаджара в апреле и Агдама в июле до выхода на границу с Ираном в сентябре—октябре. Одним из добрых помощников в постижении военного дела был генерал Зиневич Анатолий Владимирович, мой ровесник. Он родился на Украине, служил на Дальнем Востоке, окончил Военную академию имени Фрунзе и Академические курсы руко-

дящего состава Вооруженных Сил СССР, пять лет воевал в Афганистане. В середине 1992 года его пригласили в Армению в качестве советника по военным вопросам. Он приехал в Карабах, увидел, что там творится, и стал помогать карабахцам создавать регулярную армию.

9 ноября 1993 года Анатолий Владимирович побывал в гостях у меня, и я узнал от него много интересного. Когда он прибыл в Степанакерт, кругом — упадок сил и мрачные настроения: азербайджанцы только что захватили север НКР. Армии в собственном смысле слова тогда у карабахцев не было, хотя они и провели успешные операции по освобождению Шуши и Лачина. Было две сотни партизанских отрядов. Вот из них Зиневиц вместе с Сержиком Саркисяном и Самвелом Бабаяном и создавали армию численностью порядка 15—20 тысяч бойцов. Эти бойцы сбили 36 самолетов противника. Такое в горных условиях случилось впервые. Успешно заработала артиллерия, в Карабахе начало получаться то, что не получалось в Афганистане. Армия стала средством воспитания патриотизма у людей, которые до того были способны защищать лишь свой дом, в лучшем случае — деревню, но не страну, и не сопротивлялись, когда погибал сосед, думая, что их минует чаша сия. Теперь все иначе. У Карабаха есть национальная армия. В карабахцах, да и в остальных армянах, выросло чувство патриотизма.

Стратегия карабахской армии простая. Сначала взяли перевал на Муровдаге и Кельбаджар. Потом надо было отодвинуть позиции азерских «Градов» (это модернизированные «Катюши») и «Гиацинтов» (162-миллиметровых гаубиц с воющим, как свинья, снарядом вместо задуманного ранее нейтронного), соответственно, на 20 и 35 километров — такова их дальность. Надо — сделали. Вернули Сарсангскую ГЭС, а с нею — свет в Степанакерт. Вернули десятки деревень. Взяли господствующие высоты.

Но последнее наступление на юге — это даже не наступление. Это — результат разложения азербайджанской армии, которая побежала после первых же выстрелов.

Анатолий Владимирович думал, что у Роберта Кочаряна и поддерживающего его Левона Тер-Петросяна хватит разума вовремя остановиться и путем переговоров обменять часть взятых территорий на гарантированный мир. Так, собственно, оно и было: дальше не пошли, к обмену готовы. Нет только разумной ответной реакции Баку. Хуже того, прошло некоторое время, и г-н Алиев, мечтая о реванше, начал подумы-

вать, а не выдвинуть ли ему территориальные претензии к собственно Армении.

Очень понравился мне генерал Зиневиц, и мы потом встречались с ним еще не раз.

Участвуя в карабахских делах, я не забывал о том, что творится дома, где шла подготовка к выборам. Именно тогда наметился пересмотр моего отношения к демократам гайдаровского типа, которые взяли на вооружение политику обмана собственного народа. В свое время таким обманом я считал горбачевскую конституционную реформу и даже на телевидении об этом полемизировал с докторами права Венгеровым и Барабашкиным. В избирательной системе, придуманной прежде всего «выбороссами» и кое-кем из других фракций демократического лагеря, я увидел чудовищную попытку надуть избирателя полупропорциональной и полумажоритарной системой, позволяющей буквально протыриться в Думу всяческой шпане, что и произошло на парламентских выборах 1993 и 1995 годов. Как можно было не знать, что пропорциональная система для огромной страны с несложившейся многопартийностью ведет только к несправедливостям и перекосам в представительстве населения? Похоже, гайдаровцы надеялись, что именно они выиграют от этого трюкачества. И не вышло. Не вышло еще и потому, что не может победить движение, во главе которого стоит человек, ограбивший свой народ, да и внешностью своей не шибко похожий на лидера. Не может и все тут, сколько ты его ни расхваливай в средствах массовой информации. Потому и проиграли в 1993 году, а потом и в 1995-м. Но главное — не проигрыш, а ставка на ложь, на обман, на хитроумие. Вот сами себя и перехитрили. А мне с ними все больше становилось не по пути.

Пока мы с Джалиловым беседовали по ВЧ, Гейдар Алиев плел свою интригу. Еще 26 октября он на имя очередного председателя СБ ООН направил письмо, в котором объявил о «преступлениях армянской военщины» и потребовал экстренного созыва Совета Безопасности, осуждения им «прямой агрессии» Республики Армения против Азербайджанской Республики и применения против Армении «действенных военных, политических и экономических санкций». Просьбу Азербайджана поддержали Турция и Иран.

Узнав об этом, я 30 октября написал в Москву о том, что, дав отпор азербайджанцам, устроившим очередную провокацию, которая обернулась для них новыми территориальными потерями, НКР остановила 27

октября продвижение своих войск и изъявила готовность провести переговоры с властями Азербайджана. Что же касается СБ ООН, то он, не оказав до сих пор серьезной поддержки таким переговорам, несет ответственность за неустойчивость ситуации. Видимо, кого-то не устраивает реалистический поиск мира, начатый при посредничестве России. Но другой путь — это продолжение кровопролития.

В этих условиях, писал я, долг России побудить СБ ООН не только не принимать опрометчивых решений, но, напротив, без экивоков поддерживать линию на прямые переговоры. Нашим интересам отвечала бы лишь такая позиция, которая способна воспрепятствовать направлению в район конфликта любых сил из-за пределов бывшего Союза. В этих целях было бы правильно применить и право вето, если потребуется. Иное развитие международного вмешательства может оказаться катастрофичным для нашего присутствия в Закавказье.

Несмотря на то, что карабахскими делами вплотную занималась Минская группа, которая 2—8 ноября в Вене провела очередную «неофициальную» встречу, Совет Безопасности ООН 11 ноября принял резолюцию № 844. Эта бумага от своих предшественниц отличалась только требованием «одностороннего вывода оккупирующих сил из Зангеланского района и города Горадиза», а также из других «оккупированных» недавно районов Азербайджанской Республики и все это теперь уже в соответствии с «Обновленным графиком неотложных мер по осуществлению резолюций... Совета Безопасности» с поправками, внесенными в него на совещании Минской группы в Вене 2—8 ноября 1993 года. НКР по-прежнему не существовала для СБ ООН, и отклика на свои многочисленные решения он все ждал от каких-то «армян нагорно-карабахского региона Азербайджанской Республики». Ответная реакция была все той же. Коротко ее вполне можно свести к формуле: «Спасибо вам большое, но судьбу НКР вы зря предопределяете, не ваше это дело». Штампую свои бессмысленные по большому счету и несправедливые к борющемуся Карабаху резолюции, СБ ООН умудрился не заметить на азербайджанской стороне большой группы афганских моджахедов. И не просто появления, а участия в боях. Правда, счастья азербайджанцам эти наемники, как и наемники русские и украинские, не принесли, но и международного осуждения бандитов и их бакинских нанимателей тоже не прозвучало. А что это как не поощрение беспредела? Только в январе 1994 года госдеп США под давлением Конгресса потребовал от Кабула

убрать своих моджахедов из Азербайджана. Это госдеп, но не СБ ООН. Делало ли что-либо подобное российское правительство, мне неизвестно. Скорее всего, не делало.

И СБСЕ в лице Минской группы, разрабатывая свои «графики», тоже постоянно шло на поводу у Азербайджана, выдвигавшего неприемлемые для карабахцев условия даже после очередного позорного поражения, нанесенного ими азербайджанскому воинству.

Не лучшим образом показывала себя и Москва. Не только в вопросе о наемниках. В ноябре случился столь беспрецедентный выкидыш козырьской дипломатии, что об этом стоит рассказать поподробнее.

Казус Казимирова

19 ноября утром Шаген Караманукян поделился со мной новостью: «Сегодня в 17.00 на армяно-азербайджанской границе в районе ее пересечения дорогой Казах — Иджеван мы ждем Казимирова. Он на этот раз почему-то решил из Баку в Ереван ехать таким путем, а не через Москву, как обычно».

Это место я знал, был там совсем недавно, 23 октября. Ездил туда с министром легкой промышленности Рудольфом Александровичем Теи-муразяном, который знакомил меня с действующими предприятиями в разных районах Армении и привез в Иджеван на ковроткацкий комбинат. Знакомились мы и с местными достопримечательностями — старинными монастырями и церквями. С горы смотрели на Казах. Совсем недавно он был главным местным рынком не только для азербайджанских, но и для армянских сел.

«Оттуда время от времени тоже постреливают, — сказал мне директор ковроткацкого завода Бабкен Галустович Худавердян. — Но это бывает не так часто. Более того, есть контакт у наших с властями Казахского района. Даже вместе выпивают и оплакивают мирное советское прошлое. Население, конечно, так не общается, как во времена, описанные Грантом Матевосяном. Но в перестрелках тоже не участвует. Занимаются этим военные, присылаемые издалека.»

Услышав от Шагена, что все обговорено и Казимирова едут встречать ответственные люди, и учитывая тот факт, что посредник чаще всего обходился без меня, а если что — посольство в его распоряжении, я своих планов менять не стал и вылетел в Москву за очередной суммой

долларов на нужды посольства. Дипломатическая почта тогда к нам еще не ходила, и я возил деньги сам, как пистолет, под мышкой.

Субботу я провел дома с младшей дочерью и зятем, а в воскресенье у меня звонил телефон. Это был Казимиров. Он сообщил, что его якобы обстреляли на границе «нехорошие армяне», и он в Армению не поехал, а вернулся в Баку и оттуда в Москву, где сразу же поставил вопрос об отзыве российского посла в Армении на консультации — в знак протеста.

— А ты, оказывается, уже в Москве. Как же теперь тебя отзывать? Ну да ладно, мы объявим о том, что тебя задержали здесь для консультаций.

— Если так, то хорошо бы предусмотреть действительно какие-то мои консультации с начальством.

— А зачем?

— Как зачем? Наверное, и меня неплохо бы выслушать. А потом, вернувшись в Ереван, я должен буду что-то рассказать об этих консультациях и руководству Армении, и журналистам, и общественности, и друзьям. Иначе, какой смысл называть вашу акцию «консультациями»?

Казимиров не захотел понять меня и принять мое предложение. Ему мои встречи с начальством явно были не нужны. Чудно! Он что, думал, я буду сидеть дома и ждать у моря погоды?

Когда мы с ним говорили, в нашу беседу ворвался кто-то из его бакинских друзей. Казимиров был, видимо, настолько загипнотизирован звонками из Баку, что тут же отключился от меня и перешел на разговор, который не должен был предназначаться для моих ушей, а я не успел положить трубку, как слышу:

— Ну как там наши ребята? — с неподдельной заботой спрашивал Казимиров своего бакинского собеседника.

— Все в порядке, все целы, все живы-здоровы.

Я положил трубку: неудобно подслушивать, не в моих правилах. А позже пожалел о своей щепетильности, когда увидел, какую пакость устроили азербайджанцы в сотрудничестве с Казимировым.

Через некоторое время Казимиров опять мне звонит. Начинаю понимать, что он в назначенное место и в условленное время, оказывается, не явился, и армяне его не дождались. На следующее утро, 20 ноября, вместе с азербайджанскими военными он отправился совсем в другом направлении, севернее, в сторону Ноемберянского района Армении, где постоянно стреляют и где его, естественно, не ждали.

— Кой черт тебя понес не туда и не тогда? Неужели ты не знаешь, что время и место встречи изменять нельзя, особенно там, где стреляют?

— Ты знаешь, мне хотелось посмотреть на азербайджанские деревни, сожженные армянами.

— А разве это входит в твои задачи? Ты же посредник в карабахском конфликте. Инспектирование армяно-азербайджанской границы — не твое дело. Зачем же зря рисковать?

— Ну, знаешь, полезно и это, — промямлил Володя.

— И там нас обстреляли армяне, — добавил он с наигранным негодованием, — а это пахнет серьезными осложнениями.

Оказывается, уже вечером 20-го возбужденный неадекватным докладом Казимирова и истерическими воплями посла России в Баку Вальтера Шония, который врал безбожно, лишь бы угодить азербайджанцам и начальству, господин Козырев успел публично заявить громкий протест в адрес армянских властей по поводу того, что утром был якобы обстрелян кортеж личного представителя президента России в карабахском урегулировании. В сообщении ИТАР—ТАСС это выглядело так:

«Сегодня при пересечении азербайджанско-армянской границы огнем из крупнокалиберного оружия с армянской стороны были обстреляны автомашины специального представителя Президента России, посла Казимирова и группы сопровождения. В результате пострадали сопровождающие российского представителя азербайджанские военнослужащие.»

Козырев заявил также, что «подобная варварская акция в отношении российского представителя вызывает возмущение и не может быть оправдана». И пригрозил «жесткими выводами».

Армянский МИД отреагировал на следующий день заявлением, в котором подробно рассказывалось, как азербайджанцы с Казимировым нарушили договоренность о месте и времени встречи, и потребовал от имени Армении, чтобы Россия создала компетентную комиссию для расследования всех обстоятельств происшествия, которое в Ереване расценили как азербайджанскую провокацию. Тогда же Ваган Папазян направил Козыреву срочную телеграмму. Он выразил искренние сожаления, но признался, что ему «непонятен резкий тон» заявлений Козырева. Папазян потребовал также публичных объяснений от Казимирова, «был ли он в курсе намерений азербайджанской стороны об изменении согласованного маршрута или сам стал невольной жертвой провокации,

организованной бакинскими властями». (Что точно — был, мы уже видели). Без таких объяснений, без четкого определения послом Казимировым своей позиции сотрудничество с ним в качестве посредника в карабахском урегулировании представляется затруднительным для Республики Армения, предупредил Ваган Папазян.

У Козырева это вызвало истерический припадок. В «праведном» гневе он обругал Папазяна с помощью странного эвфемизма «эта персона» и стал требовать срочно связать его с президентом Армении лично. Не добившись своего, он в понедельник 22 ноября устроил совместную с Казимировым пресс-конференцию, в ходе которой усугубил инцидент еще больше. Великий дипломат, понимаешь!

В то утро, ничего не подозревая об этой пресс-конференции, я отправился в МИД не столько за деньгами, сколько затем, чтобы уяснить обстановку и попытаться поправить дело, не дать развернуться козыревским холуям, которые в угоду любимому шефу могут сотворить нечто непоправимое. По МИДу уже ходил проект докладной на имя президента с предложением порвать дипломатические отношения с Арменией.

Первое, что я прочитал, было сообщение пресс-центра азербайджанского МИДа. Даже из него не явствовало, что обстрелян был именно официальный кортеж как таковой, а уж азербайджанцы это дело раздули бы как пить дать, особенно, если бы кто-то из их вояк пострадал. В сообщении говорилось, что обстреляна была «группа сопровождения В. Н. Казимирова», и назывался населенный пункт Ашагы Аскипара, где произошел инцидент. После этого я принял по ВЧ из Еревана, из нашего посольства, сообщение от поверенного в делах, который продиктовал мне версию армянской стороны со слов Давида Шахназаряна, не преминувшего выразить «сожаление по поводу случившегося, независимо от того, кто несет ответственность за инцидент». Он тоже недоумевал по поводу оценок, которые делались в Москве без выяснения реальных обстоятельств.

На основании этой информации и азербайджанского пресс-релиза я написал краткое изложение ВЧ-граммы для первого заместителя министра Анатолия Адамишина и директора Департамента СНГ Вадима Кузнецова с некоторыми собственными комментариями, чтобы показать нарушение азербайджанцами и Казимировым договоренности с армянами. Я подчеркнул, что в результате изменения маршрута «кортеж»

съехал с единственно приличной дороги Казах — Иджеван, отправился чуть ли не по горным тропам туда, откуда попасть можно только к грузинской границе, а не к Иджевану и Еревану. Армяне просили: не делайте этого, не гарантируем безопасность, не пускайтесь в этот путь без согласия армянской стороны. 20 ноября по радио «Свобода» в Ереване узнали, что в 11.00 произошел инцидент, но обошлось без жертв.

С этой бумагой я ознакомил и Чуркина, курировавшего в МИДе Закавказье, передав копию моего текста его помощникам.

А на пресс-конференции, которую он устроил вместе с Казимировым, г-н Козырев огласил «Заявление Совета Министров Правительства Российской Федерации» от 22 ноября. В этом заявлении совершенно определенно утверждалось, что спецпредставитель Президента Российской Федерации и сопровождающие его лица при пересечении границы в районе г. Казах «подверглись интенсивному обстрелу с армянской стороны». Правительство России, естественно, решительно осудило эту «беспрецедентную акцию, грубо попирающую нормы международного права», и потребовало «от высшего руководства Армении незамедлительно принести публичные извинения». А сам Козырев, переиначив этот текст, расшифровал «беспрецедентную акцию» как «нападение на личного представителя президента РФ».

Все это было грубой и бесстыдной ложью. Но самое удивительное — заявленное министром и с его подачи правительством не подтвердил даже сам участник инцидента (если не виновник). На той же пресс-конференции в присутствии Козырева «спецпредставитель президента» почему-то врать не осмелился и по существу признал, что в него, да и в кортеж тоже никто не стрелял. А если так, то о каком оскорблении президента и флага вообще может идти речь?

«Комендант района азербайджанский полковник Садыхов, — рассказывал Казимиров, — принял меры предосторожности и не дал нам следовать сразу всей колонной, а предпочел, чтобы мы переждали за холмом на окраине полуразрушенного села, и отправил вперед лишь передовую машину. Машина отсутствовала 40 минут...» Как потом говорил мне Давид Шахназарян, чтобы попасть в то место, где стреляли, казимиоровскому «кортежу» пришлось несколько раз нарушать армянскую границу, а дорога, по которой он поехал, заканчивается тупиком в виде противотанкового рва, «укомплектованного» минами. Азербайджанские сопровождающие об этом хорошо знали. Им нужно было не

Казиминова через границу переправлять, а провокацию устроить, в чем они с помощью Казиминова, Козырева и подыгрывавшего из Баку Шонии преуспели. Добравшись до нужного места, «кортеж» остановился, Казимиров и Садыхов действительно спрятались в укрытие, а вперед пустили «уазик», покрашенный в защитные цвета, одинаковые для советской, российской, армянской, карабахской и азербайджанской боевой техники. И этот «уазик» сорок минут катал взад-вперед на двухкилометровом отрезке тупиковой дороги, пока в него кто-то не начал стрелять. Офицер и два солдата, сидевшие в нем, тут же покинули его и забрались то ли в окоп, то ли в придорожную канаву, где спокойно ждали окончания операции. «Уазик» загорелся, значит, нехорошие армяне покусились на «кортеж» московского гостя, что и требовалось доказать, вернее, показать. Непосредственные участники автопровокации благополучно вернулись к своим. Это, видимо, и были те самые «наши ребята», о которых так участливо пекся Казимиров в разговоре со своим бакинским собеседником, который ворвался в наш с ним телефонный разговор 21 ноября.

Во вторник 23 ноября российские газеты массированно обрушили на Армению кучу всяческих обвинений. Особенно постарался корреспондент газеты «Сегодня» Вахтанг Джанашия. Совсем недавно я часа три разъяснял ему в моем кабинете в Ереване все аспекты карабахской проблемы и армяно-азербайджанских отношений. Он специализировался тогда на поношении армян, и мое интервью было, признаюсь, попыткой «просветить» его и даже, чем черт не шутит, «перевоспитать». Наивной, наверное. Этот журналист, правда, ссылаясь на Шонию, преподнес историю с Казимировым таким образом, будто стреляли прямо по его машине, и она чудом увернулась от пуль армянских злодеев, а несколько азербайджанцев было убито и ранено. Мы встретились с Джанашией в тот же день в «Армянском подворье», как я называл в шутку две комнатки госделегации Олехандрова в мидовском здании на улице Веснина (ныне снова Денежный переулок), где когда-то жил Андрей Белый. Это тот, где аптека. Джанашия принес на просмотр текст того самого интервью. Я не преминул ткнуть его носом в его, мягко выражаясь, необъективный репортаж на первой полосе газеты, но он тут же спрятался за спину Шонии, от которого получил ложную информацию, а проверять, дескать, некогда было — сенсация же! Да и вроде бы принято как-то послабее доверять.

Он согласился добавить в мое интервью фразу, которой я хотел минимизировать инцидент. Но все интервью, подготовленное к публикации на 25 ноября, было снято по звонку из МИДа, и на его месте появился текст Карасина на отвлеченную тему.

Вслед за Джанашией особо отличились некий Александр Гольц из «Красной Звезды» и известный Леонид Млечин из «Известий». Оба усердно мусолили козыревское вранье.

Правительство Армении 23 ноября повторило, что оно глубоко сожалеет по поводу обстрела автомашины из сопровождения Казиминова, напоминало, что последний поехал не туда, где его ждали, сообщило, что военная прокуратура уже приступила к расследованию инцидента и предложило правительству России направить компетентную комиссию с целью детального рассмотрения всех обстоятельств этого происшествия. Если комиссия установит виновность армянской стороны, Армения принесет свои извинения публично, говорилось в этом заявлении.

Хотя по МИДу, я пытался получить официальное указание о том, что меня «задержали» в Москве, от кого-нибудь из мидовских бонз, а не по радио и телевидению, как оно, собственно, и было. Попросился к Виталию Чуркину как куратору посольств в Закавказье. Он — в коридоре — чуть ли не возопил: «Чур, чур, чур меня!» И отфутболил к Адамишину. Другой зам Козырева, уж не буду называть его фамилию, тоже в коридорной беседе сказал мне, что министр зациклился на собственной позиции, и его теперь с нее не свернуть. «Раз Козырев что-то вякнул публично, то уж теперь все, хотя вы, Владимир Петрович, может быть, и правы на все сто», — сочувственно заметил молодой кадр.

Адамишина я тогда не застал в его кабинете и подумал: а почему бы мне не организовать себе «консультации» в более авторитетном месте, чем МИД? И я позвонил Вячеславу Костикову, с которым был знаком по Парижу, когда он работал в ЮНЕСКО. Вячеслав тут же назначил мне встречу.

24 ноября я пришел в Кремль. Костиков принял меня дружелюбно, внимательно выслушал мой вариант интерпретации происшествия с Казимировым, который явно расходился с козыревским, и позвонил Дмитрию Рюрикову: «Тут у меня старый парижский знакомый Ступишин Владимир Петрович, посол в Армении. Он рассказывает такие вещи, что, похоже, Козырева подставили. Не хочешь ли сам услышать?» Рюриков захотел, но у него было какое-то запланированное ранее

мероприятие, и мне пришлось ждать минут сорок, которые я провел у Анатолия Красикова, работавшего в президентской пресс-службе вместе с Костиковым.

Рюриков тоже выслушал меня, но от обсуждения «казуса Казимирова», который вполне можно было бы назвать и «казусом Козырева», уклонился. Зато не преминул посетовать на армян, которые, по имеющимся у него сведениям, якобы ведут двойную игру, выставляя Россию перед Западом претендентом на «имперскую политику». Я сказал ему, что о такого рода действиях Армении мне ничего не известно, а известно о том, что она ориентирует свою политику преимущественно на Россию и верить ей можно.

Рюриков заговорил о каком-то мифическом проекте трубопровода из Азербайджана через Армению в Россию, согласованном с Гейдаром Алиевым.

— А не повернут в Турцию?

— Нет, речь идет о том, что вывод трубы на Россию — обязательное условие.

— Ну тогда вы можете быть уверены, что Армения проголосует «за» обеими руками.

А про себя я подумал: это что-то новое, я о таких проектах не слышал. Не слышал ни тогда, ни позже. Через Грузию в Турцию — понятно. Через Армению в Турцию — тоже понятно, но для этого нужен мир в Карабахе. А вот через Армению в Россию, до этого пока никто не додумался, да и география не позволила бы.

Вечером я все же увиделся с Адамишиным. Не успел подойти к его кабинету, Казимиров тут как тут, хочет присутствовать при нашем разговоре. Анатолий удалил его полусутоливой фразой: «Заварил кашу, иди теперь, расхлебывай». Со мной он тоже полностью соглашаться не стал, но конкретный интересовавший меня вопрос решил быстро.

— Ты когда собирался обратно в Ереван?

— В субботу.

— Ну тогда будем считать, что тебя задержали до понедельника.

— Значит, я улечу во вторник.

— Вот и хорошо. Привет Ноне.

— Спасибо. Привет Оле.

Вот таким образом я организовал себе «консультации», ради которых вроде бы и был «задержан» в Москве, о чем писала и московская,

и ереванская пресса. Г-н Козырев «задержанного» им посла своего внимания не удостоил.

А события развивались дальше. Заявление правительства Армении от 23 ноября Козырева не удовлетворило, и он, используя форму интервью «Интерфаксу», уже 24 числа пригрозил: «Кажется в Ереване задались целью довести дело до санкций. Обнадеживает только то, что это происходит в отсутствие в Ереване президента Левона Тер-Петросяна, который еще может скорректировать ситуацию, на что я очень надеюсь».

25-го Левон Тер-Петросян собрал дипломатов, аккредитованных в Ереване, и поддержал позицию своего правительства и МИДа, но подчеркнул, что досадный инцидент — недоразумение в отношениях России и Армении и скоро будет улажен. Поверенному в делах России Старикову он сказал: надо найти выход, достойный для обеих сторон, оптимальный вариант — спустить все на тормозах, не делать больше заявлений, не нагнетать атмосферу. Но публичных извинений не будет, не за что извиняться, — твердо сказал президент. Поверенный отреагировал, стараясь быть в козыревской струе, чтобы было, что начальству доложить: дескать, дал надлежащий ответ и так далее, как обычно пишется в дипломатических депешах, даже если дипломат блекотал что-то невразумительное или вообще чуть ли не поддакивал. Ну это я так, к слову, безотносительно к данному конкретному случаю. Президент втягиваться в полемику со Стариковым не стал и правильно сделал, прекрасно понимая, что имеет дело с чисто чиновничьим поведением.

26 ноября МИД России выразил свое неудовольствие отказом Армении принести извинения не известно за что. Но уже не возмущался по поводу ущерба российскому флагу, каковой в действительности и не имел места. Стреляли все-таки не в личного представителя президента России, а в машину сопровождения, — признал рупор МИДа. Не «пондравившись» дипломатам со Смоленской площади и появившиеся в печати предположения о крутом проазербайджанском крене в российской политике, что в тот момент было очевидным фактом.

Армянская община в Москве сделала внушение Козыреву за его хамство по отношению к Армении. И это, видимо, тоже сыграло положительную роль в охлаждении пыла зарвавшегося псевдопатриота, захотевшего поиграть мускулами накануне парламентских выборов: смотрите, мол, какой я державник, не побоялся даже самой Армении нахамить!

Никакой комиссии Москва, конечно, никуда не послала, но 30 ноября, после двух встреч Козырева с «этой персоной» Папазяном в Риме, во время совещания министров иностранных дел стран СБСЕ, было объявлено, что инцидент исчерпан, а Давид Шахназарян вылетел в Москву для контакта с Казимировым.

В этот же день посол России вернулся в Ереван и, отвечая на вопросы журналистов, высказался по поводу инцидента в том же духе, что и Левон Тер-Петросян: мы имеем дело с недоразумением, у которого не должно быть серьезных последствий.

Оба мы ошибались. Последствия все же были. И довольно серьезные. Г-н Козырев, как оказалось, не успокоился и добился-таки ужесточения санкций против Армении, невзирая на наступление очередной блокадной зимы и возобновившееся военное давление Азербайджана на Карабах и армянское пограничье.

25 ноября Карен Бабурян отправил Марио Рафаэлли послание, в котором дал согласие на новый «График неотложных мер», но с обычными оговорками и критическими замечаниями. При этом подчеркивалось, что во всех случаях под термином «сторона в конфликте» карабахцы понимают признание за НКР международно-правового статуса воюющей стороны со всем объемом юридических последствий этого признания и что именно очевидностью этой посылки обусловлено дальнейшее участие НКР в Минском процессе.

Азербайджан 30 ноября отверг и этот график и подтвердил свое категорическое нежелание признавать НКР даже просто «конфликтующей стороной» или «воюющей стороной», снова лишив смысла какие бы то ни было переговоры. Было ясно, что Баку замышляет новую военную авантюру. На линии соприкосновения началась концентрация азербайджанских войск, а в первых числах декабря они уже предприняли широкомасштабное наступление. Забегая вперед, скажу сразу: азербайджанское наступление, вернее, попытки наступать, с переменным успехом продолжались больше двух месяцев. При соотношении десять к одному в военной силе в пользу азербайджанцев их потери были тоже порядка десять к одному, так как карабахцы защищались отчаянно, и Азербайджан потерял более 5000 солдат и офицеров, свыше 60 единиц бронетехники, включая 40 танков, а также самолеты, установки «Град», артиллерийские орудия. Карабахцы потеряли в десять раз меньше солдат, а свою подбитую технику полностью восстановили за счет трофей-

ных танков и БМП. Попытки Гейдара Алиева решить карабахскую проблему силой с треском провалились. Не попал он ни в Степанакерт, ни даже в Физули, как планировал. Пришлось снова обращаться к России за посредническими услугами.

На протяжении всей зимней кампании посольство информировало Москву о военных приготовлениях азербайджанцев, а потом и о ходе военных действий, но не получило ни одного отклика. Все летело, как в бездонную бочку.

Вернувшись в Ереван, я сразу же связался с Арманом Киракосяном, и он меня быстро ввел в курс всех наших дел. Арман был полностью согласен, что «казус Казимирова» надо интерпретировать как недоразумение и не заикливаться на нем. Однако здесь, в Ереване, шум, поднятый Козыревым, расценили поначалу как изменение политики России, как ее крен в сторону Азербайджана, непонятный в условиях совместного России и Армении противостояния проникновению Турции в Закавказье и Среднюю Азию.

Я сказал, что не надо так глубоко копать, в Москве предвыборный бардак, Козырев хочет в Думу и демонстрирует всем свой «патриотизм», российская государственность не устоялась, и МИД пока еще не тот, каким был и должен бы стать снова, да утрачены традиции, благодаря которым наша дипломатия даже советского периода не уступала по своей профессиональности французской и британской дипломатическим школам.

Арман передал мне пожелание Давида Шахназаряна увидеться со мной. Он только что вернулся из Москвы, где показывал Козыреву и Казимирову фотоматериалы, разъясняющие обстоятельства инцидента на границе.

После обеда я поехал к Давиду. Он и мне презентовал эти фотоматериалы и информировал о беседах в Москве. Давид был уверен, что Казимиров действовал в инциденте совсем не «сгупа», а зная, что делает. Но надо это дело поскорей забыть. Вот только извиняться армянам не за что, а Козырев все требует. Кстати, даже инициаторами стрельбы по азербайджанскому джипу могли быть совсем не обязательно армянские пограничники, а какие-то провокаторы.

Давид согласился с моим замечанием о том, что кто бы ни был прав или виноват, армянам надо проявлять особую бдительность, раз на них отовсюду бочки катят, и предусматривать буквально все до мелочей, даже

невероятное и невозможное. А сейчас надо вытащить в Ереван проштрафившегося Казимирова и продолжить с ним карабахские переговоры как ни в чем не бывало. Давид сообщил, что он его уже звал, но у того не было «ценных указаний» г-на Козырева.

Со ссылкой на Шахназаряна я написал в Москву, что руководство Армении по-прежнему ценит миротворческую посредническую роль России и готово в ближайшее время принять Казимирова для дальнейших переговоров.

9 декабря меня пригласил к себе президент Левон Тер-Петросян и в присутствии Давида Шахназаряна, Армана Киракосяна и своего пресс-секретаря Левона Зурабяна произнес полный драматизма монолог, о котором я немедленно информировал Ельцина. Думаю, что эта информация сыграла положительную роль в российско-армянских межгосударственных отношениях, но поставила крест на моей дальнейшей карьере. Такой исход я предвидел заранее, поэтому советовался с женой, и она меня поддержала. Я пошел на этот шаг, будучи абсолютно уверенным, что это — единственно возможное решение с точки зрения императивов защиты правильно понятых российских национальных интересов, а для меня лично — еще и нравственный долг.

Итак, что же сказал президент и что добавил к этому посол?

А президент сказал примерно следующее:

«Владимир Петрович, вы, наверное, догадываетесь, что я пригласил вас в связи с конфликтом, вызванным известным инцидентом с Казимировым. О самом инциденте я распространяться не хочу. Там все абсолютно ясно. Чего ожидают от нас те, кто от имени России ставят ультиматумы? Как глава государства требование ультиматума я выполнить не могу, ибо оно несправедливо. Поэтому предлагаю просто забыть об инциденте как о досадном недоразумении.

Это — не вопрос амбиций и не мое личное дело. Сам я лично могу попросить извинения у Бориса Николаевича Ельцина, если он действительно считает, что мы в чем-то виноваты. Но со стороны армянского государства такого ответа не будет, ибо это было бы несправедливо, ведь сам факт, спровоцировавший ультиматум, очевиден.

В течение двух лет межгосударственных отношений, сотрудничества с Россией у нас не было ни одного момента, где мы не нашли бы должного взаимопонимания как в двустороннем плане, так и в рамках СНГ. (...) А вот в инциденте с Казимировым далеко не все было предпринято

даже с формальной точки зрения, чтобы в нем разобраться. У нас же есть соглашение о политических консультациях. Почему этот механизм не задействовали для выяснения обстоятельств, как предлагал мининдел Армении Папазян?

Резкие антиармянские заявления Козырева для нас полная неожиданность. Но подоплека их ясна. Россия ждет от нас, чтобы мы сделали подарок Алиеву. Хотя прямо об этом и не говорится, но косвенных намеков много. Но что получают Армения и Нагорный Карабах? Вы хотите «наградить» Алиева за наш счет? Мы готовы к переговорам. Об этом и Козыреву в начале ноября говорили. Для этого нужен визит Казимирова в Ереван. Приглашение остается в силе. По моей инициативе и Давид в Москву на днях летал.

Разрыв в контактах считаю ненормальным, как и то, что Россия, не выяснив обстоятельства случившегося, начала прибегать к санкциям против Армении. Правительство России приостановило выполнение обязательств, задержало выделение кредитов, грозит закрытием корреспондентских счетов. Идет замораживание отношений на бюрократическом уровне. Но при этом буквально все, подтверждая свою готовность продолжать сотрудничество, ссылаются на то, что «сверху» спущена какая-то негласная директива «потеснить» Армению и что дальнейшему нормальному ходу дел препятствует ведомство Козырева. Возникла угроза приостановления подачи нефтепродуктов — кивают на Сосковца. И банкирам в Минфине говорят, что нужно спецуказание для продолжения переговоров с Арменией.

Ради чего все это делается? «Подарок» Алиеву нужен? Так мы готовы обсуждать это и без такого вот давления со стороны России. Мы сами считаем, что кое-какие уступки со стороны Нагорного Карабаха прежде всего нужны ему самому, о чем мы сами твердим карабахцам, призывая их сделать жест доброй воли. Кстати, их положительный ответ на новый график СБСЕ — уже движение в этом направлении.

В карабахском вопросе позиции Армении и России совпадают. Здесь есть предмет для разговора. Но предстоит трудная работа, в том числе со стороны России, которая почему-то и с карабахцами контакты сократила.

Кстати, и армянская внутренняя оппозиция, и некоторые круги диаспоры в Москве подпитывают отрицательное отношение правительства России к Армении, а наша задача — исчерпать инцидент, восстановить

все контакты, двигать вперед межгосударственное сотрудничество, которое не дано сокрушить ни мне, ни Козыреву.

Армения — это то, что у России уже есть в Закавказье. Азербайджан — то, чего нет и никогда не будет, какие бы тактические ходы Баку ни предпринимал. Армения хочет жить вместе с Россией. Зачем же ее отталкивать?»

Вот такие слова произнес Левон Акопович и попросил меня донести их смысл до сведения Бориса Николаевича, что я и сделал. Но не ограничился изложением услышанного, а добавил свои соображения и предложения.

Укрепляя свой пояс безопасности, может ли Россия позволить себе пренебречь своим самым надежным союзником в Закавказье, которым всегда была Армения? Союзника не ставят на колени, даже если он виноват. Тем более несправедливо делать это в связи с инцидентом, который не может рассматриваться как умышленная антироссийская акция со стороны Армении.

Санкции России против полузадушенной республики, живущей в условиях, почти равнозначных ленинградской блокаде, бьют прежде всего по простым людям.

Эти санкции бьют и по собственно российским экономическим интересам, ибо в Армении еще есть производства, институты, головы, которые нужны России, нужны ряду отраслей ее хозяйства, включая «оборонку».

Санкции ударят и по русским гражданам Армении, которые вместе с армянами уже страдают из-за азербайджанской блокады, а из приграничного Красносельска их уже выбили в Россию азербайджанские «Грады».

Санкции могут осложнить положение и наших военных, которые вместе с армянами защищают рубежи и России, и всего СНГ.

Необходимо срочно снять все препоны, по крайней мере, в отношении невоенных направлений сотрудничества, особенно тех, которые затрагивают жизнеобеспечение населения Армении, удовлетворить просьбу президента о кредите для поддержания армянской валюты, оказать Армении содействие в МВФ.

Высказался я и за активизацию российской посреднической миссии в карабахском вопросе и предложил поднять ее уровень путем привлечения к этой деятельности близких к правительству членов Федераль-

ного собрания, которое будет избрано 12 декабря, и других политических деятелей.

Прошла неделя, и я узнал, что в Москве все еще дуются на Армению, которая инцидентом с Казимировым нанесла-де «личное оскорбление» российскому президенту, и продолжают ждать каких-то особых извинений. Эта упертость меня поразила. Все знают, что была азербайджанская провокация. Об этом мне в один голос говорят даже западные дипломаты. Поездка Казимирова не в ту сторону рассматривается ими как проявление непростительного непрофессионализма. Это — по меньшей мере. В любом случае все считают, что самое умное — это тихо спустить все на тормозах, а не раздувать неадекватную шумиху до неприличия.

И 19 декабря я счел необходимым обратить внимание российского руководства на то, что Соединенные Штаты наращивают гуманитарную помощь Армении, исчисляемую уже в миллионах долларов и разрабатывают программы вывода Армении из экономического кризиса. На этом фоне весьма странными выглядят «санкции российских министров» из-за искусственно спровоцированного повода. И добавил: непонятная реакция Москвы на недоразумение, каким является «казус Казимирова», явно ослабляет позиции России во всем регионе и создает вакуум, которым неминуемо воспользуются другие.

Обе мои информации вызвали гнев г-на Козырева, а может быть, и не только его. Но мой протест сработал.

28 декабря я устроил в «Раздане» дипломатический завтрак для МИДа. Были министр Ваган Папазян, его замы Арман Киракосян, Георгий Казинян, Эдуард Мелконян, все директора управлений и мой друг Ашот Мелик-Шахназаров. Ваган Папазян с удовлетворением говорил о недавних контактах с Козыревым и о достигнутой договоренности возобновить карабахские переговоры в Москве — сначала на экспертном уровне, а затем и на высшем. В Ашхабаде во время встречи руководителей стран СНГ эту линию предложил Левон Тер-Петросян, и Ельцин его поддержал. Роберта Кочаряна приняли в МИД России: он встречался с первым заместителем министра Адамишиным. Скоро по российскому телевидению его покажут в карауловском «Моменте истины».

28 декабря на брифинге в Москве рупор МИД России заявил, что все — инцидент с Казимировым урегулирован. Правда, текст заявления об этом был нагло лживый по-козыревски. В нем повторялась выдумка,

будто бы 20 ноября «с армянской стороны была обстреляна посредническая миссия России», а тот факт, что в Ашхабаде президенты, скорее всего, просто объяснились, выдавался за «извинения» все той же армянской стороны. Но Бог с ними, главное — на этот раз инцидент был действительно исчерпан и можно было продолжать нормальную работу.

6 января на рождественском приеме у католикоса в Эчмиадзине только что вернувшийся из Москвы премьер-министр Грант Багратян меня очень обрадовал. Он виделся с Черномырдиным, и 4 января они договорились о сотрудничестве в восстановлении АЭС, о размораживании кредитов Армении, о финансировании работ в зоне бедствия. Обсудили также проблему создания системы ПВО, и соответствующее поручение дано П. С. Грачеву. Атмосфера переговоров была хорошая. Дело сдвинулось с мертвой точки, поставленной было Козыревым и иже с ним.

Грачевский Протокол

«Казус Казимирова» уладили, но на фронтах Карабаха снова разворачивалось многодневное сражение. Алиев гнал на убой молодых ребят под дулами заградотрядов, стрелявших по своим. Международное сообщество как в рот воды набрало.

Побывавший в Вашингтоне Гарри Гилмор, с которым мы 2 января увиделись в Филармонии, жаловался на то, что в США мало кто понимает реальную ситуацию в Закавказье, высказывал свое беспокойство по поводу распространения заразы наемничества — одних афганских моджахедов в Азербайджане тысячи полторы, если не больше.

— Вы правы — это беда. Пора принимать меры. Надо начать с осуждения собственных граждан, занимающихся этим преступным промыслом. Вон у нас тоже ивановские дураки поддались на азербайджанские посулы и полезли под пули, которых Баку не жалеет даже для собственных дезертиров. Нужен и международный механизм применения норм, запрещающих наемничество.

— По-моему, тоже пора заняться этим делом. И в том, что касается моджахедов в Азербайджане, все ясно. Можно не признавать де-юре НКР, но Баку-то совершает преступление, используя наемничество и применяя вооруженную силу против «собственного» населения, раз для него НКР не существует.

Баку тогда даже праздничное перемирие, предложенное 30 декабря Казимировым, принять не захотел. Провалившись весной, летом и осенью, азербайджанские политики решили взять реванш зимой, надеясь, что на этот раз им обязательно повезет, и они сломят Карабах. В начале января было похоже, что у них действительно что-то получается. Во всяком случае, Роберт Кочарян, позвонивший мне 7 января, был в плохом настроении: «Из Ирана просачиваются азербайджанские отряды и бьют по карабахским тылам. Мы держимся, но нам все труднее, ведь воевать приходится не с одними только азерами. А Казимиров чему-то радуется. Но если так пойдет дальше, кому понадобятся его инициативы?»

На следующий день я побывал в Гюмри на проводах Леонида Лазаревича Полонского, уезжавшего в Питер. Там общался с нашими военными. Для них «казус Казимирова» яснее ясного — типичная провокация. И посредническая деятельность его — игра на стороне Азербайджана, которая вряд ли даст позитивные результаты. По мнению Федора Реута, пора усаживать воюющие стороны за стол переговоров без Казимирова, под протекцией российских военных.

Так оно очень скоро и будет. Но для того, чтобы это произошло, азербайджанцам потребуется потерпеть еще одно поражение от висевших буквально на волоске карабахцев, которые сумели мобилизовать все свои силы и опрокинули замыслы намного превосходившего их противника. Слава Богу, не помогли ему ни разноплеменные наемники, ни практически неограниченное количество боеприпасов, ни турецкая помощь, ни попустительство Москвы. Попустительство — это, мягко выражаясь. Господа Козырев и Казимиров все время пытались выкрутить руки карабахцам, пугая их огромностью и богатством мусульманского мира, который якобы чуть ли не весь стоит за спиной Азербайджана, а Россия де вообще «мало что может». И то, и другое на самом деле отнюдь не соответствовало действительности. Роберт Кочарян был прав, когда в интервью Павлу Фельгенгауэру из газеты «Сегодня» заявил, что «со стороны России пока не было решительных и действительно адекватных ситуации шагов по урегулированию конфликта».

После московских переговоров 18—20 января 1994 года, которые Козырев и Казимиров вели по отдельности с Гасаном Гасановым, Ваганом Папазяном и Аркадием Гукасяном и которые опять ни к чему не привели, не состоялась и встреча Ельцина с Алиевым, Тер-Петросяном

и Кочаряном (или Бабурыном). Вместо этого в Ереван и Степанакерт снова явился Казимиров — с «обновленной российской инициативой». Армяне и карабахцы поддержали его предложение о трехнедельном перемирии, он отправился в Баку, получил там отказ и начал требовать, чтобы карабахцы на три дня прекратили огонь и позволили выволочь азербайджанских аскеров, проникших в Кельбаджарский район по горным тропам через Муровдаг и попавших в окружение. Давид Шахназарян удивился: «Мы уже ответили согласием на трехнедельное перемирие, что же вы на ходу меняете собственные предложения, Владимир Николаевич?» Казимирову крыть был нечем, тем более, что он сам, наконец, признал нежелание Алиева идти на мировую. «Правда, что-то не видно и не слышно от Москвы ни действий, ни хотя бы заявлений, осуждающих такую позицию Баку», — заметил Давид. Очень странным, по его словам, выглядело и намерение Казимова пересечь армяно-азербайджанскую границу в районе нахичеванского погранпункта, где регулярно вспыхивают перестрелки. Уже не хотелось ли ему повторить ноябрьский инцидент? Давид приложил все усилия, чтобы не допустить новой провокации, на которую потянуло Казимова. Он же отверг и показавшуюся ему подозрительной идею Казимова о встрече Аффиятдина Джалилова с кем-нибудь из руководства армянского Верховного Совета: уж не попытка ли это перевести переговорный процесс в плоскость противостояния Армении и Азербайджана? Собственно, в этой плоскости находился и «казус Казимова» в ноябрьском варианте, туда же вписался бы и «казус Казимова-2», если бы хитроумный Вова отправился через Садарак в Нахичеван в январе 1994 года.

Не успел швед Ян Элиассон сменить Марио Рафаэлли во главе Минской группы, как азербайджанцы попытались возобновить свои наступательные действия и, как сообщил мне 15 февраля Манвел Саркисян, главным их успехом стало взятие Горадиза, откуда по плотине через Аракс есть выход на автостраду, ведущую в Нахичеван. Брели Горадиз они с помощью русских наемников. Но в основном установленная в октябре линия соприкосновения с ними в этом районе, сохранилась. А из Кельбаджарского района азербайджанских окруженцев выдавили за Омарский перевал Муровдага, и в руки карабахцев попало много военной техники. Ожесточенные бои продолжались на всех направлениях. Поля сражений были усеяны десятками и сотнями трупов. В большинстве своем это были азербайджанские солдаты и офицеры, которых Алиев

безжалостно бросал на оборонительные позиции отчаянно сражавшихся карабахцев.

Павел Сергеевич Грачев, которому надоели козыревско-казимировские дипломатические интриги, решил взять дело в свои руки. И сделал это в удачный момент. 18 февраля по его инициативе в Москве за столом переговоров собрались министры обороны Азербайджана и Армении, а также полномочный представитель вооруженных формирований Нагорного Карабаха. Российский министр выступал в роли посредника. Именно фамилии М. Мамедова, С. Саркисяна, Б. Саакяна и П. Грачева стоят под Протоколом от 18 февраля 1994 года о полном прекращении огня и военных действий с 1 марта и отводе войск на согласованные рубежи с 4 марта, о создании зоны взаимной безопасности, размещении там постов наблюдения из представителей сторон и России. Очень интересным был пункт 7-й, в котором посреднику, то есть российскому министру обороны, в случае нарушения достигнутых договоренностей предоставлялось право «применять все необходимые меры воздействия и средства, вплоть до военных». Мне кажется, это — самый существенный пункт «Протокола». В нем суть позиции Грачева, который на открытии встречи, если верить газетам, предупредил: «Если и данная встреча не даст результатов, я больше никогда не выступлю в роли посредника». Встреча оказалась результативной: не прошло и трех месяцев, как было установлено длительное перемирие на карабахском фронте.

МИД России не стал оспаривать заслуги Минобороны и 22 февраля публично одобрил Протокол, сделав вид, что к нему причастен Казимиров, хотя этот документ целиком — дело рук военных, вплоть до некоторых ошибок в терминологии, которые Казимиров вряд ли бы допустил. Министерство призвало все стороны строго соблюдать договоренности и незамедлительно перейти к заключению полномасштабного политического соглашения. На этот раз Смоленская площадь воздержалась от каких бы то ни было обвинений в адрес Армении и Нагорного Карабаха и даже попросила членов СБ ООН и Минской группы СБСЕ поддержать предпринятые усилия, направленные на установление мира в зоне карабахского конфликта.

Накануне мы, дипкорпус, были у президента Левона Тер-Петросяна, который информировал нас о проблемах с доставкой хлеба в Армению и о тяжелом положении Грузии, отрицательно влияющем на транспортировку грузов, особенно энергоносителей. Он просил подумать,

как представляемые нами страны могут подействовать Армении в решении этих проблем.

Отвечая на вопрос Франс де Артинг о подписанном в Москве при посредничестве Грачева Протоколе, президент подчеркнул, что его появлению на свет способствовал полный провал наступательных действий Азербайджана, который понес большие потери, а в результате получил тот же статус-кво, что и был до начала этих действий. Может быть, теперь откроется путь к серьезным переговорам. Сейчас для Армении самое главное — удержать карабахцев от развития успеха. Они уже перешли Омарский перевал, но пока остановились там, а в других местах могут попытаться восстановить положение (Горадиш? Шаумян?) и пойти дальше. «Друзья Азербайджана, — продолжал Тер-Петросян, — должны подсказать Гейдару Алиеву, что он попадет в тяжелое положение, если не отреагирует правильно на нынешнюю ситуацию. Правда, на быструю психологическую перестройку азербайджанского президента рассчитывать не приходится. Но он должен знать, что возможен новый дисбаланс, который затруднит дорогу к миру.»

Президент понимал, что с азербайджанцами надо все время держать ухо востро. Уже 23 февраля, когда посольство вместе с руководством министерства обороны Армении, пограничниками, ветеранами и нашими военными участвовало в возложении венков к вечному огню по случаю Дня защитника Отечества, Сержик Саркисян на мой вопрос, как обстоит дело с грачевским перемирием, ответил: азербайджанцы уже говорят, что их не так поняли, они хотят не отвода войск на 10 километров с размещением посредине российских миротворцев, а просто ухода «армянских» войск отовсюду; тем самым они отказываются от безусловного прекращения огня, а Четин в Анкаре заявил Липаритяну, что турки вообще воспротивятся реализации московской договоренности. Вот, оказывается, откуда растут ноги!

28 февраля в Ереван прибыл генерал-полковник Георгий Кондратьев во главе группы военных наблюдателей и с ними Казимиров. Армяне отдали приказ о прекращении огня с 1 марта, карабахцы тоже, азербайджанцы продолжали стрелять. После встречи с Левоном Тер-Петросяном московские гости полетели в Баку, но Алиев отверг Протокол от 18 февраля, заявив: русских солдат в Азербайджан не пущу. Кондратьев возвратился в Москву через Ереван, а Казимиров застрял в Баку, куда прибыл Ян Элиассон, новый шеф Минской группы.

2 марта я был у Давида Шахназаряна. Будучи назначенным на пост директора Главного управления национальной безопасности, он продолжал заниматься карабахской проблемой. Мы говорили с ним о разных делах и в том числе о визите генерала Кондратьева в Баку, а потом пошли к президенту, который основное место в беседе со мной отвел российской инициативе с перемирием в Карабахе. «Узнав от Кондратьева об отрицательной реакции Алиева, мы предложили карабахские окопы для размещения миротворческих сил. А если надо, то и у азеров прихватим и вам отдадим, — пошутил президент. — Однако шутки в сторону. Россия должна либо продолжать начатое Грачевым и довести до конца, либо официально объявить, что план провалился по вине Азербайджана. Казимирова тоже предупреждали, что будем ждать фиксации Россией, по чьей вине не вышло, и только после этого будем готовы работать над новым планом России, предлагаемым МИДом. По тому, как тот реагировал, ему наш подход явно не понравился.»

Президент сформулировал два варианта возможного развития событий.

Вариант первый: заставить Алиева вернуться к ориентации на помощь России и дать ему ясно понять, что Карабах не стал бить азербайджанцев дальше только из уважения к российской инициативе, хотя ему это и далось с трудом.

Вариант второй: осуществить российский план в одностороннем порядке — в карабахских окопах, как об этом и говорилось генералу Кондратьеву.

И вообще Россия не должна допустить, чтобы образовавшийся с ее удалением из Азербайджана вакуум заполнили Турция и НАТО. Карабахское урегулирование — наилучший повод для возвращения России и не надо обращать внимания на обвинения в том, что она преследует имперские цели.

Все эти и другие идеи Левона Акоповича я передал российскому руководству. Руководство, как всегда, ответило гробовым молчанием. За него говорил Казимиров. По словам Давида, который имел с ним крупный разговор по телефону, он отрицательно реагировал на требование признать ответственность Баку за провал грачевского плана.

А вот Кондратьев считал целесообразным 2 марта направить министрам обороны Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха послания, в которых предложил в соответствии с Протоколом от 18 февраля

соблюдать прекращение огня, отвести 2—4 марта тяжелую технику в согласованные районы, осуществить 3—5 марта отвод войск на Мардакертском и Физулинском направлениях с последующим размещением смешанных постов наблюдателей.

Армяне ответили: если Нагорный Карабах и Азербайджан согласятся, мы тоже «за». Карабахцы: мы готовы соблюдать и впредь режим прекращения огня и приступили к отводу бронетехники. Азербайджанцы начали новое наступление на Физули, а в Москву отправили депешу с обвинениями в адрес карабахцев. И еще какую-то делегацию для сепаратных переговоров с Казимировым. Об этом я узнал из передач российского ТВ и радио «Россия» вечером 4 и утром 5 марта. Арман Киракосян подтвердил мне по телефону: «Нас не приглашали».

6 марта в гостинице «Армения» председатель Минской группы Ян Элиассон информировал дипкорпус о своих контактах в Баку, Степанакерте и Ереване. У него сложилось впечатление, что все хотят переговоров, все озабочены будущим, а в Баку к тому же поняли, что их наступательные действия ничего не дали и что военное решение невозможно.

Прекрасно!

А дальше — нюансы.

Армения и Карабах — за миротворческие силы. Азербайджан хочет всего лишь, чтобы международное сообщество более пристально следило за положением. Сам Элиассон — за взаимодействие СБСЕ с Россией и ООН. При наличии альтернативы — либо Россия, либо СБСЕ — стороны могут играть на этом.

Я заверил его, что Россия поддерживает его миссию и будет с ним обязательно взаимодействовать. Хорошо, что за дело взялась нейтральная Швеция. Надо бы вспомнить и о Хельсинкском Заключительном акте как основе для действий Минской группы и о Стокгольмском Итоговом документе 1986 года о мерах доверия, которым, возможно, вдохновлялся сам Элиассон, выдвигая идею мер доверия применительно к Карабаху. По-моему, он был удовлетворен моей репликой.

Ян Элиассон предлагал подумать о целесообразности стратегии «шаг за шагом» для преодоления недоверия между воюющими сторонами и таких мер доверия, как возврат заложников, обмен военнопленными, деблокада, снятие эмбарго, запрещение некоторых видов оружия, отказ от нападений на мирное население, предоставление гуманитарной по-

мощи. Шагами доверия к политическому решению и подойдем, считал Элиассон. Только надо найти увязки между самими этими шагами. Полезную роль могли бы сыграть конфиденциальные дискуссии на уровне военных и дипломатических экспертов.

Из его ответов на наши вопросы явствовало, однако, что ничего этого в Баку не желают. Им нужно прекращение огня и возвращение потерянных территорий, включая Лачин и Шуши, о статусе Карабаха даже говорить не хотят, зато жалуются на огромный ущерб, который они сами терпят от войны.

Поскольку Элиассон просил у нас совета, я позволил себе выдвинуть идею целостного, комплексного применения международного права и в карабахском урегулировании. И это, мне кажется, тоже импонировало шведскому дипломату.

И тут 9 марта на свет Божий появляется удивительный документ, проникнутый трогательной заботой об азербайджанской стороне, которая, видите ли, «столкнулась с серьезным психологическим барьером» в деле выполнения Протокола от 18 февраля и ее надо успокоить, а для этого — ускорить подготовку «большого» Соглашения, которое дало бы ей «больше уверенности», и досрочно освободить — в качестве «жеста доброй воли», разумеется, — «тот или иной район, захваченный в ходе прошлогодних боевых действий, скажем, город Агdam и близлежащие села». И кто же должен успокаивать азербайджанцев? Ну, конечно же, карабахцы, которых подписавшие эту бесподобную бумагу деятели даже называть собственным именем не захотели, предпочтя совершенно идиотское иносказание «армянские стороны», но при этом лицемерно призывая не к каким-нибудь, а к непременно «честным шагам навстречу миру». И кто же эти «умники»? Один из них — господин А. Козырев. Ну, ему не привыкать прибегать к дипломатическим диверсиям. А вот зачем поставил свою подпись под «инициативой», явно подрывающей реализацию грачевского Протокола, начальник генштаба М. Колесников, уму не постижимо. Роберт Кочарян, получив эту ценную бумагу, ответил каждому по отдельности 15 марта. Ответил, как всегда, очень вежливо, очень грамотно и очень ясно. Он предложил московским крючкотворам «продумать возможность снятия психологических барьеров не за счет одной из сторон, а какими-то иными способами, скажем, усилением механизма контроля». «Учитывая крайнюю обремененность руководства НКР собственными проблемами, писал он, в том числе

психологического порядка, мы затрудняемся в условиях взаимного недоверия взять на себя задачу создания режима максимального благоприятствования для азербайджанских властей.» Роберт выразил удивление и постановкой вопроса о «жесте доброй воли» в отношении Азербайджана, который открыто торпедирует реализацию взятых на себя обязательств, и эти действия не получают должной оценки. «Несбалансированное принятие посредником возрастающих требований одной из сторон конфликта, абсолютно не отражающих сложившихся реалий, не может стать конструктивной основой урегулирования.» Давайте все же действительно идти навстречу миру решительными и честными шагами, как, собственно, вы и предлагаете, господа.

Таким был смысл заключительной фразы ответных писем Роберта Кочаряна и тому, и другому, но Козыреву он ответил более детально, разбив в пух и прах его фарисейскую «аргументацию» в пользу умасливания Алиева за счет Карабаха. И ведь утерлись в Москве, получив такой афронт от маленького непризнанного, но сильного духом государства.

Мне стало известно, что Ваган Папазян, получивший подобное письмо Козырева и Колесникова, вообще отвечать не стал, но экспертов в Москву на встречу с азербайджанцами и шведами все-таки послал. И карабахцев убедил последовать своему примеру: они собирались вообще бойкотировать встречу, поскольку Москва не осудила азербайджанцев за срыв грачевской инициативы.

Казимирову очень не понравился ответ Кочаряна, о чем он мне сам сказал по телефону. Но он продолжил свою миссию как ни в чем не бывало и направил (а, может, просто продублировал) через меня Давиду Шахназаряну и Манвелу Саркисяну адресованный руководству Армении и НКР проект Соглашения о прекращении вооруженного конфликта. Проект датирован 17 марта, получил я его факсом 18-го, после звонка Казимирова, и тогда же передал адресатам. Правда, встреча экспертов в Москве, смысл которой заключался в согласовании статей этого проекта, очень быстро зашла в тупик из-за категорического нежелания азеров пускать на свою территорию разъединительных сил.

От Казимирова же я узнал о трагическом инциденте с иранским военнотранспортным самолетом, который отклонился от маршрута Москва — Тегеран, видимо, был обстрелян и упал в Карабахе, недалеко от Степанакерта. Иранцы с помощью карабахцев и армянских экспертов довольно быстро разобрались в причинах несчастного случая и не ста-

ли обострять отношения с армянами, зная, что не по их вине самолет отклонился от своего пути следования и потерпел аварию.

29 марта на свет появилось совместное заявление МИД и МО РФ в защиту миротворческой деятельности России с четко сформулированной позицией: для осуществления своих миротворческих операций Россия не нуждается в каком-то «разрешении» от ООН или СБСЕ, хотя от сотрудничества с ними не отказывается. Констатируя, что реакция на обращения стран СНГ в ООН и СБСЕ за поддержкой вечно затягивается, авторы заявления твердо дали понять всем, что Россия и ее соседи обойдутся созданными в рамках СНГ механизмами и соглашениями, а мировому сообществу придется признать эту объективную реальность и перейти к более тесному взаимодействию с ними, отбросив подозрения в «неоимперских амбициях». Это было очень смелое и совершенно правильное, на мой взгляд, заявление, ибо от ООН и СБСЕ за два года их «причастности» к карабахскому конфликту толку никакого не было и не предвиделось.

Эту позицию фактически поддержал Совет глав государств СНГ, заседавший в Москве 15 апреля.

2 мая главы дипмиссий в Ереване встретились с заместителем председателя Минской группы шведом Моссбергом, который только что проделал серию челночных полетов по маршруту Баку — Ереван — Степанакерт — Ереван — Баку — Ереван. Особых результатов эта акция не дала. Азеры высказались за прекращение огня, но без уточнения механизма соблюдения, в то время как карабахцы — за механизм Протокола от 18 февраля. Кстати, эту свою позицию мининдел НКР Аркадий Гукасян и командующий армией обороны НКР Самвел Бабалян подтвердили в письме Павлу Грачеву, Андрею Козыреву и Владимиру Казимирову 28 апреля.

Тем не менее Моссбергу удалось обнаружить «новый реализм» у всех сторон, и он пришел к выводу, что мир вот-вот наступит. Сам он и его миссия поддерживали предложения России и работали в контакте с российскими представителями.

Бишкек навязывает перемирие

Очень серьезный шаг к прекращению огня был предпринят в Бишкеке 5 мая на встрече парламентариев стран СНГ. Председатель Совета Федерации России, он же Председатель Межпарламентской Ассамблеи

СНГ Владимир Шумейко сделал принципиальное заявление: «без признания руководства Нагорного Карабаха стороной конфликта нельзя этот конфликт ликвидировать». Это не понравилось азербайджанской делегации, и ее глава, уже известный нам Аффиятдин Джалилов сначала не поставил свою подпись под Бишкекским Протоколом от 5 мая, полностью поддержавшим грачевский Протокол от 18 февраля, который азербайджанцы, как мы помним, подписали, а через два дня дезавуировали. Но 9 мая на заседании Верховного Совета Армении его председатель Бабкен Аракцян сообщил, что у него был телефонный разговор с председателем азербайджанского парламента Расулом Гулиевым, и тот информировал его, что Азербайджан тоже подписал Бишкекский Протокол. Выдвинутые при этом «поправки» армянский спикер счел несущественными.

Бишкекский Протокол определил дату прекращения огня — в полночь с 8 на 9 мая. На фронтах установилось относительное затишье. Генерал Зиневич посмеивался: там сейчас бывает так, что днем продолжают воевать, а ночью вместе шашлык едят. Война как маятник — то в одну сторону прорыв, то в обратную. Жаль, что людей гибнет много и зачастую зря.

Наконец-то, маятник качнулся в сторону мира. Правда, перемирие стало эффективным не с 9-го, а с 12 мая. Оформлено оно было письмом министров обороны Азербайджана и Армении и командующего армией Нагорного Карабаха, адресованным 11 мая министрам обороны и иностранных дел России и представителю Президента России. 17 мая в Москве была подписана детализированная «Договоренность» о порядке реализации Протокола от 18 февраля. Под ней те же подписи, что и под самим Протоколом.

На этот раз перемирие стало реальностью, причем всерьез и надолго, к великому счастью бойцов, погибавших в окопах, и их родных и близких в тылу. Забресли перспективы умиротворения. Начался новый этап дипломатической работы.

Ян Элиассон и его зам Моссберг одобрили перемирие. Американский визави Казимирова по «инициативам» 1993 года Дж.Мареска открыто выразил недовольствие активизацией посреднических усилий России и высказался за поддержку Соединенными Штатами такой концепции самоопределения Нагорного Карабаха, осуществление которой оставляло бы его в пределах Азербайджана, разумеется, «на основе сво-

бодного союза» (ничего себе свобода!). Обо всем этом он поведал в газете «Крисчен сайенс монитор» в июне 1994 года. Сие означало, что мирного завершения конфликта без вмешательства посторонних для региона держав в ближайшее время не предвидится: будут всячески мутить воду и поддерживать исторически, политически и юридически неоправданные и неправомерные притязания Баку. Одним из способов создания помех урегулированию стали «планы», выходившие из недр СБСЕ и почему-то почти всегда нацеленные на удовлетворение азеров, но неприемлемые для карабахцев, которые не могли согласиться на отвод своих войск без замены их разъединительными силами и создания зон безопасности. Армяне их в этом полностью поддерживали.

27 мая я был у Левона Тер-Петросяна с поздравлениями от Ельцина по случаю годовщины Армянской республики, провозглашенной в 1918 году. Президент поделился со мной подробностями плана урегулирования, предложенного Казимирову армянской стороной и сначала не принятого им. Правда, потом он понял, что без разъединительных сил армяне, как и карабахцы, ничего подписывать не будут. «Мне кажется, — сказал Левон Акопович, — что и Элиассона, и представителя госдепа Коллинза удалось убедить, что без разъединительных сил мир вообще невозможен. Но они продолжают маневрировать. А азербайджанцы воспользовались наличием двух планов — России и СБСЕ — и сорвали оба. Кстати, с французской стороны упрек в срыве обоих планов был брошен и Элиассону. А все потому, что и США, и Западная Европа ни в коем случае не хотят допустить в район конфликта именно российские разъединительные миротворческие силы и поэтому постоянно подыгрывают Азербайджану, который тоже этого не хочет. Подыгрывают они и Турции, рвущейся в миротворцы хотя бы в ипостаси наблюдателя. Коллинзу и Элиассону и об этом было сказано: пусть не мечтают, Турция — прямой участник конфликта.»

5 июня Казимиров, успевший побывать в Баку, приехал в посольство и перед своей встречей с президентом Армении вдруг решил информировать меня о некоторых аспектах переговорного процесса:

1. По его убеждению, американцы мешают достижению договоренностей. Они предпочитают топтание на месте успеху России в деле урегулирования, так как не хотят усиления ее влияния в Закавказье (Это наблюдение было подтверждено публичными высказываниями Марески, о которых я уже упоминал).

2. Азербайджанцы все время питаются дезой о каких-то передвижениях российских войск на помощь карабахцам. На этот раз не кто иной, как спикер Р. Гулиев наплел Г. Алиеву, будто из Ахалцихе (Грузия) движется в Гюмри российский полк для последующего броска в Кельбаджар. Сам Казимиров сказал им в Баку, что этого не может быть. Сейчас звонил генералу Алексею Третьякову. Тот подтвердил, что азербайджанцы несут чушь.

3. У азербайджанцев есть подвижки в сторону признания карабахцев конфликтующей стороной, но они ужесточают свою позицию по Лачину и Шуши, требуя непременно их возврата.

После беседы с Леоном Тер-Петросяном, которая касалась исключительно тактики работы с разными проектами «Большого соглашения», Казимиров снова информировал меня, убеждая в том, что миротворческие операции лучше всего начинать с ввода разъединительных сил, а потом уже пускать туда наблюдателей, чтобы было за чем наблюдать. Эта позиция и мне показалась наиболее разумной.

Армянский президент придерживался иного мнения: сначала наблюдатели, потом — второй этап с разводом войск и размещением разъединительных сил. Это он сказал не только Казимирову, но и Грачеву, который был в Ереване с визитом 8—9 июня. При этом Тер-Петросян подчеркивал: азербайджанцы получают искомые территории только при наличии разъединительных сил. Российских, разумеется.

Грачев подтвердил Тер-Петросяну, что он не намерен отступать от своего «плана», в котором карабахцы занимают должное место как реально воюющая сторона.

28 июля Ваган Папазян и Жирайр Липаритян в МИДе информировали дипкорпус о новом документе, закрепившем намерение конфликтующих сторон продолжать придерживаться режима прекращения огня, установленного 12 мая, и взять курс на Большое политическое соглашение. Этот документ, адресованный П. С. Грачеву, А. В. Козыреву, В. Н. Казимирову и Яну Элиассону, подписали: 26 июля — Минобороны Азербайджана М. Мамедов, 27 июля — Минобороны Армении С. Саркисян и командующий армией Нагорного Карабаха С. Бабалян.

В августе переговоры о Большом политическом соглашении при посредничестве России продолжились. Продолжаются они и до сих пор: я пишу эти строки летом 1997 года. Ну и пусть продолжают. Лишь бы перемирие сохранялось и карабахцам удавалось успешно противостоять

диктату чиновников СБСЕ, а главное — грубому нажиму великих держав, которые кто корысти ради, как, скажем, Соединенные Штаты и Франция, а кто слупа, жертвуя своими позициями в Закавказье, как Россия, пытаются продать Карабах азеро-туркам за каспийскую нефть.

Прекращение огня в Карабахе было главным событием 1994 года не только для моих карабахских и армянских друзей, но и для меня тоже, ибо я искренне сочувствовал и сочувствую справедливому делу освобождения Арцаха от азеро-турецкой опасности.

Вместо эпилога

Эпилог всегда писать рано, пока человек жив. Но у всякой миссии должно быть какое-то продолжение. Есть оно и у моей миссии в Армении.

Мне не предложили ничего такого в козыревском МИДе, что соответствовало бы моему опыту, профессиональной квалификации и готовности служить государственным интересам России и дальше.

Мне не дали работать на армяно-карабахском направлении.

А потом началась позорная и преступная во всех отношениях чеченская авантюра. Российская Федерация свалилась в пропасть государственного терроризма. Ее министр иностранных дел предал демократический выбор России (настоящий выбор, без кавычек, не связанный с чубайсами и иже с ними) и опустился до публичного оправдания преступлений российского правительства в Чечне.

Я решил, что мне с ним и ему подобными дальше совсем не по пути, и ушел в отставку, что развязало мне руки. Осенью 1995 года мне удалось выйти на страницы московской печати, и я продолжил, только теперь уже не оглядываясь на официальную позицию, свои выступления в защиту естественного права любого народа на самоопределение вплоть до создания независимого государства — будь то чеченцы или карабахцы. Я принял участие в работе Международного трибунала по Чечне, сделав акцент на необходимости разоблачения и осуждения государственного терроризма как чумы XX века, и при этом ни на мгновение не забывал об Арцахе, азерском малом империализме и пантюркизме как факторе угрозы и для народов Кавказа, и для российских государственных интересов не только там, а на всем постсоветском пространстве. В своих выступлениях на конференциях по проблемам народов Кавказа

в Стамбуле и Варшаве, организаторами которых были чеченцы и их иностранные друзья, я напоминал участникам и о борьбе карабахского народа и находил сочувствие у представителей других народов региона, которые совсем не в восторге от политики Азербайджана и его турецких покровителей. В печати я проводил ту же линию, что и в 1992—94 годах, когда работал в Армении. Это — линия на стратегический союз России с Арменией, неотъемлемым элементом которого является защищенный от азеро-турецкой опасности Нагорный Карабах. Если Россия хочет сохранить свое присутствие в Закавказье, она должна обязательно обеспечить неприкосновенность Армении и Карабаха и ясно обозначить такую позицию перед Азербайджаном, Турцией, Соединенными Штатами, ОБСЕ, ООН и так далее. После посещения Нагорно-Карабахской Республики в начале сентября 1997 года в качестве независимого наблюдателя на президентских выборах я выдвинул свой план карабахского урегулирования, который был опубликован в армянской печати. Суть его в том, чтобы обеспечить полную безопасность Карабаха и Армении. При этом я доказываю, что именно такой исход конфликта отвечает правильно понятым национальным интересам не только Армении, но и России и даже Азербайджана, которому не получить умиротворения, если он будет продолжать свои попытки уничтожить Карабах и карабахцев.

Я открыто заявил в российской печати, что предательство Карабаха равноценно предательству собственных интересов России. К сожалению, оно становится возможным: запах каспийской нефти и пресмыкательство перед западными кредиторами могут побудить наших беспринципных правителей устроить против Карабаха и Армении то же, что при их пособничестве было сотворено против сербов в бывшей Югославии. Не случайно азербайджанцы возлюбили дейтонский сговор: и там турки оказались в выигрыше, и в зоне карабахского конфликта хотят получить что-то подобное.

Прощаясь с армянскими друзьями 5 сентября 1994 года, я сказал:

— Можете быть уверены, что я не забуду Армению и Карабах. Я вас не предаю ни при каких обстоятельствах.

Это не клятва, а просто слово, которое я дал и которому никогда не изменял и не изменю.

Владимир Петрович Ступишин

Карабахский конфликт 1992 – 1994

ЛР № 070106. Сдано в набор 03.02.98. Подписано к печати 1.04.98.
Формат 60х88/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 7,9. Тираж 999 экз.

Христианское издательство
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 1